

Константин Черкасов

**"Поезд уходит
без свистка" 4
рассказа**

18+

Константин Черкасов

**"Поезд уходит без
свистка" 4 рассказа**

«Автор»

2026

Черкасов К.

"Поезд уходит без свистка" 4 рассказа / К. Черкасов — «Автор», 2026

Дорогой читатель! Я решил объединить все четыре рассказа в одну книгу. Сделал я это лишь для того, чтобы издать их вместе. Не ради новых глав или скрытых смыслов, а просто потому, что так будет удобнее. Кто хочет прочитать все четыре истории подряд — эта книга для вас, мой добрый и верный читатель. Спасибо, что ты со мной. Спасибо, что прошёл этот долгий путь — от первой страницы до последней. Эти четыре истории о поездах, которые уходят без свистка, о душах, ищущих прощения, о боли и надежде, о грехах и искуплении. Я не менял тексты, не переписывал финалы. Я просто собрал их под одной обложкой. Для тебя. Если ты читал их по отдельности — теперь можешь перечитать вместе. Если только начинаешь — добро пожаловать в этот поезд. Я не знаю, что будет дальше, но я рад, что ты рядом. Спасибо, что ты со мной. Искренне твой, автор. Я не гонялся за объемом, не добавлял лишнего. Для тебя, мой добрый и верный читатель. Спасибо, что ты со мной. Спасибо, что читаешь. Это главное.

© Черкасов К., 2026

© Автор, 2026

Константин Черкасов

"Поезд уходит без свистка" 4 рассказа

КНИГА ПЕРВАЯ «Поезду Уходит без свистка»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Нулевая отметка (Главы 1–6)

Глава 1. Вагон имени Ленин

Бен Лост открыл глаза и подумал, что оглох.

Потому что тишина была неестественной. Не той полевой тишиной, когда ветер гоняет пыль по воронкам. А той — вакуумной, когда не работает ни один звук, кроме крови в висках.

Он лежал на боку. Щека прилипла к чему-то холодному и ворсистому. Затекали руки. Левая нога занемела, и каждый удар сердца отдавался в пятке тупой, как кувалда, болью.

Бен открыл глаза.

Зеленое одеяло. Выцветшее, драное, с пятнами неизвестного происхождения. Потолок — низкий, фибровый, с сеткой трещин. Столик из коричневого пластика. Подстаканник — старый, советский, с мельхиором, который давно потемнел.

Купе.

Он был в купе.

Поезд не двигался. Не качался. Колеса не стучали. Но воздух дрожал — мелкой, неуловимой дрожью, будто где-то глубоко под полом что-то гудело, жило своей жизнью.

Бен сел.

Голова кружилась. Он провел ладонью по лицу. Пыль. Грязь. Засохшая корка у уголка губ — то ли кровь, то ли слюна. Пальцы пахли железом и потом. Тот запах, который не выветривается из кожи даже после трехдневного душа.

Бен оглянулся.

Купе было старым. Не просто старым — забытым. Зеркало на двери замутнело, как глаз катарактом. Занавески — синий ситец — висели косо, подвязанные узлами, похожими на петли. На стене, над верхней полкой, кто-то выцарапал ножом: «СЛАВА» — и дальше слово обломилось.

Его вещей не было.

Ни рюкзака. Ни броники. Ни автомата. Только то, в чем он пришел: тактические штаны цвета «мультикам», застиранные, на коленях протертые до ниток. Футболка — черная, хлопковая, когда-то дорогая, сейчас в мелких дырочках от искр. На левом предплечье — пустая кобура «Серпа». На правом — часы G-Shock. Экран треснут, но время идет. Время шло.

14:23.

Какое сегодня число? Бен не помнил.

Он помнил только одно. Вспышка. Не взрыв — другая вспышка. Ментальная: контракт. Специальная военная операция. Деньги. Много денег. Восемь тысяч долларов в месяц чистыми, плюс бонус за каждого «двухсотого». Он подписал бумаги в варшавском офисе, где пахло кофе и дешевым пластиком. Ему пожали руку. Сказали: «Бен, ты профессионал».

А потом — темнота.

Бен встал. Ноги держались плохо. Сделал два шага к окну. Занавески раздвинул.

За окном была Россия. Или Украина. Или то, что от них осталось.

Поле. Бесконечное, серое, сожженное. Не чернозем — пепел. Среди пепла торчали скелеты подсолнухов, черные, скрюченные, похожие на высохшие пальцы. Где-то вдалеке дымился лес. Не горел — именно дымился, медленно, как трясина.

И никаких признаков жизни. Ни людей. Ни машин. Ни птиц.

Бен попытался вспомнить, как он оказался в вагоне.

Пустота.

Как будто кто-то взял ластик и стер три часа, четыре, день. Последнее, что осталось в памяти: жара. Сухая, ненастоящая жара. Он сидел в какой-то яме. Рядом кто-то плакал. Или молился.

— Тук-тук, — сказали из коридора.

Бен резко обернулся — профессиональная привычка, так же как спать с открытыми глазами и не моргать при хлопке.

В дверях стоял мужчина.

Лет сорока. Высокий. Русский, с залысинами. Обычное лицо — такое бывает у учителей физкультуры или у бывших военных, которые ушли в такси. Серые глаза. Простая черная ветровка на молнии, выдавшая виды. Джинсы. Кроссовки «Адидас» с галочкой — китайская подделка, такие продают на рынках за двадцать долларов.

Ничего необычного.

— Свободно? — спросил мужчина, кивая на полку.

Бен не ответил. Он изучал руки мужчины. Чистые. Ногти коротко стрижены. На указательном пальце — старый шрам, похожий на след от ножа.

— Свободно, — сказал Бен, потому что не нашел причин отказать.

Мужчина зашел. Сел рядом с окном. Поднял подстаканник, покрутил в руках, поставил обратно. Жесты спокойные, неторопливые. Обычный человек в обычном поезде.

— Михаил, — представился он.

— Бен.

— Американец?

— Да.

Михаил кивнул. Не удивился, не обрадовался. Просто принял как факт.

— Далеко едешь? — спросил он.

Бен хотел ответить. И не смог. Потому что не знал. Он сел в поезд, но куда, зачем — не помнил. Билета в кармане не было. Только жетон наемника с номером 417 и горсть патронов 7.62.

— Не знаю, — признался Бен.

Михаил посмотрел на него. Спокойно. Не осуждающе, не удивленно.

— Бывает, — сказал он. — В дороге часто забываешь, зачем ехал. Особенно в таких поездах.

Поезд дернулся. Внезапно, грубо, без предупреждения. Колеса лязгнули — металл о металл, старый, ржавый, болезненный звук. Бен схватился за край полки. Михаил даже не шелохнулся.

Вагон покачнулся и поплыл.

В окне побежал пепел. Медленно, скупно, как кадры старой кинохроники.

— Второй попутчик к вам подсаживается, — сказал из коридора проводник.

Бен не слышал, как он подошел. Проводник стоял в проходе — мужчина лет пятидесяти, в синей форме, измятой и застиранной до белесости. Фуражка сидела криво. Лицо — бледное, с мешками под глазами. Обычное лицо уставшего железнодорожника.

— Не против? — спросил проводник. Голос глухой, равнодушный.

— Без разницы, — ответил Бен.

Проводник кивнул и ушел. Бен не заметил, как — шаги были слишком тихими для тяжелых форменных ботинок.

Через минуту в купе зашел второй.

Коротко стриженный. Бритый, с аккуратной эспаньолкой. На вид — чуть за тридцать. Одет в темно-синее пальто, недорогое, но с иголочки. На ногах — коричневые туфли, начи-

ценные до того состояния, когда на них больно смотреть. От мужчины пахло дорогим табаком и чем-то сладковатым — может, парфюмом, может, кожей.

— Привет, — сказал он, кивая обоим сразу. — Не занято?

— Садись, — сказал Михаил.

Второй сел рядом с Беном. На той же полке. Ближе, чем хотелось бы. Бен подвинулся.

— Темптер, — представился мужчина, протягивая руку.

Бен пожал. Ладонь оказалась сухой, теплой, с цепкими пальцами.

— Бен.

— Американский акцент, — улыбнулся Темптер. — В этих краях редкость сейчас. По работе?

— Можно и так, — сказал Бен.

— Наемник? — прямо спросил Темптер.

Бен не ответил. Он смотрел в окно, где вместо пепла пошли поля. Рожь. Настоящая, живая, золотая, под низким солнцем. Но что-то в этой ржи было неправильным. Слишком ровные ряды. Слишком тихо. Ни ветра, ни птиц.

— Я тоже по работе, — сказал Темптер, доставая пачку сигарет. «Мальборо», красный. — Но моя работа другая. Консультации.

— В чем? — спросил Бен без интереса.

— В выборе.

Михаил, который все это время молчал и смотрел в окно с противоположной стороны, повернул голову.

— В выборе чего? — спросил он.

И тут Бен заметил. Михаил и Темптер не смотрели друг на друга. Не как враги. Не как знакомые. Как люди, которые видят друг друга впервые и еще не решили, что делать с этим фактом.

Темптер пожал плечами:

— В выборе пути. Работы. Жизни. Смерти. — Он улыбнулся. Уголки губ поднялись ровно на миллиметр. — Бывают же сложные решения, правда?

Поезд качнуло сильнее. В окне вместо ржи показался лес. Обычный, русский лес — березы, осины, редкие сосны. Но все деревья были мертвыми. Серыми. И на каждом — ни одного листа.

— Станный лес, — сказал Бен вслух.

— Бывает, — ответил Михаил.

— Не бывает, — усмехнулся Темптер.

Они снова замолчали. Каждый смотрел в окно. У каждого в глазах было что-то, что Бен не мог прочитать — слишком устал, слишком плохо соображал, слишком сильно болела голова.

Поезд шел вперед. Колеса стучали монотонно, как метроном.

Бен Лост сидел между двумя незнакомцами, сжимал в кармане наемничий жетон и чувствовал, что что-то не так. Что-то с ним, с этим поездом, с этими людьми.

Но что именно — не понимал.

Он вздохнул, откинулся на стенку и закрыл глаза.

Когда он откроет их снова, полей за окном не будет. Будет только тьма. Но это будет потом.

А пока — стук колес, запах табака и две чужих спины по бокам.

Глава 2. Дорога без начала

Поезд шел ровно.

Не так, как ходят нормальные поезда — с ускорением, торможением, с неприятным всхлипом на стыках. Он шел так, будто ехал всегда. С одинаковым, чуть слышным гудением, от которого начинало ныть в зубах.

Бен Лост сидел на нижней полке у окна. Слева от него, на соседней нижней, устроился Михаил. Темптер забрался наверх, на полку над Михаилом, и свесил ноги в дорожных туфлях. Над Бенom пустовало место — ни вещей, ни одеяла, только матрас в серых пятнах.

Окно было одно. На всех троих.

За ним тянулась земля. Серая, плоская, без единого дерева. Иногда попадались воронки, заполненные мутной водой, иногда — ржавые остовы техники, похожие на скелеты доисторических животных.

Бен смотрел в это окно уже полчаса. Или час. Он потерял счет времени.

— Давно ты в дороге? — спросил Михаил.

Голос спокойный, без нажима. Михаил сидел расслабленно, положив руки на колени.

— Не помню, — сказал Бен. — Я вообще много чего не помню.

— Это лечится, — вставил Темптер сверху. — Водкой, например. Или разговором по душам. Второе полезнее, но первое быстрее.

Бен не ответил.

Он смотрел в окно. Пейзаж за стеклом был серым и плоским, как лист жести. Поле, снова поле, потом редкие деревья, похожие на согнутых старух, потом опять поле. Ни городов. Ни ферм. Никаких признаков, что здесь живут люди.

Только в одном месте, когда поезд чуть сбавил ход, Бен увидел.

Грузовик.

УАЗ, старый, с открытым кузовом. Стоял на обочине, вверх колесами. Двери вырваны. Вокруг — черное пятно, разошедшееся по песку как масло. И больше ничего.

Бен посмотрел на Михаила. Тот тоже смотрел на грузовик.

— Твой? — спросил Бен.

Михаил кивнул.

— Был мой.

— Что случилось?

— Мина. Или ФПВ-дрон. Я не видел. Сидел в кабине, перекуривал. Потом бахнуло. Очнулся в кювете. А машины уже нет. Только колесо осталось. Переднее, правое.

Он говорил без эмоций. Как о поломке стиральной машины.

— Повезло, — сказал Бен.

— Не то слово, — согласился Михаил. — Только вот везти не на чем. А груз обещал доставить.

— Какой груз?

— Не знаю. Пакет. В конверте. Наняли курьером. Денег дали вперед. Сказали: довези до места. Я согласился. Дороги я знаю, времени свободного много. А теперь вот — без тачки.

— И ты решил ехать поездом?

— А что делать? — Михаил пожал плечами. — Обещал — надо везти.

Поезд дернулся. В динамике над дверью раздался скрежет, потом голос — усталый, прокуренный, без интонаций:

— Следующая станция — Белые Пески. Стоянка пять минут.

Бен поднял голову. Впервые за все время он услышал, чтобы поезд объявлял остановки. Он ждал, что голос добавит еще что-то — про осторожность, про время прибытия, но в динамике зашипело и погасло.

— Белые Пески, — повторил Темптер. Он все еще сидел на верхней полке, покачивая ногами. — Хорошее название. Бывал там?

— Не помню, — отрезал Бен.

— Ты много чего не помнишь, — заметил Михаил. Не зло. Констатируя.
Бен замолчал.

Он уставился в столик. Коричневый пластик был исцарапан. Кто-то выцарапал ножом сердечко, проткнутое стрелой, и подписал: «Люда + Коля 2007». Рядом — матерное слово из трех букв, перечеркнутое. Еще ниже — чей-то телефон, начинающийся на +7.

Бен провел пальцем по царапинам. Острые края. Настоящие.

Он вдруг вспомнил.

Не то чтобы воспоминание — так, картинка. Он сидит в таком же купе. Год не помнит. Поезд Москва — Симферополь. Ему двадцать три. Он возвращается из командировки. Нет, не командировка. Из первого контракта. Ирак? Нет, раньше.

Картинка дрогнула и рассыпалась.

— Ты военный? — спросил Михаил.

— Был, — ответил Бен. — Потом наемник.

— Давно?

— Восемь лет. Или девять. Сбился со счета.

Темптер сверху хмыкнул.

— Достойная профессия для человека без счета.

— А ты кем работаешь? — спросил Бен, поднимая голову.

— Я же сказал. Консультант.

— В какой сфере?

— В этике. — Темптер улыбнулся. — Шучу. В бизнесе. Помогаю людям принимать решения. Сложные решения. Те, после которых не спится.

— И часто к тебе приходят?

— Достаточно. Люди любят перекладывать ответственность. Особенно когда цена ошибки высокая.

Михаил слушал молча. Он смотрел в окно, на проплывающие мимо поля.

— А ты, — спросил Бен у Михаила, — давно водителем?

— Лет пятнадцать. Всю Россию изъездил. До Киева доезжал, до Минска, до Харькова. Грузы возил. Стройматериалы в основном. Иногда — продукты.

— И сейчас бы возил, если бы не дрон?

— Если бы не дрон, — эхом повторил Михаил. — Да. Только сейчас везде дроны. И мины. И снайперы. Не та дорога стала.

Он помолчал. Потом добавил:

— Я этот пакет везу. Довежу — и все. Дальше хоть в пекари пойду. Или в дворники.

Бен не поверил. Не в слова — в интонацию. Слишком спокойно. Слишком ровно. Как у человека, который знает больше, чем говорит.

Поезд замедлился.

За окном проплыла платформа. Бетонная, облупившаяся, с редкими столбами освещения, которые не горели. На платформе стоял один человек — женщина в темном пальто, с большим узлом в руках. Лица не разобрать. Она не шевелилась. Стояла как памятник.

— Белые Пески, — повторил динамик.

Поезд остановился. Вагон качнулся, лязгнул сцепкой.

И в ту же секунду Бен услышал шаги в коридоре. Тяжелые, уверенные. Кто-то шел от начала вагона к концу, не спеша, пристукивая подошвами.

Дверь купе сдвинулась.

На пороге стоял мужчина в синей форме проводника. Бледный, с мешками под глазами, с фуражкой набекрень. В руках он держал жестяной поднос с тремя стаканами в подстаканниках.

— Кипяток, — сказал он равнодушно.

Поставил поднос на стол. Один стакан перед Михаилом, второй перед Беном, третий — на верхнюю полку, рядом с Темптером. Повернулся и вышел.

Бен посмотрел на стакан. Чай? Нет. Просто кипяток. Прозрачный, с паром, поднимающимся над поверхностью. На дне — ни заварки, ни сахара. Вода.

Он взял подстаканник. Металл был горячим, но Бен не обжегся. Слишком мозолистые пальцы.

— А где проводник? — спросил он. — Как его зовут?

— Илья, — ответил Михаил. — Он представлялся.

— Когда?

— Когда ты спал.

Бен не помнил, чтобы он спал. Но Михаил сказал это так спокойно, что спорить не хотелось.

Темптер дул на свой кипяток. Аккуратно, по-кошачьи, сложив губы трубочкой.

— Хороший проводник, — заметил он. — Внимательный. Кипяток вовремя принес.

— Обычный, — сказал Михаил.

— Не бывает обычных проводников, — возразил Темптер. — Бывают плохие или хорошие. Этот — хороший. Даже слишком.

Он поставил стакан на столик, свесился с полки и посмотрел на Бена.

— Ты так и не рассказал, куда едешь.

— Я не знаю.

— Ты знаешь. Просто не хочешь говорить.

Бен стиснул зубы. Этот Темптер раздражал. Не тем, что лез в душу — многие лезут. А тем, что угадывал.

— Украина, — сказал Бен. — На СВО. Деньги.

— Много?

— Восемь тысяч долларов в месяц.

— Это много, — согласился Темптер. — Особенно если учесть, что платят вперед.

— Мне не заплатили.

— Почему?

— Потому что я еще не начал.

— Или потому, что не закончил?

Бен посмотрел на него в упор. Темптер не отвел взгляд. Глаза — обычные, карие, с мелкими морщинками в уголках. Ничего демонического. Ничего святого. Просто мужчина, который едет в неизвестном ему направлении.

Михаил поднял свой стакан. Отхлебнул кипяток так, будто это был чай. Без гримасы, без удивления.

— Восемь тысяч, — повторил он задумчиво. — Недешево. Кто платит?

— Контора. Варшава. Наемников набирали. Требовались опытные. С боевым.

— И ты поехал.

— Поехал.

— Зачем?

Бен хотел ответить: «деньги». Просто, как отрезать. Но слово застряло в горле. Потому что деньги — это была только половина. Вторая половина была другой. Темной. Липкой. Той, о которой он не говорил даже сам себе.

— Привык, — сказал он наконец. — К войне привык. К гражданке — нет.

— А семья? — спросил Михаил. — Жена, дети?

— Нет.

— Родители?

— Отец умер. Мать в доме престарелых во Флориде. Я ей деньги посылаю. Иногда.

Михаил кивнул. Темптер молчал, крутил в пальцах незажженную сигарету.

За окном платформа с женщиной осталась позади. Поезд набирал скорость. В стекле отражались трое мужчин. Бен поймал себя на мысли, что смотрит не на пейзаж, а на отражения. На свои глаза — красные, воспаленные. На лицо Михаила — усталое, но какое-то... цельное. На лицо Темптера — слишком спокойное.

— А ты, — спросил Бен у Темптера, — куда едешь?

— По делам.

— Каким?

— Есть один клиент. Должен с ним встретиться. Обсудить условия.

— В зоне боевых действий?

— Везде сейчас зона боевых действий, — усмехнулся Темптер. — Просто не все об этом знают.

Он сунул сигарету обратно в пачку. Посмотрел на табличку «НЕ КУРИТЬ», прикрученную над дверью. Убрал пачку в карман пальто.

— Твой груз, — Бен повернулся к Михаилу, — что в пакете?

— Не знаю. И не хочу знать. Наняли — везу. Конверт запечатан. На конверте адрес. Довезу — отдам. Получу остальное.

— И кто нанял?

— Мужик. На стоянке подошел. Сказал — ты Михаил? Я говорю — да. Он говорит — есть работа. Срочная. Оплата хорошая. Я согласился.

— Не боишься?

— Чего?

— Что в конверте? Наркотики? Оружие? Деньги?

Михаил посмотрел на Бена. В глазах — ни страха, ни любопытства. Только усталость.

— Если в конверте наркотики, я их не нюхаю. Если оружие — я не стреляю. Если деньги — они не мои. Я просто везу. Понял? От точки А до точки Б. Остальное не мое дело.

Бен хотел сказать что-то еще. Про ответственность. Про риск. Но осекся.

Потому что понял: он делает то же самое. Его наняли убивать. От точки А до точки Б. Остальное не его дело.

В купе повисла тишина.

Поезд снова дернулся. За окном потемнело. Не от времени суток — просто тучи набегали. Низкие, черные, с багровым отливом.

— Буря будет, — сказал Темптер. — Я люблю бури. Очищают воздух.

— От чего? — спросил Бен.

— От молчания.

Бен отвернулся к окну. В стекле, поверх отражений, поползли первые капли дождя. Крупные, редкие, похожие на слезы. Они оставляли грязные разводы на пыльном стекле.

Он снова попытался вспомнить.

Вспышка. Жара. Яма. Плач.

И больше ничего.

Бен Лост, наемник с восьмилетним стажем, забыл.

Он вообще плохо соображал. Его пальцы, лежащие на столе, вдруг задрожали. Мелко, противно, как у старика.

Бен спрятал руки под стол.

Михаил заметил. Ничего не сказал. Только подвинул свой стакан с кипятком ближе к Бену.

— Пей, — сказал он. — Поможет.

Темптер усмехнулся. Достал наконец сигарету, но не закурил. Покрутил в пальцах, понюхал фильтр, убрал за ухо.

— Восемь тысяч в месяц, — повторил он, глядя в потолок. — Интересно, кто оценил твою душу в такую сумму.

— Я сам, — сказал Бен.

— Нет, — покачал головой Темптер. — Твою жизнь оценил кто-то другой. А ты просто подписался.

Поезд вошел в лес. Мертвый лес. Серые стволы, черные ветки, похожие на спутанные волосы. Дождь усилился. Стекло залило водой, и отражения троих мужчин поплыли, смешались, превратились в одно расплывчатое пятно.

Бен взял стакан. Отхлебнул кипяток.

Вода обожгла губы, язык, горло. Боль была настоящей. Живой.

Значит, он еще жив.

Или ему только казалось.

Он поставил стакан, откинулся на стенку и закрыл глаза. Стук колес звучал как пульс. Медленный. Нечеловеческий.

За дверью купе снова кто-то прошел.

Бен не открыл глаза. Он знал, что это Илья. Проводник с лицом выцветшей фотографии.

Глава 3. Водочное забытие

Поезд шел сквозь дождь.

Стекла затянуло мутной пеленой. Пейзаж за ними превратился в акварельное пятно — серое, зеленое, с редкими вспышками белого, когда молния резала небо над лесом. В купе пахло кипятком, старой обивкой и сигаретами Темптера, которые он так и не закурил.

Бен сидел, прислонившись спиной к холодной стене вагона, и чувствовал, как головная боль отступает. Не проходит — отступает. Сдает позиции медленно, нехотя, как старый окопник, который бросает пулемет только когда кончились патроны.

Михаил молчал. Темптер тоже.

Тишина была неловкой. Не враждебной — той, какая бывает между незнакомцами, которые оказались в одном купе и еще не решили, стоит ли нарушать молчание.

Бен решил первым.

— Выпить бы, — сказал он.

Михаил поднял бровь.

— Здесь не продают, — ответил он. — По крайней мере, в этом вагоне.

— Я и не надеялся.

— Похмелье? — спросил Темптер с верхней полки.

— Похмелье. Забытие. Я помню, как пил. Потом — провал. А теперь — вы.

Он замолчал, собираясь с мыслями.

Воспоминание пришло само. Не картинка — набор ощущений. Тесная комната. Запах дешевого табака и жареной картошки. Гул голосов — польских, украинских, один немецкий. Кто-то орет тост на ломаном английском. Стакан картонный, размокший от водки, мнется в пальцах.

— Накануне, — сказал Бен медленно, — я был с ребятами. Наемники. Поляки, украинцы. Мы пили водку. Много водки.

— Где? — спросил Михаил.

— В... — Бен запнулся. — Я не помню город. Какой-то город. Западная Украина. Львов? Или Тернополь. Не важно. Мы сидели в подвале. Бар. Стены из камня. Сыро. Воняло плесенью и перегаром.

— И ты напился, — констатировал Темптер.

— Я напился, — согласился Бен. — Я пил с ними часа три. Потом еще два. Потом мы вышли на улицу. Был вечер. Теплый. Очень теплый. И... — он потер лоб, — и я сел в такси. Нет, не в такси. Меня кто-то довез до вокзала.

— Кто? — спросил Михаил.

— Не помню. Темнота. Я зашел в поезд. Нашел свое купе. Лег. И проснулся здесь.

Он закончил и сам не поверил своим словам. Слишком гладко. Слишком логично. Как будто кто-то подсказал эту цепочку воспоминаний, разложил их по полочкам, а Бен просто озвучил.

Михаил кивнул.

— Бывает, — сказал он. — С водкой всегда так. Пьешь — помнишь. Потом — провал. А потом оказываешься в поезде, который идет черт знает куда.

— Ты сам так попадал? — спросил Бен.

— Со мной было другое. Я однажды в Ростове напился. Очнулся в Таганроге. В чужой машине. Ключи в замке зажигания, а я на заднем сиденье. Без штанов.

Темптер сверху фыркнул.

— Это история. А штаны где были?

— В багажнике, — серьезно ответил Михаил. — Свернутые. И надпись на лбу маркером: «Звоните такому-то». Я позвонил. Хозяин машины приехал, посмеялся, отвез меня обратно. Сказал: «Не пей с рыбаками, брат».

Бен почти улыбнулся. Почти.

— Ты, — он поднял голову к Темптеру, — тоже так попадал в поезда?

Темптер покачал головой.

— Я в поезда не попадаю. Я в них сажусь осознанно. Билет покупаю. Место выбираю. Я человек порядка, Бен. Хаоса не люблю.

— А консультант, который любит порядок. Звучит как оксюморон.

— Оксюморон, — повторил Темптер, будто пробуя слово на вкус. — Хорошее слово. Ты начитанный наемник.

— Я закончил колледж. До армии.

— И что изучал?

— Историю.

Темптер присвистнул.

— История — опасная штука. Особенно если знать, как она повторяется.

— Я не знал. Я просто хотел диплом.

— А потом пошел воевать, — вставил Михаил. Не вопрос — утверждение.

— Потом пошел воевать, — подтвердил Бен.

Поезд качнуло сильнее. В окне дождь сменился градом. Мелкие белые крупинки барабанили по стеклу, таяли, оставляли мокрые дорожки.

— Расскажи о себе, — попросил Бен у Михаила. — Ты сказал — дальнбойщик. А до этого?

— До этого? — Михаил задумался. — До этого я служил. В армии. Срочную. В железнодорожных войсках.

— Шутишь?

— Нет. Я рельсы клал. В девяностом. Еще при Союзе. Потом работал на стройке. Потом — водителем. Женился. Развелся. Опять женился. Опять развелся. Детей нет. Родители умерли. С братом не общаемся.

— Простая жизнь, — сказал Бен.

— Простая, — согласился Михаил. — Я и есть простой человек. Вот везу пакет. Довежу — получу деньги. Куплю новый грузовик. Буду возить стройматериалы. Может, накоплю на квартиру. Или не накоплю.

Он говорил ровно, без надрыва. Обычный мужик. Уставший. С битой жизнью, которая не сложилась, но и не развалилась окончательно.

Темптер слушал, поигрывая зажигалкой. Не зажигал — просто щелкал крышкой. Металлический звук вторил стуку колес.

— А ты? — Бен повернулся к нему.

— Что я?

— Кто ты? Не «консультант». А кто по жизни?

Темптер убрал зажигалку. Сложил руки на груди.

— Я учился на юриста. В Москве. Не закончил. Потом работал в продажах. Потом — в переговорах. Потом понял, что умею убеждать. Не продавать — убеждать. Это другой навык.

— В чем разница?

— Продавец предлагает товар. Убеждающий предлагает решение. Разница в том, что решение клиент считает своим собственным. Даже если ты его подсказал.

— Манипуляция, — сказал Михаил.

— Коммуникация, — поправил Темптер. — Манипуляция — это когда тебя заставляют делать то, что ты не хочешь. Я работаю иначе. Я показываю варианты. Клиент выбирает.

— И много клиентов в зоне боевых действий? — спросил Бен.

Темптер улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти дружелюбной.

— Там, где люди рискуют жизнью, вопросов больше, чем ответов. Я помогаю находить ответы.

— И как ты оказался в этом поезде?

— Встреча. Я сказал. У меня клиент в этих краях. Мы должны обсудить его... затруднение.

— Какое затруднение?

— Не могу сказать. Конфиденциальность.

Бен хмыкнул. Вытащил из кармана жетон наемника, повертел в пальцах. Латунь нагрелась от тела.

— Странный поезд, — сказал он.

— Обычный, — возразил Михаил. — Старый, правда. Но надежный. Я такие помню. Еще в девяностых ездил. Те же сиденья. Те же подстаканники.

— А куда он идет?

— В объезд, — сказал Михаил. — Из-за боевых действий маршрут изменили. Теперь через поля, через леса. Долго. Часа три до следующей крупной станции.

— А конечная?

— Конечная, — Михаил пожал плечами. — Конечная там, где рельсы кончаются.

Темптер засмеялся. Тихо, беззлобно.

— Поэтично, — сказал он. — Я бы сказал проще: конечная там, где пассажиры выходят.

Бен посмотрел на него. Темптер ответил взглядом. В его глазах не было ничего странного. Усталый, чуть ироничный взгляд человека, который много видел и многое перестал принимать всерьез.

И Михаил — обычный дальнобойщик с битой жизнью и пакетом в рюкзаке.

И он сам — Бен Лост, наемник, который вчера накачался водкой с поляками и украинцами, сел в поезд, а теперь едет неизвестно куда.

Все нормально. Все обычно.

Почему же тогда внутри, под ребрами, росло холодное, липкое чувство, что он врет себе?

— Ты уверен, что просто напился? — спросил Темптер, будто прочитав его мысли.

— А что еще?

— Не знаю. Может, тебе подмешали что-то. Может, ты не сам сел в поезд.

— Кто?

— Кому-то это выгодно. Ты наемник. У тебя могли быть враги. Или заказчики, которые решили, что ты слишком много знаешь.

Бен покачал головой.

— Я никому ничего не должен. Я исполнитель.

— Исполнители умирают первыми, — сказал Темптер. — Особенно когда контракт заканчивается.

Михаил кашлянул.

— Хватит, — сказал он спокойно. — Человек очухался. Голова болит. Не надо его пугать.

— Я не пугаю, — возразил Темптер. — Я предполагаю.

— Предполагай про себя.

Они посмотрели друг на друга. Бен уловил в этом взгляде что-то — не вражду, нет. Скорее несовпадение. Два человека, которые говорят на разных языках.

— Слушайте, — сказал Бен. — Я просто хочу доехать. До места. Получить деньги. Вернуться в Варшаву. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Михаил.

— Отлично, — сказал Темптер.

Поезд снова дернулся. В окне град кончился, пошла морось. Лес остался позади, снова потянулись поля. На этот раз — зеленые. Живые. Пшеница, еще не убранная, колыхалась под ветром.

— Скоро станция, — сказал Михаил, глядя в окно. — Я знаю эти места. За полем — поселок. Потом — станция. Называется «Красный Луч». Странное название для места, где нет ни красного, ни луча.

— Ты здесь бывал? — спросил Бен.

— Проездом. Год назад. Вozил цемент. На станции грузили. Помню, стоял старый локомотив. Ржавый. На нем кто-то написал краской: «Жди меня».

— Жди меня, — повторил Темптер. — Хорошая надпись.

— Да, — согласился Михаил. — Только не дождался.

Он замолчал. Бен не стал спрашивать, кто не дождался.

В коридоре снова прошел проводник. Медленно, тяжело ступая. За ним тянулся запах сырости и махорки. Он не заглянул в купе. Прошел мимо, как тень.

Бен посмотрел на дверь. Сквозь матовое стекло он увидел чей-то силуэт. Кто-то стоял в коридоре, глядя внутрь. Не Илья — другой. Высокий. В камуфляже.

— Там кто-то есть? — спросил Бен.

Михаил и Темптер обернулись к двери.

Никого.

Пустой коридор. Только качающаяся вешалка с чьим-то плащом.

— Померещилось, — сказал Темптер.

— Наверное, — ответил Бен.

Но он знал, что не померещилось.

Кто-то стоял. Смотрел.

И исчез, когда Бен моргнул.

Он потер глаза. Голова снова заболела. Не остро — ноюще, как зуб перед удалением.

— Водка, — сказал он вслух. — Никогда больше не буду пить с поляками.

— Каждый так говорит, — заметил Михаил.

— И каждый снова пьет, — добавил Темптер.

Они улыбнулись. Бен тоже.

На секунду ему показалось, что все действительно нормально. Три мужика в поезде. Едут. Разговаривают.

Но потом он посмотрел в окно.

В стекле, поверх отражений троих мужчин, он увидел четвертое лицо.

Свое собственное. Но старше. Страшнее. С открытым ртом, из которого текла черная, как масло, жидкость.

Бен моргнул.

Отражение исчезло.

В окне была только пшеница. И низкое, свинцовое небо.

— Ты чего? — спросил Михаил.

— Ничего, — ответил Бен. — Кажется, у меня галлюцинации.

— С похмелья бывает, — сказал Темптер.

— Бывает, — повторил Бен.

Он откинулся на стенку, закрыл глаза и постарался не думать о том, что увидел. Поезд стучал колесами. Где-то в тамбуре кашлянул проводник. Михаил и Темптер о чем-то тихо переговаривались, но слов Бен не разбирал.

Он провалился в тяжелый, черный сон без сновидений.

И не увидел, как Михаил и Темптер переглянулись. Не увидел, как Темптер покачал головой. Не увидел, как Михаил положил тяжелую ладонь на край полки, где спал Бен, и тихо сказал:

— Рано ему. Еще не время.

А Темптер ответил:

— Время всегда одно и то же. Просто люди не хотят его замечать.

Поезд шел вперед. К станции, которой нет на карте. К месту, где кончаются все дороги.

Глава 4. Начальник поезда

Поезд шел тихо.

Дождь кончился. За окном — снова поля, серые, мокрые, с редкими деревьями, похожими на черные молнии, ударившие в землю и застывшие. Небо висело низко, почти касаясь крыш, проносившихся мимо сараев. Ни дыма. Ни огней. Ни собак.

Бен спал.

Он лежал на своей полке, поджав колени к животу — поза, в которой спится в окопах, когда ждешь рассвета. Лицо было бледным, с синими тенями под глазами. Один ботинок снят, второй остался на ноге. Из кармана штанов торчал угол жетона.

Михаил сидел у окна, смотрел на поля. Рядом с ним на столике стоял остывший кипяток. Второй рукой он придерживал на коленях старый рюкзак — выцветший, потертый, с лямкой, зашитой толстой суровой ниткой. В рюкзаке лежал пакет. Конверт. Темптер все еще был наверху, на полке над Михаилом, и читал что-то в телефоне. Экран освещал его лицо снизу — делал его старше, жестче.

Никто не разговаривал.

Тишину нарушил звук. Не стук колес — другой.

Шаги.

Тяжелые, медленные, уверенные. Не как у Ильи — скользящие, почти неслышные. Эти шаги печатали по коридору: каблук — платформа, каблук — платформа. С ритмом, который не совпадал ни с движением поезда, ни с пульсом.

— Кто это? — спросил Темптер, не поднимая головы от телефона.

— Начальник, — ответил Михаил. — Мордван.

— Имя...

— Погоняло. Он старый. Из тех, кто еще при Союзе начинал. Говорят, он этот поезд помнит новым.

— Поезд не может быть новым, — заметил Темптер. — Ему лет сорок. Минимум.

— А Мордвану — под семьдесят. Или больше. Он не говорит.

Шаги приблизились. Остановились прямо за дверью купе.

Бен не проснулся.

Дверь сдвинулась.

В проеме стоял старик.

Ростом под два метра, но сутулый — плечи сведены вперед, как у человека, который всю жизнь таскал тяжести. Синяя форма начальника поезда — китель с погонами, брюки с лампасами. На погонах — следы от знаков различия, которые сняли, но не до конца. Фуражка — новая, темно-синяя, с гербом: два скрещенных ключа над колесом.

Лицо — старое, морщинистое, с глубокими складками от носа к углам рта. Брови — седые, густые, нависают над глазами. А глаза — не старческие. Светлые, почти бесцветные, смотрят тяжело, без моргания. Руки — огромные, с разбитыми суставами, с ногтями, пожелтевшими как старая кость.

Старик молчал целых пять секунд. Потом заговорил.

Голос — низкий, ржавый, как у человека, который перестал откашливаться лет двадцать назад.

— Кто разместился?

— Я, — сказал Михаил. — Михаил.

— Я, — сказал Темптер с верхней полки, убирая телефон в карман. — Темптер.

— Третий, — старик посмотрел на спящего Бена. — Американский наемник. Знаю.

Билет у него есть?

— Не видели, — ответил Михаил.

— У него нет билета. Я проверял. Но он едет. — Старик помолчал. — Значит, ему сюда.

Все устраивает?

— Да, — ответил Михаил.

— Вода есть. Кипяток приносят. Туалет в конце вагона, но вода перекрыта. Если что — Илья поможет. Не стесняйтесь.

Старик говорил коротко, рублеными фразами, как командир на построении. Бен не проснулся — но его дыхание изменилось. Стало поверхностным. Пальцы левой руки, той, что свисала с полки, дернулись.

— Поезд идет по маршруту, — продолжал старик. — Остановки по расписанию. Выходить — только на станциях. Двери не открывать. Окна не выбивать. За нарушение — высажу. Поняли?

— Поняли, — сказал Темптер.

Старик посмотрел на него. Долго. Тяжело. Темптер не отвел глаз.

— Хорошо, — сказал старик. — Отдыхайте.

Он повернулся — медленно, с достоинством. В дверях задержался. Не оборачиваясь, бросил:

— У нас в поезде все доезжают. Даже те, кто не купил билет.

И ушел.

Шаги удалялись — каблук, платформа, каблук, платформа. Потом открылась и закрылась дверь в тамбур. Потом — тишина.

Бен открыл глаза.

— Кто это был? — спросил он, садясь.

— Начальник поезда, — ответил Михаил. — Мордван.

— Старый пердун, — добавил Темптер без злобы.

— Не говори так, — сказал Михаил. Голос его стал жестче. — Он заслужил уважение.

— Чем? Тем, что ходит в форме, которой пятьдесят лет?

— Не формой. Жизнью.

Михаил замолчал. Посмотрел в окно. Поля закончились, пошли пески — желтые, сыпучие, с редкими кустами колючки. Поезд замедлился — не для остановки, просто дорога стала хуже.

— Я расскажу, — сказал Михаил, не глядя на попутчиков. — Про него. Илью потом спросил. Проводник много знает. Проводник все знает.

Темптер устроился поудобнее. Бен налил себе кипятку из стоявшего на столике стакана. Кипяток остыл — но пить можно.

— Мордвана, — начал Михаил, — зовут на самом деле Никифор Ильич. Фамилии никто не помнит. Он с семидесятых на железной дороге. Начинал кочегаром в паровозном депо. Потом — помощник машиниста. Потом — машинист. Потом — начальник поезда.

— Обычная карьера, — заметил Темптер.

— Обычная, — согласился Михаил. — Но дальше — необычная.

Он отхлебнул воды. Поморщился — остыла.

— В девяносто первом, когда все разваливалось, его поезд попал под обстрел. Где-то на Кавказе. Не важно где. Важно — что. Состав вез детей. Детский санаторий возвращался с моря. Сорок детей. Восемь взрослых.

Бен замер. Стакан застыл на полпути ко рту.

— Бандиты остановили поезд, — продолжал Михаил. — Захотели деньги. Никифор Ильич вышел к ним. Сказал — денег нет, везем детей. Они не поверили. Начали стрелять. Он загородил собой вагон. Две пули — в руку, одна — в бок.

— И что? — спросил Темптер.

— Он выжил. Детей не тронули. Бандиты ушли, потому что услышали шум — другой поезд шел. Никифор Ильич доехал до станции, сдал состав, упал на платформе. Врачи сказали — чудо. Пуля прошла в сантиметре от сердца.

Михаил помолчал.

— Но это не все. В девяносто четвертом он снова попал под обстрел. На этот раз в Чечне. Вез военных. Снайпер целился в машиниста. Никифор Ильич выключил свет в кабине, сам сел за управление. Провел состав через перевал под огнем. Ни одного раненого. За это получил орден. Но не тот, который дают при жизни.

— Какой? — спросил Бен.

— Мужества. Но не при жизни, — повторил Михаил. — Потому что документы сгорели. В архиве во время бомбежки. Нет бумаги — нет награды. Он не жаловался. Сказал: «Я не ради бумаги. Я ради дела».

Темптер молчал. Бен молчал.

— А потом, — Михаил понизил голос, — в две тысячи четырнадцатом, он повел поезд через Донбасс. Первый раз, когда все только начиналось. В вагонах были люди. Старики. Женщины. Дети. Они бежали от войны. Мордван вез их в Россию. Под обстрелами. По разбитым путям. Без связи. Без охраны.

— И доехал? — спросил Бен.

— Доехал. Не все. Один вагон накрыло минометом. Погибло семнадцать человек. Детей в том вагоне не было. Но он до сих пор винит себя. Сказал Илье: «Мог бы иначе. Мог бы быстрее. Мог бы по-другому маршрут проложить».

Михаил замолчал. Посмотрел на Бена. В его глазах была не грусть — тяжесть.

— С тех пор он в этом поезде. Не уходит на пенсию. Не уезжает. Говорит: «Мой маршрут еще не закончен».

— Каждый день возит людей, — сказал Темптер. — И каждый день помнит тех, кого не довез.

— Да, — сказал Михаил.

Бен поставил стакан. Он смотрел на дверь, в которую вышел старик. Смотрел и думал.

Он встречал таких. Старых вояк. Ветеранов, которые не могут уйти. Которые тащат на себе груз, даже когда позвоночник трещит. Мордван был из них. Из тех, кто не геройствует — просто делает работу. Даже когда работа — везти людей через ад.

— Теперь понял, почему он так ходит? — спросил Михаил. — Тяжело. Потому что тело помнит каждую пулю.

— А глаза? — спросил Темптер. — Почему они такие?

— Потому что он видел то, что не должны видеть глаза человека. Детей под обстрелами. Стариков, умирающих на платформах. Своих коллег, которые не доехали.

Поезд снова пошел быстрее. Пески кончились, пошли леса — на этот раз живые, зеленые, с осинами и березами. В лесу, у самой кромки путей, стоял старый семафор. Красный. Огонь не горел — но Бен знал, что он красный.

— Зауважал, — сказал Темптер.

— Что? — не понял Михаил.

— Он сказал: «Попутчики зауважают». Я зауважал. Бен, ты?

Бен кивнул.

— Тяжелый мужик, — сказал он. — Такие не сдаются.

— Такие умирают на посту, — поправил Михаил.

В купе зашел Илья. С подносом. На этот раз — не кипяток. Стаканы с чаем. Настоящим — коричневым, пахучим, с дольками лимона на блюдцах.

— Начальник угощает, — сказал проводник равнодушно. — Сказал — хорошие пассажиры. Редкость.

Он расставил стаканы. Перед Беном, перед Михаилом, перед Темптером. Повернулся и ушел.

Бен взял стакан. Чай обжигал пальцы. Пахло бергамотом и чем-то еще — дымом, старым деревом, дорогой.

— За Мордвана, — сказал он.

— За Никифора Ильича, — поправил Михаил.

— За него, — кивнул Бен.

Они выпили. Даже Темптер — серьезно, без улыбки. Поезд шел через лес. За окном мелькнул указатель: на деревянном щите, прибитом к столбу, кто-то написал краской «СЧАСТЬЕ» и перечеркнул.

— Интересно, — сказал Темптер, — доведет ли он нас.

— Довезет, — ответил Михаил. — Всех довозит.

Бен молчал. Он думал о старике с тяжелыми глазами. О пулях, которые прошли в сантиметре от сердца. О детях, которых он спас. О тех, кого не спас.

Бен Лост не верил в героев. Но сейчас он был готов сделать исключение.

Он посмотрел в окно. Лес закончился. Началось поле. А на поле — танк. Брошенный, старый, с открытым люком. На башне кто-то нарисовал белой краской звезду. Или крест. Бен не разобрал.

Поезд ускорился. Танк остался позади.

— Еще чаю? — спросил Михаил.

— Еще, — сказал Бен.

Илья придет снова. Через час. Или через два. Время в этом поезде текло по-другому. Но Бен пока этого не замечал.

Он просто пил чай и смотрел в окно.

А поезд шел вперед, туда, где рельсы кончаются.

Глава 5. Первый грех (Зависть)

Чай давно остыл.

Бен сидел, привалившись к холодной стене, и смотрел в одну точку на столике. Коричневый пластик был исцарапан до белесого слоя. Какие-то буквы, цифры, сердечко, проткнутое стрелой. Люди оставляют следы. Даже здесь. Даже в поезде, который идет неизвестно куда.

Темптер спустился с верхней полки и теперь сидел напротив, на месте Михаила. Сам Михаил перебрался наверх — ему так было удобнее, сказал он. На самом деле Бен заметил: Михаил не любит, когда кто-то сидит над ним. Слишком много времени за рулем, где обзор должен быть полным.

Поезд шел через редкий березняк. Белые стволы мелькали за окном как частокол, падал редкий свет — не солнце, скорее просветы между тучами. На одной из берез висела тряпка. Желтая, привязанная к ветке узлом. Бен подумал: ориентир. Для кого-то, кто заблудился.

Но кто сейчас ходит по этим лесам?

— Скучно, — сказал Темптер, нарушая тишину. — Едем уже который час, а вы оба молчите.

— Не скучно, — возразил Михаил сверху. — Спокойно.

— Спокойствие — это смерть, — усмехнулся Темптер. — Я имею в виду, для разговора. Есть же темы. Мы почти не знаем друг друга.

— А надо? — спросил Бен.

— Надо, — серьезно ответил Темптер. — В дороге попутчики — это всё. Если сойдемся характерами — дорога короче. Если нет — будем смотреть в окно и считать столбы.

— Ты предлагаешь рассказывать истории? — Михаил свесил голову с полки. — Как в пионерском лагере?

— А почему нет? Время есть. Желание, надеюсь, тоже.

Темптер посмотрел на Бена. Бен пожал плечами.

— Рассказывай первый, — сказал он.

— С радостью. — Темптер потер ладони. — Но не я. Пусть Михаил. У него вид человека, который много видел.

Михаил помолчал. Потом вздохнул — глубоко, всем телом.

— Ладно, — сказал он. — Расскажу. Только не про себя. Про одного знакомого. Вернее, про двух.

— Слушаем, — сказал Темптер, устраиваясь поудобнее.

За окном березняк кончился. Пошли дома — редкие, разбросанные, с провалившимися крышами. Коттеджный поселок, который не достроили. Или бросили. Или уничтожили.

— Девяностые годы, — начал Михаил. — Екатеринбург. Время, когда рубль падал, а люди взлетали или падали вместе с ним. Были два брата. Не родные — названные. Дружили с армии. Один — Саша, второй — Коля. Саша — хваткий, пробивной, с железной хваткой. Коля — мягкий, толковый, но без напора.

— Типичный дуэт, — заметил Темптер.

— Типичный, — согласился Михаил. — Они открыли бизнес вместе. Прием лома цветных металлов. В девяностые это было золотое дно. Сдали — получил. Саша искал клиентов, пробивал лицензии, договаривался с ментами. Коля работал на точке — принимал, сортировал, взвешивал.

— И все шло хорошо? — спросил Бен.

— Шло. До поры. Потом появилась лицензия. Одна на двоих. Дешевле, чем две. Оформлять нужно было на кого-то одного. Саша сказал: «Я оформлю, ты не переживай, мы же братья». Коля согласился. Глупо, но согласился.

Михаил замолчал. За окном проплыл столб с натянутыми проводами. Провода висели низко — кто-то срезал изоляцию, собрал цветмет.

— Через месяц Саша пришел с бумагой, — продолжил Михаил. — «Лицензия моя. Точка моя. Ты, Коля, можешь работать у меня за процент». Какой процент — Саша не сказал. Коля спросил. Саша ответил: «Сколько заработаем — столько и получишь».

— Хороший брат, — усмехнулся Темптер.

— Коля терпел. Полгода. Работал по шестнадцать часов. Возился с цветметом, который вонял горелой проводкой и мазутом. А Саша ездил на новом «Мерседесе». Купил квартиру в центре. Нашел женщину. Женился.

— А Коля?

— Коля жил в той же общаге, где они начинали. Ел гречку с тушенкой. И считал. Считал, сколько он принес денег в общее дело. Считал, сколько бы имел, если бы лицензия была на него. Считал и ненавидел.

Бен услышал в голосе Михаила что-то личное. Не актерство. Опыт.

— Что было дальше? — спросил он.

— Саша позвал Колю на день рождения. В ресторан. Хотел, видимо, показать — смотри, как я живу. Ты тоже так можешь, если будешь работать. Коля пришел. Выпил. Молчал весь вечер. А когда Саша пошел к выходу, встал, достал нож и ударил. Один раз. В шею.

— Прямо в ресторане? — спросил Темптер.

— В туалете. Саша мыл руки. Коля зашел сзади. Никто не видел.

— И что с Колей? — спросил Бен.

— Сел. Дали четырнадцать лет. Вышел через десять. Старенький, больной. Ни семьи, ни работы. Через год умер. В той же общаге.

Михаил закончил. Поерзал на верхней полке, устраивая спину.

— Грустная история, — сказал Темптер. — Типичная для девяностых. Только морали не вижу.

— А мораль простая, — ответил Михаил. — Зависть — это когда ты смотришь на чужое и забываешь о своем. Коля мог уйти. Начать свое дело. Найти другого партнера. Но он смотрел на Сашин «Мерседес» и видел только то, чего не имел. А свое — труд, терпение, руки — перестал ценить.

— И убил, — сказал Бен.

— И убил, — повторил Михаил.

В купе повисла тишина. За окном проплыл указатель с названием, которое никто не прочитал. Поезд замедлился — приближалась станция. На платформе, еще издалека, Бен увидел людей. Двое мужчин. Один — в дорогом кожаном пальто, лысеющий, с тяжелым животом. Второй — маленький, щуплый, в старом пуховике, сторбленный, с руками, опущенными вдоль тела.

Они не разговаривали. Стояли в трех метрах друг от друга. Ждали.

Поезд остановился. Двери открылись с шипением. Кто-то прошел по коридору — тяжелые шаги, стук колесиков по полу. Потом дверь их купе сдвинулась, и в проеме мелькнул чужой силуэт. Высокий мужчина в камуфляже без знаков отличия. Он прошел мимо, не глядя внутрь.

А на платформе Бен увидел другое.

Двое мужчин — тот, в дорогом пальто, и тот, в пуховике — стояли теперь вплотную. Щуплый протягивал руку. Лысый отшатнулся. Щуплый наклонился к его уху, что-то сказал, потом резко развернулся и зашагал прочь. Лысый остался стоять. По лицу его текло — Бен не понял, дождь или слезы.

Поезд дернулся. Платформа поплыла назад. Мужчина в кожаном пальто исчез из виду.

— Ты видел? — спросил Бен у Темптера.

— Кого?

— Их. Они похожи на...

— На кого?

Бен не договорил. Он понял, что не может объяснить. Мужчина в дорогом пальто напоминал кого-то из истории Михаила. Сашу. А щуплый — Колю. Но это было невозможно. Просто совпадение. Типажи девяностых до сих пор ходят по станциям.

— Ни на кого, — сказал Бен. — Просто показалось.

Михаил сверху молчал. Но Бен краем глаза заметил, как Михаил и Темптер переглянулись. Быстро. Один короткий взгляд. Бен решил, что ему показалось.

Поезд набрал скорость. В окно снова полезли поля — серые, мокрые, без единого следа человека.

— А у тебя, — вдруг спросил Темптер, глядя на Бена, — была похожая история? Ну, про зависть. Про то, как кто-то получил твое, а ты смотрел и скрипел зубами.

Бен молчал.

Он смотрел в окно, но видел не поля. Видел другое. Желтый свет палатки. Запах растворимого кофе и машинного масла. Лицо.

— Была, — сказал он наконец. — В две тысячи двадцать втором. В Польше. Лагерь «Явор» под Жешувом.

— Расскажи, — попросил Михаил.

Бен откинул голову на стенку. Закрыв глаза. И заговорил.

— Я пришел в лагерь одним из первых. Двадцать человек отобрали. Снайперов — трое. Я, финн по имени Мика и украинец Дмитрий. Дмитрий — худой, жилистый, с кривыми зубами. Воевал еще в четырнадцатом. Знает каждый куст на Донбассе. Может определить винтовку по выстрелу. Может прочесть карту с закрытыми глазами.

Бен открыл глаза. Посмотрел на свои руки.

— Меня поставили снайпером в пару к Дмитрию. Он — корректировщик. Я — стрелок. Идеальная связка. Американская винтовка, русский ум. Мы тренировались две недели. Стреляли на полигоне. Разбирали позиции. Он научил меня, где прятаться от дронов. Я научил его, как считать ветер на шестьсот метров.

— И вы сработались? — спросил Темптер.

— Да. — Бен кивнул. — Лучше, чем я ожидал. Мы даже выпили вместе после отбора. Дмитрий рассказывал про жену в Киеве. Про сына, которому семь лет. Показывал фото. Пацан в футболке с Человеком-пауком.

— А контракты? — напомнил Михаил.

— Контракты были разные. Мой — восемь тысяч в месяц. Дмитрия — шесть. Он узнал. Спросил: «Почему тебе восемь? Я здесь с четырнадцатого. Я знаю каждый куст. А тебе восемь».

— Что ты ответил? — спросил Темптер.

— Правду. — Бен усмехнулся. — Сказал: «Потому что я американец. Американцам платят больше». Я не хотел. Просто факт. Рынок.

— Он обиделся, — предположил Михаил.

— Он запомнил, — поправил Бен.

Бен встал. Прошелся по купе — три шага до двери, три обратно. Сел.

— Через три дня приходит координатор. Фамилии не помню. Лысый, с татуировкой на шее. Говорит: «Бен, контракт пересмотрен. Ты больше не снайпер. Ты второй номер. Оплата — пять тысяч. Снайпером будет Дмитрий».

— Как он это объяснил? — спросил Темптер.

— Сказал: «Дмитрий местный. Он нужен живым для работы с местным населением. Ты — замена. Если что — найдем другого». — Бен сжал подстаканник так, что мельхиор хрустнул. — Я вышел из штаба. Закурил. Стоял под дождем и смотрел на лес. Думал.

— О чем? — тихо спросил Михаил.

— О том, как зайду в казарму, возьму Дмитрия за горло и спрошу: «Зачем?» — Бен покачал головой. — Но не зашел. Собрал вещи. Пересел в другую палатку. Стал вторым номером.

— Ты не убил его, — сказал Темптер. — Это важно.

— Я не убил, — согласился Бен. — Но я хотел. Каждую ночь, когда он храпел через три палатки от меня, я представлял, как давлю ему на кадык. Представлял, как его жена в Киеве получает похоронку. И мне становилось легче.

Он замолчал.

Поезд качнуло. За окном снова пошел дождь — мелкий, косой, как сквозь сито.

— Что случилось дальше? — спросил Михаил.

— Через месяц Дмитрий попал в засаду. Под Бахмутом. Их группу накрыли минометами. Он выжил. Но через неделю его снял снайпер. Русский. Парень по имени Алексей.

При имени «Алексей» Бен вздрогнул. Сам не понял почему. Имя как имя.

— И ты? — спросил Темптер.

— Меня снова сделали снайпером. Вернули восемь тысяч. Я занял его место.

— Обрадовался? — спросил Темптер.

Бен долго молчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Не обрадовался. Я выпил в тот вечер. Один. Сидел в пустом ангаре, пил дешевый виски из горла. И думал: если бы я не завидовал, если бы не злился, если бы просто принял... может, я успел бы его предупредить. Может, он был бы жив.

— Ты не виноват в его смерти, — сказал Михаил.

— Я виноват в том, что обрадовался, когда он умер. — Бен посмотрел на Михаила в упор. — Вот она, зависть. Она не в том, что ты отнимаешь чужое. Она в том, что ты празднуешь чужую беду. Потому что теперь ты на его месте. Ты получил его контракт. Его винтовку. Его смерть.

В купе было тихо. Только колеса стучали: туда-туда-туда.

Темптер посмотрел на Михаила. Михаил — на Темптера.

— Зависть, — сказал Темптер. — Первый грех. Не самый громкий, но самый липкий. Он не орет. Он шепчет. «Посмотри, у него есть то, чего нет у тебя. Отними. Уничтожь. Стань на его место».

— И что делать? — спросил Бен. Голос его сел.

— Ничего, — ответил Михаил. — Помнить. И жить дальше. Если сможешь.

За дверью купе слышались шаги. Не Ильи — другие. Тяжелые, уверенные. Мордван. Старик в синей форме прошел по коридору, не заглядывая. Но Бену показалось, что за матовым стеклом мелькнуло его лицо. Старое, морщинистое, с глазами, которые видели слишком много.

Поезд сбавил ход. Впереди показалась станция. Маленькая, с одним фонарным столбом и скамейкой, на которой сидел человек. Бен присмотрелся: мужчина, средних лет, в пятнистой куртке. В руках — кейс. Металлический, серый.

Человек поднялся. Подошел к краю платформы. Встал ровно, глядя на приближающийся поезд.

— Смотри, — сказал Темптер.

— Вижу, — ответил Бен.

Поезд остановился. Двери открылись. Человек с кейсом зашел в вагон — не в их, в соседний. Через секунду дверь купе снова сдвинулась, и Бен увидел его профиль. Мельком, через матовое стекло.

Профиль был похож на Дмитрия. Кривые зубы, жилистая шея.

Бен замер.

Поезд дернулся. Платформа поплыла назад. Человек с кейсом исчез в глубине вагона.

— Ты видел? — спросил Темптер.

— Да, — сказал Бен. — Я видел.

Он не знал, что это было. Призрак. Галлюцинация. Совпадение. Но внутри, под ребрами, заворачивалось что-то холодное, тяжелое. Зависть? Нет. Страх. Страх перед тем, что Дмитрий — живой или мертвый — все еще здесь. В этом поезде. В этом вагоне.

И он помнит.

Бен поднял стакан. Кипяток давно остыл. Он выпил его залпом. Вода была безвкусной, как память.

— Еще рассказывать? — спросил Темптер.

— Да, — сказал Бен. — Рассказывай.

Он хотел забыть лицо Дмитрия. Но знал, что не забудет. Ни в этом поезде. Ни в следующем.

За окном снова пошли поля. И Бен подумал: сколько еще остановок? Сколько еще историй? И когда наконец он выйдет на своей станции.

Он не знал, что его станция — последняя.

Но колеса знали. Они стучали: туда-туда-туда. Без вариантов. Без возврата.

Глава 6. Станция Соль

Поезд стал сбавлять ход.

Бен почувствовал это раньше, чем услышал лязг тормозов. Тело привыкло к ритму — мерному, убаюкивающему, как пульс спящего зверя. Когда ритм сбился, Бен открыл глаза. Он не заметил, когда закрыл их.

— Приехали, — сказал Михаил.

Он сидел все там же — наверху, свесив ноги в дешевых кроссовках. В руках — рюкзак, который он не выпускал уже несколько часов. Заштопанная лямка, туго затянутый клапан. Бен заметил, что Михаил положил ладонь на рюкзак. Не держит — просто положил. Как на спящего ребенка.

— Станция? — спросил Бен, растирая лицо.

— Соль, — ответил Темптер. Он сидел напротив, вытянув ноги в дорогих туфлях, и листал что-то в телефоне. — Я слышал, как объявляли.

— Я не слышал.

— Ты спал. — Темптер пожал плечами. — И храпел. Кстати.

Бен не ответил. Он повернулся к окну.

За стеклом медленно, как в замедленной съемке, проплывала платформа. Бетонная, старая, с трещинами, в которых засохла грязь. Скамейки без спинок. Фонарный столб, склоненный под углом, будто его кто-то пытался вырвать с корнем. Над платформой — щит из ржавого железа с выцветшими буквами: «СОЛЬ». Буква «Л» была перечеркнута красной краской — кто-то пытался исправить на «СОН».

Бен присмотрелся. На перроне кто-то был.

Один.

Мужчина стоял у края платформы, в двух шагах от желтой полосы. На вид — лет пятьдесят. Широкий, приземистый, с квадратной, будто вырубленной из известняка челюстью. Одет в старый ватник — телогрейка советского образца, с тремя пуговицами вместо пяти, застиранная, в масляных пятнах. На голове — кепка-восьмиклинка, заломленная набок. На ногах — кирзачи, облепленные белой пылью.

В руках мужчина волок ящик.

Деревянный, оббитый жестью, с ржавой ручкой. Ящик был тяжелым — мужчина перехватывал его, переваливаясь с ноги на ногу. При каждом шаге из ящика доносился металлический звон. Глухой, плотный. Патроны. Много патронов.

Бен узнал этот звук. Как свой пульс.

Поезд остановился. Вагон качнуло, сцепка лязгнула, и в ту же секунду на платформу из соседнего вагона выпрыгнул Илья. Проводник появился будто из воздуха — секунду назад его не было, и вот он уже стоит на бетоне, держит в руке флажок и свисток. Бен не слышал свистка. Только увидел, как Илья взмахнул рукой.

Мужчина с ящиком подошел к их вагону. Не к дверям — к окну. Остановился. Посмотрел внутрь.

У него было лицо, которое Бен уже видел. Не в этой жизни — в истории, которую рассказывал Михаил. Саша. Тот самый, с лицензией на цветмет. Только старше. Только тяжелее. Только с глазами, которые смотрели сквозь стекло, сквозь Бена, сквозь стены.

— Коля? — прошептал Бен.

— Что? — переспросил Темптер.

— Ничего.

Мужчина отвернулся. Перехватил ящик поудобнее — ручка врезалась в ладонь, пальцы побелели. И пошел. Не к поезду. Вдоль платформы, в сторону хвоста состава. Ящик волочился за ним, оставляя на бетоне тонкую белую полосу. Соль? Пыль? Или то, что остается, когда долго тащишь тяжелое прошлое.

— Смотри, — сказал Михаил.

Он не смотрел на мужчину. Он смотрел в другую сторону — туда, за платформу, где за ржавым забором начинались отвалы.

Бен перевел взгляд.

Поле. Нет — не поле. Пустошь. Белая, сыпучая, под низким серым небом. Горы соли. Не сугробы — терриконы, как в Донбассе, только вместо угля — галит. Соль слежалась в каменные глыбы, сползала осыпями, блестела на срезах как стекло. Кое-где из соли торчали ржавые трубы — бывшая насосная станция, заброшенная, с выбитыми окнами. На одной из труб сидело воронье. Черное на белом. Как буквы на странице.

— Соляные шахты, — сказал Михаил. — Раньше здесь добывали. Говорят, тоннели под землей на сотни километров. Соль, как лед. Гладкая, скользкая. Если спуститься — не выберешься.

— Красиво, — сказал Темптер. — Пустынно. Как на другой планете.

— Марс, — согласился Бен. — Марсианские пустоши. Только не красные. Белые.

Он смотрел на отвалы и не мог оторваться. Что-то в этой белизне было неправильным. Слишком чисто. Слишком пусто. Ни травы, ни кустов, ни пятен грязи. Соль пожирает все. Даже время.

Мужчина с ящиком скрылся за хвостом состава. Поезд стоял. Тишина была плотной, как вата. Бен слышал, как где-то далеко, за отвалами, лает собака. Один раз. И замолкает.

— Он не сел, — сказал Бен. — Мужик. Он не сел в поезд.

— Он вышел, — сказал Темптер. — Может, он здесь живет. Или здесь его работа.

— С ящиком патронов?

— А что здесь еще таскать? — усмехнулся Темптер. — Не соль ведь.

Бен не ответил. Он смотрел на перрон. Пустой. Только белый налет на бетоне — соль, смешанная с пеплом. И след от ящика — тонкая полоса, уходящая к горизонту.

Поезд дернулся. Раз, другой. Сцепка лязгнула. Вагон качнуло, и платформа начала медленно уплывать назад. Столб с надписью «СОЛЬ», перечеркнутой в «СОН», сжался до точки и исчез. Отвалы поплыли следом — белые горы, осыпи, трубы, воронье.

— Кто он? — спросил Бен у Михаила.

— Кто? — не понял Михаил.

— Мужик. Который вышел. Я его видел. Он похож на... — Бен запнулся.

— На Сашу? — закончил за него Темптер.

Бен посмотрел на Темптера. Тот смотрел в ответ спокойно, без насмешки.

— Да, — сказал Бен. — На Сашу из твоей истории, Михаил.

Михаил помолчал. Потом сказал:

— Мало ли похожих людей. Война всех делает одинаковыми. Опухшие лица, тяжелые челюсти, глаза без блеска.

— У него был ящик с патронами, — сказал Бен.

— У многих ящики с патронами. Ты сам таскал такие. — Михаил свесился с полки, глядя Бену в лицо. — Это не Саша. Саша умер. В девяносто пятом. От ножа в шею. Ты сам слышал историю.

— Я слышал, — сказал Бен. — Но я его видел.

— Значит, показалось, — отрезал Михаил. — Здесь много чего кажется.

Он замолчал. Откинулся на подушку — ту, что лежала на полке, серую, в подтеках. Бен понял, что Михаил не хочет продолжать. Что в этой теме для него самого есть что-то личное, что-то, что он не готов обсуждать.

Темптер кашлянул.

— Соль, — сказал он. — Интересное место. Библия, помните? Жена Лота обернулась и стала соляным столпом. Оглянулась на город, который горел. Не смогла удержаться. Захотела посмотреть.

— И что? — спросил Бен.

— А то, что соль — это память. То, что остается, когда все сгорело. — Темптер указал на окно. — Посмотри. Соляные пустоши. Ничего живого. Только соль. И те, кто таскает ящики.

— Символизм, — сказал Бен с усмешкой.

— А ты против символизма? — Темптер прищурился. — Ты, наемник, который едет в поезде без билета, со жетоном в кармане и провалом в памяти. Ты против того, чтобы искать смысл?

Бен не ответил.

Он снова смотрел в окно. Отвалы кончились, пошли поля — но теперь другие. Белые. Соль покрыла землю тонкой коркой. Трава пробивалась сквозь нее редкими пучками — желтая, чахлая, похожая на волосы на голове мертвеца.

— Он тащил ящик, — тихо сказал Бен. — Ящик с патронами. Я понял, какой калибр. 7.62x39. Советский. Для АК. Ящик был наполовину полный. Он вез его на себе. Не в поезде — из поезда. Куда? Зачем?

— Может, он продает, — предположил Михаил.

— Кому? Здесь нет никого.

— Ты видел воронье. Кому-то же надо есть.

Бен посмотрел на Михаила. Впервые за все время он не понял — шутит тот или говорит серьезно. Лицо Михаила было спокойным, как у человека, который знает ответ, но не хочет его озвучивать.

Поезд ускорился. Белые поля кончились, пошли обычные — серые, мокрые, с воронками и редкими деревьями.

— Еще чаю? — спросил Илья из коридора.

Бен не слышал, как он подошел. Проводник стоял в дверях, держа в руках поднос со стаканами. В его глазах — ни удивления, ни вопроса.

— Давай, — сказал Темптер.

Илья зашел. Поставил стаканы. Кипяток на этот раз был горячим — пар поднимался до потолка. Проводник повернулся и вышел. Бен заметил, что на спине у Ильи, на синей форме, было пятно. Соль? Или пот. Он не разобрал.

— Станция Соль, — сказал Михаил, беря стакан. — Я здесь никогда не выходил. Но слышал про нее.

— Что слышал? — спросил Бен.

— Что те, кто выходит здесь, уже не садятся обратно. — Михаил отхлебнул кипяток. — Не потому, что не хотят. Потому что поезд не останавливается для них дважды.

Бен поднес стакан к губам. Кипяток обжег. Он не отдернул руку. Сделал глоток. Боль была настоящей. Значит, он все еще жив. Значит, у него еще есть шанс.

Шанс на что — он не знал.

Поезд шел вперед. Белое поле осталось позади. Бен смотрел на убегающие рельсы и думал о мужчине с квадратной челюстью. О ящике, который он тащил. О соли, которая покрывает все, до чего дотрагивается.

"Не оглядывайся", — подумал Бен. — "Если оглянешься — станешь солью".

Он оглянулся.

За окном была только тьма.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Круги личные (Главы 7–14)

Глава 7. Воспоминание: Лагерь «Шмель»

Соль осталась позади.

За окном снова тянулись леса — низкие, корявые, с редкой хвоей, которая казалась седой в пасмурном свете. Поезд шел тихо, почти бесшумно, только колеса иногда всхлипывали на стыках. Бен смотрел в окно, но не видел леса. Он видел другое.

Воспоминание пришло не резко — оно выползло, как дым из-под двери. Сначала запах. Потом звук. Потом картинка.

Запах был знакомым до боли: мазут, хлорка, пот, дешевый табак и сырая земля. Запах лагеря наемников. Не военной базы — базы чистые, там пахнет дезинфекцией и полированной сталью. Лагерь наемников пахнет так, как пахнут люди, которые знают, что могут умереть завтра. Они не моют ноги. Не меняют носки. Они экономят воду, время, силы. На гигиену сил нет. Есть только работа.

— Лагерь «Шмель», — сказал Бен вслух.

— Что? — спросил Темптер.

— Я вспомнил. Польша. Две тысячи двадцать второй. Лагерь «Шмель» под Жешувом.

Он произнес это и понял, что не может остановиться. Воспоминание текло само, как вода из прорванной трубы. Бен закрыл глаза и провалился.

Лагерь «Шмель» был старым польским военным городком, брошенным еще в девяностых. Польша отдала его наемникам за деньги — формально в аренду, на самом деле просто закрыла глаза. Три ангара, два барака, полосатый столб с облезлым флагом. Грязь. Много грязи. Октябрьская слякоть, когда небо плачет сутками, а земля превращается в жидкое тесто, в котором тонут ботинки.

Бен прибыл туда на третьей неделе набора. Его группа — двенадцать человек. Американцы, канадцы, один финн, два грузина, трое украинцев. Инструктор — поляк по кличке Жнец. Бывший «Гром», спецназ, уволенный за жестокость. Жнецу было под пятьдесят, но выглядел он на шестьдесят. Лицо в шрамах — не боевых, таких, какие оставляют разбитые бутылки. Глаза — пустые, как у человека, который видел детей в трубе, но не хочет об этом говорить.

— Вы — мясо, — сказал Жнец в первый день. — Мясо, которое учится убивать. Если кто-то из вас думает, что он герой, выметайтесь сейчас. Герои не ездят в наемники. Герои гниют на родине.

Никто не вышел.

Тренировки были жесткими. Бег по грязи с полной выкладкой. Стрельбы в условиях плохой видимости. Ночные выходы в лес, где в качестве мишеней висели манекены, наряженные

в гражданскую одежду. Жнец учил их одному: не думать. «Ваша задача — стрелять. Мозги оставьте для перекуров. На позиции мозги мешают».

Бену он нравился. Нравился своей откровенностью. Без душевности. Без «брат». Просто работа.

Спали в ангаре — на матах, вповалку. Маты были тонкими, пол — бетонным, холодным. По ночам кто-то плакал во сне. Кто-то молился. Бен не плакал и не молился. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок, где трещины складывались в карту Ирака, Афганистана, Сомали. Всех мест, где он уже побывал.

Бен открыл глаза.

— Ты где? — спросил Михаил.

— Там, — ответил Бен. — В двадцать втором. Я вспоминаю тренировки.

— Расскажи, — сказал Темптер. Он отложил телефон и смотрел на Бена с живым интересом. — Я люблю истории про обучение. В них видно человека.

Бен снова закрыл глаза.

Инцидент случился на четвертую ночь.

Караулы выставляли по двое — два часа на посту, четыре отдыха. Один из грузин, Леван, здоровый парень с бычьей шеей и золотым зубом, спал на посту. Бен заступил после него. Когда он пришел на позицию — бочку с песком у въезда — Леван сидел, прислонившись к мешкам с землей, и храпел. Автомат лежал на коленях, стволом в грязь. Наглазник ночного видения болтался на шлеме как сопля.

Бен его не разбудил. Сделал свое дело. На утро — доложил.

Жнец собрал всех в ангаре.

— Кто спал на посту? — спросил он.

Никто не ответил.

Жнец подошел к строю. Бен стоял во второй шеренге. Жнец прошел вдоль лиц, остановился напротив Левана.

— Ты.

— Я не спал, — сказал Леван. Акцент — густой, кавказский. — Это клевета.

— Кто видел? — спросил Жнец.

Бен поднял руку.

— Я.

Леван посмотрел на Бена. Глаза — черные, масляные, без страха. Скорее — интерес. Как у коты, который решил, что мышь достаточно набегалась.

— Ты врешь, американец, — сказал Леван.

— Не вру, — ответил Бен.

Жнец отошел в сторону.

— Разбирайтесь сами, — сказал он. — Оставлю вас вдвоем в ангаре. Когда решите вопрос — позовете.

Он вышел. Остальные — тоже. Ворота ангара закрылись, оставив Бена и Левана в полутьме. Внутри пахло мазутом и старой кровью. Где-то капала вода.

— Я не хочу драться, — сказал Бен.

— А я хочу, — ответил Леван.

Он был на голову выше Бена и килограмм на двадцать тяжелее. Шея — как бревно. Руки — как лопаты. Он пошел вперед, широко расставив ноги, как борец. Бен отступил на шаг, потом на другой.

— Ты подставил меня перед всеми, — сказал Леван. — Теперь твое лицо будет подушкой для моих кулаков.

— Ты спал, — повторил Бен. — Если бы я проспал, нас бы всех зарезали во сне.

— Но не зарезали же.

Леван ударил.

Бен ушел в сторону — не полностью, край перчатки задел скулу. Боль была острой, но знакомой. Он ответил — коротким хуком в корпус. Леван даже не охнул. Схватил Бена за футболку, приподнял, швырнул на бетон.

Бен упал на спину. В голове зазвенело. Леван навис над ним, улыбаясь. Золотой зуб блеснул в сумраке.

— Маленький американский петушок, — сказал он. — Сейчас я выключу тебя.

Он наклонился.

Бен ударил снизу — не в челюсть, в нос. Открытой ладонью, ребром, как учили в рукопашке. Удар пришелся в переносицу. Леван дернулся, но не упал. Кровь хлынула из носа — черная в полутьме, блестящая, как масло. Леван зарычал. Схватился за лицо. Бен вскочил, схватил Левана за голову и дважды ударил коленом в живот.

Грузин осел на колени. Бен отступил на два шага. Дышал тяжело. Правый кулак саднил — сбил костяшки.

— Хватит, — сказал Бен.

Леван посмотрел на него снизу вверх. Нос был сломан — хрящ сместился в сторону, кровь текла на губы, на подбородок, на грудь. Леван дышал ртом, хрипло, как загнанная лошадь.

— Ты сломал мне нос, — сказал он.

— Да, — сказал Бен. — В следующий раз будешь спать в кровати. А не на посту.

Он повернулся и постучал в ворота.

Жнец открыл. Посмотрел на Бена, потом на Левана, сидящего в луже крови. На лице инструктора не было ни одобрения, ни осуждения. Только удовлетворение.

— Вопрос решили? — спросил он.

— Да, — ответил Бен.

— Тогда завтра тренировка в шесть утра. Не опаздывать.

Бен открыл глаза.

В купе было тихо. Михаил смотрел на него. Темптер — тоже.

— Он сильно пострадал? — спросил Михаил.

— Нос сломан. Кровь, боль. Через две недели он уехал из лагеря. Сказал, что не хочет работать с американцами. — Бен усмехнулся. — На самом деле, боялся, что его убьют во сне. Не я. Другие. В наемниках слабых не любят.

— А ты? — спросил Темптер. — Ты его пожалел?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем. — Бен посмотрел на свои руки. Костяшки — старые шрамы, белые полосы на загорелой коже. — Он заслужил. Если ты засыпаешь на посту, ты подставляешь всех. Я не жалею, что сломал ему нос. Я жалею, что не сломал ему руку. Чтобы запомнил навсегда.

— Жестоко, — сказал Михаил.

— Это война, — ответил Бен. — Тут нет места жалости.

— На войне нет, — согласился Михаил. — А в жизни?

Бен не ответил.

Поезд качнуло. За окном снова пошли поля. Зеленые? Нет. Скорее серые с желтизной — предзимье. Октябрь или ноябрь. Бен потерял счет времени. Он знал только одно: 2022 год. Польша. Лагерь «Шмель». Грузин Леван, который спал на посту и получил сломанный нос.

И Жнец. Инструктор с пустыми глазами.

— Как его звали? — спросил Темптер, будто прочитав мысли. — Инструктора.

— Жнец, — ответил Бен. — Никто не знал настоящего имени.

— Жнец, — повторил Темптер. — Хорошая кличка. То, что приходит за каждым.

— Он приходит за всеми, — тихо добавил Михаил.

Бен посмотрел на него. Михаил смотрел в окно, на серое поле, на редкие деревья, на низкое небо. Он не уточнял, кто именно приходит. Но Бен понял.

В дверь купе постучали. Не вошли — именно постучали. Три раза.

— Чай? — спросил Илья из коридора.

— Да, — ответил Бен.

Он вдруг почувствовал, что его мучает жажда. Не та, что утоляется водой. Другая. Жажда забыть лицо Левана. Забыть хруст его носа. Забыть, как кровь текла по его груди, черная в сумраке ангара.

Илья зашел. Поставил стаканы. И вышел.

Бен взял стакан. Кипяток был горячим. Он пил маленькими глотками и смотрел в окно. Поля кончились. Начался лес. Темный, еловый, с редкими прогалинами. На одной из прогалин стояла фигура. Человек. Высокий, в камуфляже, с винтовкой за спиной.

Он стоял и смотрел на поезд.

Бен моргнул.

Фигура исчезла.

— Ты видел? — спросил Бен у Михаила.

— Что?

— Там. Человек.

Михаил посмотрел в окно. Покачал головой.

— Никого нет.

Бен сжал стакан. Он знал, что не показалось. Кто-то стоял в лесу. Кто-то с винтовкой. Кто-то, кто не садится в поезд, но провожает его взглядом.

Бен подумал: может, это Леван. Пришел за ним. Через два года. Через три. Сломанный нос, золотой зуб, черные глаза.

— Ты боишься? — спросил Темптер.

— Нет, — ответил Бен. — Я просто вспоминаю.

— Это одно и то же, — сказал Темптер. — Вспоминать и бояться.

Бен не стал спорить.

Он отхлебнул кипяток, закрыл глаза и снова провалился в воспоминание. Лагерь «Шмель». Грязь по щиколотку. Жнец, который учил их не думать. И Леван, который спал на посту.

Бен сломал ему нос. И ни разу не пожалел.

Но сейчас, спустя два года, в поезде, который идет неизвестно куда, ему показалось, что он сломал что-то еще. Что-то внутри себя. То, что не срывается.

Поезд стучал колесами: туда-туда-туда.

А Бен пил кипяток и ждал следующей остановки. Там, на станции, может быть, выйдет Леван. Или Жнец. Или кто-то еще, кого Бен когда-то ударил, и этот удар не забылся.

Он не знал, что все они уже здесь. В поезде. В соседних купе.

Просто ждут своей очереди.

Глава 8. Второй грех (Гордыня)

Лес кончился. За окном снова потянулись поля — серые, бесконечные, с редкими стогами сена, которые почернели от дождей. Низкое небо висело так низко, что казалось — можно достать рукой. Бен допил кипяток, поставил стакан на столик и откинулся на стенку.

— Теперь ты, — сказал он, глядя на Темптера.

— Что я?

— Рассказывай. Михаил рассказал. Я рассказал. Теперь твоя очередь.

Темптер усмехнулся. Он сидел напротив, положив ногу на ногу, и рассматривал свои туфли. Дорогая кожа блестела даже в тусклом свете вагонной лампы.

— Я не любитель историй, — сказал он. — Я любитель фактов.

— Тогда расскажи факт, — предложил Михаил сверху. Он все еще сидел на верхней полке, положив руки на рюкзак. — У тебя наверняка есть что рассказать. У таких, как ты, всегда есть.

— Что значит «таких, как я»?

— Таких, кто ездит в дорогих пальто по поездам, которые идут через зону боевых действий. — Михаил зевнул. — Просто расскажи. Для компании.

Темптер помолчал. Потом достал сигареты, покрутил пачку в руках, сунул обратно в карман.

— Ладно, — сказал он. — Будет вам история. Про одного генерала. Чечня, девяностые. Бен напрягся.

Чечня. Он слышал о Чечне. Каждый наемник слышал. Место, где русские воевали с русскими, и победителей не было. Только трупы. Только бетонные стены Грозного, исписанные пулями.

— В девяносто пятом, — начал Темптер, — после штурма Грозного, у русских была проблема. Они взяли город, но не могли его удержать. Боевики ушли в подвалы, в подземные коммуникации, в разрушенные дома. Каждую ночь они вылезали. Стреляли из подвалов. Бросали гранаты из окон. И уходили обратно, растворялись в камне.

— Партизанская война, — сказал Бен.

— Хуже. Городская. Самая грязная. — Темптер понизил голос. — И был у русских генерал. Не буду называть фамилию. Скажу только — он командовал артиллерией. Человек умный, расчетливый, жестокий. У него была мечта — не взять город. У него была мечта — стать героем. Не просто офицером, а легендой. Тем, о ком пишут в учебниках.

— Тщеславие, — сказал Михаил.

— Гордыня, — поправил Темптер. — Первая среди смертных грехов. Самый опасный, потому что он маскируется под добродетель.

Он замолчал. За окном проплыла брошенная ферма — крыша провалилась, стены почернели, ворота сорваны с петель. На фоне темнеющего неба она выглядела как скелет.

— У генерала была артразведка, — продолжил Темптер. — Двадцать человек. Лучшие из лучших. Они ходили в тыл боевиков, засекали огневые точки, передавали координаты. Рисковали каждый день. Их работа дала генералу возможность наносить точные удары. Уничтожать боевиков сотнями.

— Так в чем проблема? — спросил Бен.

— А в том, что слава доставалась генералу. А артразведчики были просто исполнителями. Их никто не знал в лицо. Их не показывали по телевизору. Награды получал генерал. Он. Один.

Темптер взял стакан, но пить не стал. Покрутил в руках, поставил обратно.

— И вот, в один из дней, генерал узнает, что к нему едет корреспондент из Москвы. Хочет взять интервью. Показать войну с другой стороны. Генерал готовится. Пишет речь. Думает, как будет отвечать на вопросы. А потом ему докладывают: корреспондент поехал не к нему.

Он поехал к артразведчикам. Хочет написать про них. Про простых солдат, которые делают всю работу.

— И генерал разозлился, — сказал Бен.

— Генерал пришел в ярость, — поправил Темптер. — Он вызвал командира артразведки. Сказал: «Отмените встречу. Корреспондент не должен с вами разговаривать». Командир ответил: «Товарищ генерал, это не мое решение. Корреспондент едет с разрешения штаба». Тогда генерал сказал: «У вас будет завтра задание. Важная цель. Все двадцать человек. Выезжаете на рассвете».

— Они поехали? — спросил Михаил.

— Они поехали. Потому что не могли отказать. Потому что генерал — начальник. Потому что война — не место для споров.

Темптер помолчал. За окном начало темнеть. Не от времени суток — тучи сгустились, стали почти черными. Поезд шел через безлюдную местность. Ни домов. Ни столбов. Ни дорог.

— Координаты, которые дал генерал, были ложными, — сказал Темптер. — Вместо позиций боевиков — минные поля. Свои же мины, установленные русскими саперами. Генерал знал. Он лично подписал карту. Он отправил своих людей на смерть, чтобы слава осталась при нем. Чтобы никто не узнал, что настоящие герои — не он, а те, кто сейчас горит в машинах.

— И они погибли? — спросил Бен.

— Все до одного. Двадцать человек. Сгорели заживо в БТРах. Подорвались на минах. Не успели даже выскочить. Генерал получил орден. Еще один. Корреспондент не приехал. Некого было интервьюировать.

— А генерал? — спросил Михаил. — Его наказали?

— Его повысили. Он дослужился до командующего округом. Умер своей смертью в две тысячи десятом. В постели. Рядом с женой. — Темптер усмехнулся. — Справедливость, знаете ли, не всегда торжествует. Иногда побеждает гордыня.

В купе было тихо.

Бен смотрел в столик. Коричневый пластик. Царапины. Сердечко. Телефон на +7. Он не видел этого. Он видел другое.

Афганистан. Две тысячи десятый год. Бен служил в частной военной компании «Три-дент». Контракт на полгода — сопровождение колонн, охрана инженеров, строивших дороги. Скудная работа. Опасная, но скучная.

Командир группы — американец с итальянскими корнями, майор в отставке по фамилии Росси. Высокий, седой, с орлиным носом и голосом, который не повышал выше среднего. Росси не кричал. Он говорил тихо. И когда он говорил тихо, все затыкались.

Бену он нравился. Профессионал. Не пафосный, не жестокий. Делает свою работу.

Однажды их группу отправили на зачистку кишлака на юге провинции Гильменд. Разведка доложила: в кишлаке укрываются талибы с минометами. Задача — выбить. Росси повел группу. Двадцать человек. Два БТРа. Один «Хаммер».

Бен был стрелком на левом фланге.

Они вошли в кишлак утром. Душно, пыльно, воздух плавится. Из глинобитных дувалов пахнет кизяком и жареным луком. Ни одного выстрела. Ни одного движения.

— Тихо, — сказал Росси по рации. — Слишком тихо.

Разведка ошиблась. Талибов не было. Был мулла с семьей. Были старики, женщины, дети, которые смотрели на американских наемников с ненавистью и страхом.

— Отходим, — приказал Росси.

Но поздно.

Росси получил доклад: в двух километрах к востоку движется колонна талибов. Человек триста. С минометами. С ПЗРК. Их двадцать человек. Против трехсот.

Росси вызвал по спутниковому телефону поддержку. Авиация. Вертушки. «Апачи». Ему ответили: «Заявка принята. Ждите. Приоритет у других секторов».

— Сколько ждать? — спросил Росси.

— Два часа. Не меньше.

— У нас нет двух часов.

— Ничем не могу помочь.

Росси выключил телефон. Посмотрел на своих людей. На Бена. На других.

— Окапываемся, — сказал он. — Держим оборону до последнего.

Они закрепились на окраине кишлака. Вырыли окопы. Поставили БТРы как огневые точки. Ждали.

Талибы пришли через сорок минут.

Бой был жестоким. Два часа стрельбы, взрывов, криков. Бен убил шесть человек. Может, семь. Сбил счет. В какой-то момент его зажали с двух сторон, он отстреливался лежа, сжимаясь в комок. Пуля пробила бронезилят — застряла в пластине. Синяк размером с тарелку. Он не заметил боли.

— Подмога идет! — закричал кто-то по рации. — Десять минут!

Но Росси не дождался.

Пуля вошла в шею — между бронезилятом и шлемом. Бен видел, как Росси упал. Видел, как кровь хлещет из сонной артерии — черная, густая, как масло. Росси лежал на спине, смотрел в небо. Его рот открывался и закрывался, но слов не было. Только звук — мокрый, хриплый, похожий на кашель.

Бен подполз к нему. Зажал рану. Кровь все равно текла. Она не останавливалась. Росси смотрел на Бена. В его глазах не было страха. Было что-то другое. Обида? Нет. Ожидание. Он ждал смерти. И смерть пришла.

— Держись, — сказал Бен. — Подмога скоро.

— Не... надо, — прошептал Росси. — Скажи... сестре... что я...

Он не договорил.

Бен сидел рядом с телом Росси под огнем. Сидел и смотрел на его лицо — спокойное, почти счастливое. И думал: почему Росси умер, а он жив? Почему командир, который вел их двадцать человек против трехсот, принял неравный бой, хотя мог отвести группу в безопасное место?

— Потому что он хотел стать героем, — сказал Бену потом координатор. — Росси знал, что, если отойдет, его назовут трусом. Он предпочел смерть позору.

— Но мы отбились, — возразил Бен. — Мы выжили.

— Росси — нет. А слава досталась ему. Вы написали рапорт? Про его подвиг?

— Написали.

— Вот видишь.

Бен открыл глаза.

— Как звали твоего командира? — спросил Темптер.

— Росси. Майор Росси.

— Он погиб?

— Да. В Афганистане. В две тысячи десятом.

— Из-за гордыни?

Бен помолчал.

— Он мог увести группу. У нас был путь отхода. Дорога на юг, к базе. Там была стоянка бронетехники. Если бы мы дошли — нас бы прикрыли.

— Почему не ушел?

— Потому что боялся, что назовут трусом. — Бен усмехнулся. — Он сказал: «Мы держим позицию. Мы не отступаем. Мы американцы». И остался. И умер.

— А ты? — спросил Михаил. — Ты тоже остался?

— Я был солдатом. Я выполнял приказ. — Бен посмотрел на свои руки. — Но после боя я думал: если бы Росси отдал приказ отступать, он был бы жив. А я бы не видел, как у него течет кровь. И как он умирает с открытыми глазами.

— Гордыня, — сказал Темптер. — Второй грех. Росси хотел быть героем. Генерал хотел быть богом войны. И тот и другой поставили свое эго выше чужих жизней.

— Только Росси заплатил своей, — заметил Михаил.

— А генерал — чужими, — закончил Темптер. — И то и другое — цена гордыни.

Поезд снова замедлился. Впереди показалась станция — маленькая, с одним фонарным столбом. На перроне стоял человек. Высокий, в длинном пальто, с седой головой. Он стоял ровно, глядя на приближающийся поезд. В руках у него был портфель. Кожаный, старый, потертый.

— Смотри, — сказал Михаил.

— Вижу, — ответил Бен.

Поезд остановился. Двери открылись. Человек в пальто подошел к их вагону. Зашел в коридор. Бен слышал его шаги — тяжелые, уверенные, как у военного. Человек прошел мимо их купе. Бен увидел его профиль через матовое стекло. Седые волосы. Орлиный нос. Прямая спина.

Росси.

Нет. Не Росси. Просто похож. Очень похож. Как тот мужик с соляных отвалов был похож на Сашу. Как мужик с кейсом был похож на Дмитрия.

— Это не он, — сказал Темптер.

— Я знаю, — ответил Бен. — Росси умер. Я своими глазами видел.

— Тогда почему смотришь?

— Потому что он похож. Как будто... как будто все они здесь. Все, кого я знал. Кого убивал. Кто убивал меня.

Бен замолчал. Он понял, что сказал «кто убивал меня», хотя был жив. Сидел в поезде. Пил кипяток. Разговаривал с двумя незнакомцами.

— Ты хотел быть героем? — спросил Михаил. — Как Росси?

— Нет, — ответил Бен. — Я хотел выжить.

— И что ты для этого сделал?

Бен посмотрел в окно. Станция осталась позади. За окном снова тянулись поля. Серые, мокрые, бесконечные.

— Я подставил одного парня, — сказал Бен. — Украинца. Дмитрия.

— Ты рассказывал, — сказал Темптер.

— Не все. Я сказал, что он отжал у меня контракт. И я завидовал. Но я не сказал, как он умер.

Михаил и Темптер молчали.

— Он умер не от снайпера, — сказал Бен. — Вернее, от снайпера. Но я знал, что он пойдет на ту позицию. Я знал, что русские его засекли. Я мог его предупредить. Не успел. Не захотел. — Бен сглотнул. — Я хотел выжить. И я хотел получить свой контракт обратно. Поэтому я промолчал.

— Ты убил его молчанием, — сказал Михаил.

— Да, — сказал Бен. — Убил.

Он замолчал. В купе было тихо. Только колеса стучали: туда-туда-туда.

— Гордыня, — сказал Темптер. — Ты не хотел быть героем. Ты хотел быть правым. И ты позволил человеку умереть, чтобы доказать себе: ты не слабак.

Бен кивнул.

Поезд шел вперед. За окном темнело. Небо стало почти черным. Где-то далеко, за полями, сверкнула молния. Грома не было. Только свет — белый, холодный, как лампа в морге.

Проводник подошел к купе, тихо и бесшумно открыл дверь. Посмотрел на Бена.

— Выходим? — спросил Илья из коридора.

— Нет, — ответил Бен. — Я еще не на своей станции.

Илья молча ушел.

А поезд стучал колесами: туда-туда-туда. И Бен знал, что когда-нибудь этот стук прекратится. Он просто не знал, когда.

Глава 9. Женщина с вокзала

Поезд шел через леса.

Не такие, как раньше — мертвые, серые. На этот раз лес был живым. Сосны, высокие, прямые, с красноватыми стволами. Между ними — папоротники, еще зеленые, несмотря на позднюю осень. Где-то в глубине блеснула вода — озеро или болото. Бен не разобрал.

— Красиво, — сказал Михаил. Он сидел на своем обычном месте — на нижней полке у окна, положив руки на рюкзак. — Я такие места люблю. Глухие. Где нет людей.

— Почему? — спросил Темптер.

— Потому что там тихо. А когда тихо — можно думать.

— О чем думать?

— О том, как жить дальше.

Темптер усмехнулся, но спорить не стал.

Бен молчал. Он смотрел на сосны и чувствовал, как головная боль постепенно уходит. Не исчезает — уходит вглубь, прячется где-то за глазами, ждет своего часа. Он знал эту боль. Она приходила всегда после того, как он слишком много вспоминал.

В коридоре послышались шаги.

Не Ильи — другие. Легкие, почти неслышные. Женские. К ним примешивался другой звук — шарканье, как от маленьких ног в обуви на размер больше.

Дверь купе сдвинулась.

На пороге стояла женщина.

Лет тридцати, не больше. Худое лицо, острые скулы, глаза темные, запавшие. Волосы собраны в неаккуратный пучок на затылке, выбившиеся пряди падали на лоб. Одежда — старого покроя, но чистая: длинное пальто серого цвета, на ногах — сапоги с застежками, детские, на тонких ногах болтались. В руках она держала девочку. Маленькую, года четыре. Девочка спала, уткнувшись лицом в плечо матери. Ее рука свисала вниз, пальцы были грязными, с обкусанными ногтями.

— Извините, — сказала женщина. Голос — низкий, хриплый, как у человека, который много плакал или много курил. — Можно здесь? В других купе — мужики. Одни. Не хочу с ними.

— Садитесь, — сказал Михаил. Он подвинулся, освобождая место на своей полке.

Женщина зашла. Осторожно, как зверь, который боится капкана. Села на край полки, прижимая девочку к груди. Девочка не проснулась. Только шмыгнула носом и плотнее прижалась к матери.

— Спасибо, — сказала женщина. Она не смотрела на попутчиков. Смотрела в пол. На ржавые ножки столика. На разошедшийся пол.

— Далеко едете? — спросил Темптер.

— Недалеко, — ответила женщина. — До Вершины. Это полчаса. Или час. Я не помню.
— Ребенок ваш? — спросил Бен.

Вопрос прозвучал глупо. Девочка лежала на руках женщины, дышала ей в шею. Конечно, ее. Но Бен спросил. Потому что в глазах женщины было что-то, что не вязалось с материнством. Не жестокость. Другое. Отрешенность. Пустота.

— Моя, — сказала женщина. — Зовут Аля. Четыре года.

— Хорошее имя, — сказал Михаил.

Женщина не ответила.

Поезд качнуло. В окне сосны кончились, пошли поля, но не такие, как раньше — серые, мокрые. Эти поля были желтыми. Сжатая пшеница, скошенная, убранная. Только стерня торчала, как щетина на лице мертвеца.

— Война, — сказала женщина, глядя в окно. — Раньше здесь хлеб растили. Теперь — только мины.

— Откуда едете? — спросил Темптер.

— Из Донецка. — Женщина произнесла это так, будто сказала «из ада». — Бомбили. Месяц. Потом стихло. Но страшно. Все время страшно. Дочка не спит. Кричит по ночам. Я решила уехать.

— К родственникам? — спросил Михаил.

— К матери. Она в Воронеже. Я к ней. Только билетов нет. Денег нет. Меня посадили проводники. Сказали — езжай. Потом разберемся.

— Добрые люди, — заметил Темптер.

— Добрые, — согласилась женщина. — Или устали смотреть на таких, как я.

Она замолчала. Бен смотрел на нее. На ее руки — тонкие, синие вены, длинные пальцы. На девочку — светлые волосы, спутанные, с заколкой в виде бабочки. Бабочка была розовой, пластиковой, с отломанным крылом.

— Вы к матери, — сказал Бен. — А муж?

— Погиб, — сказала женщина. — В прошлом году. Под Мариуполем. Осталась одна. С Алей.

— Извините, — сказал Бен.

— За что извиняться? Вы не убивали.

Бен промолчал.

Она сидела, прижимая девочку, и смотрела в пол. Бен заметил, что ее пальцы — левой руки, той, что держала ребенка за спиной — что-то сжимали. Маленький предмет. Черный, с кнопкой. Бен не сразу понял. Потом понял. И сердце ухнуло вниз, в живот.

— У тебя пояс? — спросил Бен. Голос прозвучал ровно, без паники. Он научился этому за годы войны. Не показывать страх.

Женщина подняла голову. Посмотрела на Бена. В ее глазах не было удивления. Только усталость.

— Да, — сказала она. — Пояс.

Михаил замер. Темптер перестал улыбаться. В купе стало тихо. Только колеса стучали: туда-туда-туда.

— Зачем? — спросил Бен.

— Затем, — ответила женщина. Она говорила спокойно, как о погоде. — Мне обещали, что если я сделаю это, мою семью не тронут. Мать. Сестру. Племянников. Они в Воронеже. Их не тронут. Никогда.

— Кто обещал?

— Люди. Те, кто дает пояса. Они сказали: «Ты убьешь русских — мы сохраним твою семью». Я согласилась. У меня не было выбора.

— Выбор всегда есть, — сказал Михаил.

— Нет, — сказала женщина. — Не всегда. Когда у тебя дочка, и она не спит по ночам, и ты знаешь, что завтра может прилететь «Град», и ее разорвет на куски — выбора нет. Когда тебе говорят: «Твоя мать умрет, если ты не сделаешь» — выбора нет. Выбора нет. Никогда.

Она заплакала. Тихо, беззвучно. Слезы текли по щекам, падали на волосы девочки. Девочка спала. Ей было четыре года. Она не знала, что ее мать — смертница. Что они обе уже мертвы, просто еще дышат.

— Почему ты не взорвалась в поезде? — спросил Темптер. — Здесь много людей. Русских. Украинцев. Наемников. Ты могла убить всех.

— Потому что вы дали мне сесть, — сказала женщина. — Вы не прогнали. Вы дали кипяток. Вы называли дочку по имени. Я не могу убить тех, кто был добр. Я выйду на станции. Там пусто. Никого. Только платформа.

— И взорвешься, — сказал Бен.

— Да.

— Вместе с дочкой.

Женщина посмотрела на Бена. Долго. Тяжело. В ее глазах была не злоба. Было что-то другое. Понимание.

— А ты? — спросила она. — Ты наемник. Ты убиваешь чужих детей. За деньги. Кто из нас хуже?

Бен не ответил.

Он смотрел на ее пальцы, сжимающие кнопку. На девочку, которая спала на ее плече. На розовую бабочку с отломанным крылом.

Она была права. Она убивала за семью. Он убивал за деньги. Разница была в мотивации. Но результат — один. Трупы. Сироты. Похоронки.

— Не делай этого, — сказал Бен. — Выйди. Спрячь пояс. Уезжай к матери. Начни новую жизнь.

— Новой жизни нет, — сказала женщина. — Я уже мертвая. Просто еще дышу. А Аля... Аля не заслуживает жить в этом мире. Здесь одни убийцы. Ты — убийца. Я — убийца. Все вокруг — убийцы. Лучше взорваться. Хотя бы не больно.

Она сказала это и замолчала.

Поезд замедлился. В динамике раздался скрежет, потом голос — усталый, прокуренный, тот самый, что объявлял станции:

— Следующая станция — Вершина. Стоянка две минуты.

Женщина встала.

— Моя, — сказала она. — Спасибо. За кипяток. За доброту.

Она перехватила девочку поудобнее. Девочка не проснулась — только всхлипнула во сне. Женщина вышла в коридор. Бен хотел встать. Остановить ее. Схватить за руку. Отобрать кнопку.

Михаил положил ладонь на его колено. Тяжелую, горячую.

— Не надо, — сказал Михаил. — Она выбрала.

— Это не выбор! — почти закричал Бен. — Это смерть!

— А что ты предлагаешь? — спросил Темптер. — Спасти ее? Отвезти к матери? Спрятать в своем чемодане? Она не хочет жить. Она хочет закончить. И дать закончить дочке.

— Это не по-человечески.

— Это по-человечески, — сказал Михаил. — По-человечески — хотеть, чтобы твои страдания кончились. Любой ценой.

Поезд остановился.

Бен смотрел в окно. Женщина вышла из вагона. Стояла на платформе, все так же прижимая девочку. Оглянулась. Ее глаза — темные, запавшие — смотрели прямо на Бена. Один миг. Потом она отвернулась и пошла к выходу с платформы.

Бен закрыл глаза.

Он услышал хлопок. Сухой, короткий, как выстрел из крупнокалиберной винтовки с глушителем.

Открыл глаза.

Платформа была пуста. Только пятно на бетоне. Красное. Темное. Расходящееся.

— Она сделала это, — сказал Бен.

— Да, — сказал Михаил.

Поезд дернулся. Начал набирать ход.

В купе зашел Илья. В руках — поднос. На подносе — три стакана. Один — разбитый. Трещина прошла по фарфору, по золотому ободку, разделив герб на две половины.

— Разбилось, — сказал Илья. Смотрел на стакан, а не на Бена. — Нечаянно.

Он поставил поднос на стол. Два целых стакана. Один — разбитый. Взял осколки. Один упал на пол — Илья поднял, не гнусь. Просто наклонился, как робот, и подобрал.

— Почему ты не остановил ее? — спросил Бен у Ильи. — Ты проводник. Ты мог.

— Останавливают только тех, кто хочет жить, — ответил Илья. — А она не хотела. Она хотела забыть. И забыла.

Он собрал осколки в тряпку, завязал узлом. Повернулся к выходу.

— Чай принесу свежий, — сказал он. — Этот разбился.

И вышел.

Бен смотрел на дверь, за которой исчез проводник. В голове стучало. Женщина с ребенком. Пояс смертника. Она вышла на Вершине. Она взорвалась.

— Зачем она это сделала? — спросил Бен. — Зачем убила себя и дочку?

— Чтобы спасти тех, кто остался, — сказал Михаил. — Мать. Сестру. Племянников. Ей сказали: взорвешься — они будут жить.

— А если не взорвешься?

— Их убьют, — сказал Темптер. — Так работают эти люди. Шантаж через родных. Самая надежная мотивация.

Бен сжал стакан так, что тот затрещал.

— Это не мотивация. Это попытка.

— Это война, — сказал Михаил. — На войне все средства хороши.

— Нет, — сказал Бен. — Не все.

Он вспомнил свой разговор с координатором в Польше. Когда Дмитрий отжал у него контракт. Когда он промолчал и позволил украинцу умереть. Он тогда думал: я спасаю себя. Я выживаю. Но сейчас, глядя на кровавое пятно на бетоне, он понял: он такой же, как те люди, которые дали женщине пояс. Он использовал чужую смерть для своей выгоды.

— Я не лучше ее, — сказал Бен.

— Никто не лучше, — ответил Темптер. — И никто не хуже. Просто каждый выбирает свой способ умереть. Она выбрала взрыв. Ты выбрал молчание.

— А ты? — спросил Бен у Темптера. — Что выбрал ты?

Темптер улыбнулся. Улыбка была грустной.

— Я выбрал смотреть. И делать выводы.

Поезд шел вперед. За окном темнело. Где-то далеко, за полями, сверкнула молния. Без грома.

Бен думал о женщине. О девочке. О розовой бабочке с отломанным крылом. О кнопке, которую она сжимала в пальцах.

Она сделала это не из ненависти. Из любви. К матери. К сестре. К племянникам. Она убила себя и дочку, чтобы они жили.

— Это безумие, — сказал Бен.

— Это война, — повторил Михаил. — На войне нет безумия. Есть только выбор.

Бен взял новый стакан, который принес Илья. Кипяток обжигал. Он пил маленькими глотками и смотрел в окно.

Женщина с Вершины осталась позади. Но ее лицо — худое, с запавшими глазами — стояло перед Беном. И вопрос, который она задала: «Ты наемник. Ты убиваешь чужих детей. За деньги. Кто из нас хуже?»

Бен не знал ответа.

Но поезд шел к его станции. И Бен знал: когда он выйдет, он должен будет ответить. Не ей. Себе.

Глава 10. Разговор о небе

За окном стемнело.

Не то чтобы наступил вечер — просто тучи сгустились до черноты, и свет за стеклом стал серым, как старая простыня. Поезд шел через равнину. Ни огней. Ни домов. Ни фар встречных поездов. Только рельсы, убегающие вперед, в никуда.

Бен сидел на своей полке, привалясь к стене, и смотрел на разбитый стакан, который Илья забыл убрать. Осколки лежали на столике, отражая тусклый свет лампы. В одном из осколков Бен увидел свое лицо — искаженное, разломанное трещиной пополам.

Он полез в карман штанов. Нашупал пачку сигарет. Не помнил, когда купил, где взял. Просто знал, что они там есть. «Мальборо», красный. Восемь штук. Смятые, но целые.

Бен достал одну. Зажигалка — дешевая, пластиковая, прозрачная, с желтой жидкостью внутри — лежала в другом кармане. Он чиркнул колесиком.

Искра была. Но огня не было.

Еще раз. Искра. Нет пламени.

Еще. Искра. Искра. Искра.

— Не горит, — сказал Бен.

— Что? — спросил Темптер.

— Зажигалка. Не работает.

— Может, кончился газ.

— Полная. Я вижу.

Бен протянул зажигалку Темптеру. Тот взял, чиркнул. Искра. Искра. Искра. Ноль.

— Действительно, — сказал Темптер. — Странно.

— Дай я, — сказал Михаил. Он спустился с верхней полки, взял зажигалку. Крупные пальцы сжали пластик. Чиркнул. Раз. Два. Три.

— Не работает, — констатировал Михаил. — Бензин есть, колесо крутится, а огня нет. Бывает.

— Не бывает, — сказал Бен. — Я такие зажигалки чинил в Ираке. Они либо работают, либо нет. А тут — искра есть, пламени нет.

— Может, это знак, — усмехнулся Темптер.

— Какой?

— Что курить вредно.

Бен не оценил шутку. Он сунул сигарету обратно в пачку, пачку — в карман. Посмотрел в окно. Там, за стеклом, по-прежнему была тьма. Ни звезд. Ни луны. Ни одного проблеска.

— Свобода воли, — сказал Михаил. — Ты веришь в нее, Бен?

— Что? — Бен не понял перехода.

— Я спрашиваю: человек сам выбирает свою судьбу? Или все предопределено? Сверху.

— Михаил показал пальцем в потолок. — Или снизу. — Он показал в пол.

— Станный вопрос для поезда, — сказал Бен.

— Самый подходящий, — возразил Темптер. — Поезд идет по рельсам. Рельсы проложены кем-то. Машинист не может свернуть на поле. Пассажир не может выйти на ходу. Вопрос: это отсутствие свободы или осознанный выбор — сесть в этот поезд?

— Я не выбирал, — сказал Бен. — Я очнулся здесь. Не помню, как сел.

— Может, не хочешь помнить? — спросил Михаил. Голос его был спокоен, но в нем появилась новая нота. Не угроза. Настойчивость.

— Я говорил уже. Накануне пил водку с поляками. Потом — провал. Потом — вы.

— Удобное объяснение, — сказал Темптер. — Водка. Поляки. Провал. Все списано на внешние обстоятельства.

— А что, по-твоему, было? — Бен повысил голос.

— Я не знаю. Я не был в твоей голове. Но я вижу, что ты избегаешь одного вопроса.

— Какого?

— Почему ты здесь. Не как — почему.

Бен замолчал.

Он смотрел на осколки стакана. В одном из них снова мелькнуло его лицо — усталое, с красными глазами, с щетиной, которая уже не щетина, а борода. Он провел рукой по подбородку. Колюче. Три дня. Или четыре. Или месяц. Он потерял счет.

— Свобода воли, — сказал Михаил. — Я верю, что она есть. Человек всегда может выбрать. Даже когда кажется, что выхода нет. Даже когда рельсы ведут только в одну сторону.

— Наивно, — сказал Темптер. — Выбор — это иллюзия. Человек выбирает то, что ему выгодно. Или то, что ему кажется выгодным. А кажется ему то, что подсказывают инстинкты, воспитание, страх. Где здесь свобода?

— В том, чтобы сказать «нет», — ответил Михаил. — Когда инстинкты, воспитание и страх говорят «да».

— Красивые слова, — усмехнулся Темптер. — Пример можешь привести?

— Могу. — Михаил посмотрел на Бена. — Он. Сидит в поезде. Может выйти на любой станции. Может остаться. Может заговорить с попутчиками. Может молчать. Каждое решение — его. Никто не держит пистолет у виска.

— Кроме его собственной памяти, — сказал Темптер. — Которая молчит, когда ему выгодно.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Бен.

— Хочу сказать, — Темптер наклонился вперед, положив локти на столик, — что ты не помнишь, как сел в поезд, потому что тебе выгодно не помнить. Потому что, если вспомнишь — придется отвечать. А ты не готов.

— Я готов ко всему, — сказал Бен.

— Да? — Темптер усмехнулся. — Тогда вспомни. Не водку с поляками. Вспомни последние минуты перед тем, как очнулся здесь. Что ты делал? Где был? Кто был рядом?

Бен закрыл глаза.

Темнота. Не та, что за окном. Другая. Плотная, липкая, с красными вспышками. Жара. Сухая, ненастоящая жара. Запах — горелой резины, крови, собственной мочи. И звук. Выстрел. Один. Четкий, как удар молотка по наковальне.

Бен открыл глаза.

— Ничего, — сказал он. — Я ничего не помню.

— Врешь, — сказал Темптер.

— Не вру.

— Врешь, — повторил Темптер. — Ты почувствовал запах. Я видел. Твои ноздри раздулись. Ты вспомнил что-то. И испугался. И спрятал воспоминание обратно.

Бен сжал кулаки.

— Отвали, — сказал он. — Ты не психолог. Ты консультант хренов. Не лезь в голову.

— А что, если я уже в ней? — Темптер улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти дружелюбной. Но глаза — карие, с мелкими морщинками — смотрели жестко. — Что, если я всегда был там? Просто ты не замечал?

Михаил кашлянул.

— Хватит, — сказал он. — Ты пугаешь человека.

— Он не пугается, — возразил Темптер. — Он наемник. Он ничего не боится.

— Я боюсь, — сказал Бен.

Тишина.

Темптер убрал улыбку. Михаил поднял брови. Поезд качнуло, и осколки на столике зазвенели.

— Чего? — спросил Михаил.

— Себя, — ответил Бен. — Того, что я мог сделать. Того, что я сделал. Того, что я не помню. Я боюсь, что, когда вспомню — не смогу с этим жить.

— А ты уже живешь, — сказал Темптер.

— Живу, — согласился Бен. — Но не знаю, сколько это продлится.

Он снова достал сигарету. Сунул в рот. Чиркнул зажигалкой. Искра. Искра. Искра. Пламя не появилось.

— Не горит, — повторил Бен.

— Не горит, — эхом отозвался Михаил.

Он встал, подошел к Бену, протянул руку. Бен подумал, что Михаил хочет забрать зажигалку. Но Михаил взял сигарету изо рта Бена. Зажал ее между пальцами. И зажег. Без огня. Без искры. Сигарета просто задымилась, как будто кто-то невидимый поднес к ней спичку.

— Держи, — сказал Михаил, возвращая сигарету.

Бен взял. Затянулся. Дым был настоящим — горьким, горячим, с запахом табака и чего-то еще. Памяти.

— Как ты это сделал? — спросил Бен.

— Не важно, — ответил Михаил. — Важно, что ты куришь.

— Ты нарушаешь правила, — сказал Темптер. — Нельзя вмешиваться.

— Я не вмешиваюсь, — ответил Михаил. — Я помогаю.

— А я считаю, что каждый должен дойти сам.

— Дойдет, — сказал Михаил. — Но не сегодня.

Он вернулся на свою полку. Сел. Положил руки на рюкзак. Закрыв глаза. Бен смотрел на него. Обычный мужик. Русский, с залысинами, в дешевой ветровке. Как он зажег сигарету без огня?

— Ты не вспомнишь только то, что тебе выгодно забыть, Бен, — сказал Михаил, не открывая глаз. — Запомни это. Когда придет время — вспомнишь. Все.

— А когда придет время? — спросил Бен.

— Когда выйдешь на своей станции.

— А где моя станция?

— Узнаешь.

Михаил замолчал. Темптер смотрел на Бена. В его взгляде не было насмешки. Было ожидание. Как у человека, который ждет, когда щелкнет замок.

Бен курил. Дым тянулся к потолку, к трещинам, к пятну, похожему на Австралию. Он думал о свободе воли. О выборе. О том, что он выбрал — сесть в этот поезд. Или не выбирал. Или выбрал, но забыл. Или не забыл, а спрятал.

За окном, сквозь тьму, Бен увидел огни.

Не станция — город. Далекий, размытый, с редкими окнами, которые горели желтым. Город был на холме. Вокруг него — лес, черный, как смола. Поезд шел мимо. Не останавливался.

— Что это? — спросил Бен.

— Дома, — ответил Темптер. — Для кого-то.

— А для меня?

— Для тебя — нет. Твой дом дальше.

Поезд ускорился. Огни остались позади. Снова тьма. Только рельсы, отбрасывающие блики в свете вагонной лампы.

Бен докурил. Потушил бычок о подошву ботинка. Посмотрел на осколки стакана.

— Свобода воли, — сказал он. — Я верю, что она есть. Потому что иначе — зачем все это? Зачем мучиться, вспоминать, если все уже решено?

— Хороший вопрос, — сказал Темптер. — Ответа на него нет. Но можно искать.

— Ты ищешь? — спросил Бен.

— Я смотрю, — ответил Темптер. — Как вы ищете.

За дверью купе послышались шаги. Илья. Он прошел мимо, не заглядывая. Но Бен услышал, как проводник остановился на секунду. Как будто прислушивался.

Потом шаги удалились.

— Ты боишься? — спросил Михаил.

— Чего? — не понял Бен.

— Того, что вспомнишь.

— Да, — сказал Бен. — Очень.

— Это правильно, — сказал Михаил. — Страх — это не трусость. Страх — это уважение к правде.

Бен кивнул.

Он снова полез в карман за сигаретой. Достал. Взял зажигалку. Чиркнул.

Искра. И — маленький, дрожащий огонек. Желтый, живой.

Бен прикурил. Затянулся. Дым пошел в легкие.

— Работает, — сказал он.

— Всегда работало, — ответил Темптер. — Просто ты не хотел замечать.

Бен посмотрел на него. Темптер улыбался. Но в глазах его не было веселья.

— Кто вы? — спросил Бен. — На самом деле?

— Попутчики, — сказал Михаил. — Просто попутчики.

— А я — дурак, — сказал Бен. — Потому что верю.

Он затянулся. Дым щипал глаза. Он не закрыл их. Он смотрел на огонек сигареты и думал о свободе воли.

Он выбрал курить. Или не выбирал. Или зажигалка не работала, пока Михаил не захотел. Или все это было игрой. Или он все еще спал в том ангаре в Польше, и ему снился поезд, и попутчики, и разговор о небе.

— Если я сплю, разбудите меня, — сказал Бен.

— Ты не спишь, — сказал Темптер.

— Откуда знаешь?

— Потому что в твоём сне я был бы добрее.

Бен усмехнулся.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда. А Бен курил и смотрел в окно, где по-прежнему была тьма. Но теперь в этой тьме ему чудились очертания. Деревьев. Домов. Людей. Всех, кого он знал. Всех, кого убил. Всех, кто хотели убить его.

Он еще не знал, что они все здесь. В поезде.

Просто ждут своей очереди.

Глава 11. Третий грех (Блуд)

Поезд вышел из тьмы.

Не то чтобы рассвело — скорее тучи рассеялись, и за окном появилось низкое, белесое небо. Зимнее, хотя Бен не знал, какое сейчас время года. Внутри вагона было холодно. Он натянул рукава футболок на ладони и сунул руки под мышки.

Михаил спал на верхней полке. Рюкзак он прижал к груди, как ребенка. Темптер сидел напротив, листал что-то в телефоне. Экран освещал его лицо — делал его старше, жестче.

— Расскажи что-нибудь, — попросил Бен.

— О чем? — Темптер не поднял глаз.

— О жизни. О людях. Ты много ездешь, наверное, видел разное.

Темптер убрал телефон. Посмотрел на Бена. Взгляд был тяжелым, изучающим.

— Был у меня один знакомый, — сказал он. — В Минске. Две тысячи двадцать первый год. Вебкам-студия.

Бен напрягся. Он знал про вебкам. В Ираке ребята смотрели такие сайты. В Польше, в лагере «Шмель», тоже. Девушки перед камерой. Улыбаются. Раздеваются. Делают вид, что им нравится. Бен никогда не задумывался, что за этими улыбками стоит.

— Студия называлась «SweetDreams», — начал Темптер. — Арендовала помещение в центре Минска, в старом жилом доме. Обычные квартиры на первом этаже, переделанные под комнаты для трансляций. Хозяин — парень по имени Руслан. Тридцать лет, лысый, с золотой цепью на шее. Раньше торговал снюсом, потом переключился на взрослый контент.

— Отвратительно, — сказал Бен.

— Дальше будет отвратительнее, — пообещал Темптер. — Руслан нанимал девушек через соцсети. Обещал высокий доход, гибкий график, безопасность. Приезжали в основном из маленьких городов — Могилев, Гомель, Брест. Девятнадцать-двадцать лет. Без денег. Без жилья. Без поддержки.

— Они знали, на что идут?

— Знали. Думали, что смогут контролировать ситуацию. Думали, что «просто посидеть перед камерой». Но Руслан быстро объяснял правила. Комиссия — семьдесят процентов. Штрафы за отказ от эфира. Штрафы за плохое настроение. Штрафы за то, что не улыбаешься.

— Тюрьма, — сказал Бен.

— Тюрьма, в которой платят сами заключенные, — согласился Темптер. — Одна из девушек, Настя, двадцати лет, продержалась три месяца. Она была хорошей актрисой. Улыбалась. Стриптиз. Чаты. Деньги шли. Руслан был доволен. Но Настя хотела уйти. Нашла другую работу — официанткой в кафе. Пришла к Руслану сказать.

— И что он?

— Руслан сказал: «Ты должна мне пять тысяч долларов за обучение, аренду комнаты, рекламу. Отработаешь — уйдешь». Показал договор, который Настя подписала, не читая. Мелкий шрифт, пункт о неустойке.

— Она не могла заплатить.

— Не могла, — подтвердил Темптер. — Руслан предложил альтернативу: специальный эфир. Платный контент. Несколько мужчин. Очень большие деньги. Достаточно, чтобы закрыть долг и уйти.

— И она согласилась?

— Ей не оставили выбора. Либо эфир, либо полиция по заявлению о краже — Руслан подделал документы, что Настя украла у него деньги. Либо долговая яма. Она выбрала эфир.

Темптер замолчал. За окном потянулись поля, но теперь не серые, а белые. Снег. Первый снег, который Бен видел за всю дорогу. Белый, чистый, нетронутый. И на этом белом — черные точки. Вороны. Много ворон. Они сидели на земле, как кляксы.

— Эфир был в пятницу вечером, — продолжил Темптер. — Настя, двое мужчин. Камеры, свет, микрофоны. Руслан наблюдал из соседней комнаты. Все шло по плану. Но Настя не выдержала. Она сломалась в середине. Начала плакать. Просила остановиться.

— Остановили? — спросил Бен.

— Нет. Зрители платили за эмоции. Чем больше слез, тем выше донаты. Руслан велел продолжать. Мужчины продолжали. Настя кричала. Ее крики были слышны на улице, но соседи привыкли к шумам из студии.

— Что с ней стало?

— Она умерла. Разрыв сердца. Врачи сказали — стресс, организм не выдержал. Руслан вызвал полицию. Сказал: передоз, девушка сама ввела себе наркотики. Труп отправили в морг. Родителям Насти сказали: ваша дочь вела асоциальный образ жизни, мы не виноваты.

— А Руслан?

— Руслан закрыл студию, открыл новую. Под другим названием. В другом районе. Он до сих пор в бизнесе. А Настя лежит на кладбище в Бресте. На ее могиле написано: «Спи спокойно, доченька». Родители так и не узнали правду.

Темптер закончил. Взял стакан с остывшим кипятком, отхлебнул. Скривился.

— Страшная история, — сказал Бен.

— Обычная, — ответил Темптер. — Таких тысячи. Просто мы не хотим о них знать.

В купе повисла тишина. Михаил пошевелился на верхней полке, но не проснулся. Поезд качнуло, и осколки на столике зазвенели. Илья так и не убрал их после той женщины с Вершины.

Бен смотрел в окно. Снег шел медленно, крупными хлопьями. Они падали на стекло и таяли, оставляя мокрые дорожки. Похожие на слезы.

— А у тебя? — спросил Темптер. — Было что-то похожее? Не про студию. Про человека, которого ты использовал, а потом бросил.

Бен хотел ответить «нет». Быстро, как всегда. Но в голове всплыло лицо. Женское. Светлые волосы, веснушки на носу, улыбка с ямочками на щеках.

Одесса. Две тысячи двадцать второй.

Лето. Бен снимал квартиру на окраине. Официально — отдых перед контрактом. На самом деле — ждал документы, сидел в четырех стенах, пил дешевое вино и смотрел в потолок.

Она работала в кафе на первом этаже. Звали Катя. Двадцать пять лет, филолог, без работы по специальности. Подавала кофе с улыбкой, за которой Бен видел усталость. Они разговорились. О войне. О книгах. О том, как тяжело жить, когда каждый день может стать последним.

Катя была одна. Муж ушел в начале войны, пропал без вести. Родители в Херсоне, под оккупацией. Она платила за квартиру, которую не могла позволить. Но улыбалась. Всегда. Даже когда на глазах были слезы.

Бен начал встречаться с ней. Не потому, что влюбился — потому что было скучно. Потому что она была теплой, а он — холодным. Потому что ночью с ней было темно, и он не видел своих рук, которыми убивал.

Она полюбила его. Бен знал. Она говорила: «Бен, я боюсь, что ты уедешь». Он обещал, что не уедет. Легко, как всегда.

Через два месяца Катя заболела. Рак. Врачи сказали — нужно лечение, операция, химия. Денег нет. Катя плакала. Бен сказал: «Я помогу».

Он не помог.

Он уехал через неделю. Сказал, что контракт, работа, не может отменить. Катя стояла на пороге, худая, бледная, с платком на голове — волосы уже начали выпадать. Смотрела на Бена. Ждала, что он останется.

— Я вернусь, — сказал Бен.

Он не вернулся.

Через три месяца ему позвонил ее сосед. Сказал: «Катя умерла. Лечение не помогло. Она все время ждала вас. Спрашивала, когда вы приедете».

Бен сказал: «Спасибо, что сообщили». Положил трубку. Выпил. Пошел на стрельбище.

Он не поехал на похороны. Не послал цветов. Он просто вычеркнул ее из памяти. Как ненужный файл.

Но сейчас, в поезде, лицо Кати всплыло. Светлые волосы, веснушки, платок на голове. И глаза. Ждущие.

Он обещал, что не уедет. И уехал.

— Была, — сказал Бен вслух. — Катя. В Одессе.

— Расскажи, — сказал Темптер.

Бен рассказал. Коротко. Без деталей. О кафе, о кофе, о раке, о том, как он уехал. О том, что не вернулся.

Темптер слушал молча. Не перебивал. Не задавал вопросов.

— Ты ее бросил, — сказал он, когда Бен закончил.

— Да.

— Знал, что она больна?

— Знал.

— И уехал?

— Уехал.

Темптер покачал головой. Не осуждающе — скорее задумчиво.

— Люди странные, — сказал он. — Руслан убил Настю за деньги. Ты убил Катю своим равнодушием. Разная цена. Одна смерть.

— Я не убивал, — сказал Бен. — Она умерла от рака.

— Она умерла одна. Это хуже рака.

Бен не ответил.

За окном снег кончился. Снова потянулись леса — сосны, березы, осины. Между стволами Бен увидел фигуру. Женскую. В длинном пальто, с платком на голове. Она стояла на опушке и смотрела на поезд. Лица не разобрать. Но Бен знал, кто это.

— Катя, — сказал он.

— Где? — спросил Темптер.

— В лесу. Смотрит.

— Никого там нет, — сказал Темптер, вглядываясь в окно.

Бен знал, что Темптер прав. Никого не было. Только сосны, снег и низкое небо. Но он видел.

— В следующий раз, — сказал Темптер, — когда скажешь кому-то «я вернусь», подумай, вернешься ли на самом деле. А если нет — лучше промолчать.

Бен кивнул.

Он смотрел в окно, пока лес не кончился. Катя осталась там, между стволами. Стояла и смотрела. Бен поднял руку. Помахал. Не знал зачем. Просто рука поднялась сама.

Поезд ускорился. Фигура исчезла.

— Третий грех, — сказал Темптер. — Блуд. Не только про постель. Про то, как человек использует другого человека для своего удовольствия. Руслан использовал Настю. Ты использовал Катю. Она дала тебе тепло, а ты дал ей ложь.

Бен не спорил.

Он взял стакан с кипятком. Выпил. Горло обожгло. Он почувствовал.

— Что мне делать? — спросил Бен.

— Ничего, — ответил Темптер. — Ты уже сделал. Осталось только вспомнить.

— Я помню.

— Помнишь, — согласился Темптер. — Вопрос — зачем ты помнишь. Чтобы страдать? Чтобы оправдаться? Чтобы измениться?

Бен не ответил.

Он не знал, зачем он помнит. Он знал только, что лицо Кати не уходит. Оно стоит перед глазами. С платком на голове. С улыбкой, в которой не было упрека. Только ожидание.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда.

Илья зашел с новым стаканом. Поставил на столик. Забрал осколки. Бен смотрел на его руки — старые, с набухшими венами. Руки человека, который много лет носил кипятильник пассажирам. И никогда не спрашивал, зачем они едут.

— Спасибо, — сказал Бен.

Илья кивнул. Вышел.

Бен взял стакан. Кипятильник обжигал. Он пил маленькими глотками и смотрел в окно. Снег, леса, станции. И лица. Все лица, которые он когда-то знал.

Глава 12. Лес крестов

Поезд шел через лес.

Не такой, как раньше. Не сосны, не березы, не осины. Другой. Старый. Деревья стояли плотно, стволы черные, корявые, с обломанными сучьями, похожими на руки, поднятые в молитве. Кроны смыкались над поездом, пропуская только редкие лучи — не солнца, а того белесого света, который висит над землей в предзимье.

Бен смотрел в окно и не мог оторваться.

На каждом дереве — что-то блестящее.

Он присмотрелся. Кресты. Старые, латунные, потемневшие от времени. Они висели на веревках, на проволоке, на простых гвоздях, вбитых в кору. Некоторые были большими — с ладонь. Другие маленькими — как нательные. Кое-где кресты сбились в кучу по три, по четыре на одном стволе. Кое-где висели по одному, на самом видном месте, на развилке ветвей.

— Что это? — спросил Бен.

— Лес, — ответил Михаил. Он сидел на своей полке и тоже смотрел в окно. — Лес крестов.

— Где мы?

— В месте, где люди прощались.

Михаил произнес это просто, без пафоса. Так говорят о погоде или о времени прибытия.

Поезд замедлился. Колеса застучали реже, как пульс перед остановкой. Бен прижался лбом к холодному стеклу. За ним, между стволами, мелькали поляны. На полянах — стволы, поваленные, черные. На одном из них кто-то вырезал ножом: «Простите нас».

— Чьи кресты? — спросил Темптер. Он тоже смотрел, но без того напряжения, что было у Бена. Скорее с любопытством.

— Разные, — ответил Михаил. — Здесь вешали кресты и русские, и украинцы. И те и другие. В разное время. Это место не выбирает сторону.

— Похоже на кладбище, — сказал Бен.

— Это хуже кладбища. На кладбище лежат мертвые. Здесь — надежды.

Поезд шел медленно. Между деревьев Бен увидел просвет. Большая поляна. На ней — деревянная часовня. Старая, с провалившейся крышей, с крестом на куполе, который накренился, но не упал. У входа в часовню — куча крестов, снятых с деревьев, сложенных как дрова. Кто-то собирал их. Кто-то приносил новые.

— Местные жители, — сказал Михаил, заметив взгляд Бена. — Убирают старые. Вешают новые. Так и живут.

— Где мы? — снова спросил Бен. — Название скажи.

— У него нет названия. Просто лес. В Украине. Но старая Украина. Не та, которую ты знаешь.

— Я не знаю Украины, — сказал Бен. — Я был там только на войне.

— Вот именно. Ты видел только войну. А здесь люди жили. Рожали детей. Сажали сады. Строили дома. Молились в этой часовне. А потом пришла война. Не нынешняя — другая. И эта, нынешняя. И еще придет. А кресты остаются.

Бен смотрел на кресты. Они мелькали за окном — латунные, медные, железные, ржавые. На одном, самом большом, он разглядел надпись. По-русски: «Спаси и сохрани». На другом — по-украински. Он не понял.

— Хорошие люди здесь жили, — сказал Михаил. — Русские. Не те, про кого ты думаешь. Не генералы, не политики, не олигархи. Простые. Мужики с мозолистыми руками. Бабы, которые пекли хлеб и плакали, когда мужья уходили воевать. Дети, которые бегали босиком по росе.

— Я знаю таких, — сказал Бен. — В Техасе такие же.

— Не такие, — покачал головой Михаил. — Техасские — твои. А эти — мои. Я с ними вырос. С ними пил. С ними работал. Их отцы воевали с фашистами. Их деды строили эту страну. А теперь их убивают. Не солдаты — наемники.

Бен посмотрел на Михаила. Впервые за всю дорогу в голосе дальнбойщика появилась горечь.

— Ты про меня? — спросил Бен.

— Про всех. Про тебя, про поляков, про грузин, про американцев, которые приходят сюда за деньгами. Вы думаете, что воюете за правду. За демократию. За свободу. А вы воюете за деньги. И убиваете не армии — людей. Тех, кто не хотел воевать. Тех, кто остался дома. Тех, кто вешал кресты в этом лесу.

Бен молчал.

Он знал, что Михаил прав. Каждый контракт, который он подписывал, был бумажкой с цифрой. Восемь тысяч. Пять тысяч. Десять. Он никогда не спрашивал, кто будет на другой стороне. Ему было все равно. Работа есть работа.

— Я видел русских, — сказал Бен. — В плену. Они были разными. Кто-то плакал. Кто-то молился. Кто-то молчал и смотрел в стену. Я не убивал их. Не пытал. Я просто передавал дальше.

— И этим ты гордишься? — спросил Темптер.

— Нет, — ответил Бен. — Я не горжусь ничем.

— А зря, — сказал Михаил. — Есть чем гордиться. Русскими, которые не сдались. Которые стояли под бомбами. Которые вывозили детей из ада. Которые теряли ноги, руки, глаза, но не теряли себя. Я таких знаю. Их много.

Он замолчал. За окном лес крестов кончился. Началась опушка. На опушке стоял памятник. Не солдату — женщине. С руками, прижатыми к груди, с лицом, обращенным к небу. На постаменте кто-то оставил цветы. Живые. В вазе.

— Я хочу рассказать, — сказал Михаил. — Об одном русском. Не герое — обычном. Про таких не пишут в новостях. Их не награждают. Они просто делают свое дело.

— Расскажи, — сказал Бен.

— Звали его Иван. Из Белгорода. Ему было под семьдесят. В начале войны он поехал в Донбасс — не воевать, помогать. Везил хлеб, воду, лекарства. На своей старой «Ниве». Денег у него не было. Пенсия — копейки. Но он продал кое-что из дома, заправил машину и поехал.

— Зачем? — спросил Темптер.

— Говорил: «Там дети. Им холодно. Им голодно. Им страшно. У меня есть машина. У меня есть время. Я поеду». И ездил. Раз в неделю. Загружал «Ниву» под завязку. Спал в

машине, потому что не хотел тратить деньги на гостиницу. Ел сухой паек. И улыбался. Всегда улыбался.

— Что с ним стало? — спросил Бен.

— Его убили. Не украинцы — свои. Российские военные. Приняли за диверсанта. Он выехал не по той дороге, наткнулся на блокпост. Не остановился — не заметил знака. Выстрелили в лобовое стекло. Он умер сразу. «Нива» скатилась в кювет. В кузове была гречка, тушенка и детские книжки. Сказки Пушкина.

Михаил замолчал. Взял стакан, отхлебнул. Вода остыла, но он не поморщился.

— Его похоронили на местном кладбище, — продолжил он. — Пришли те, кому он возил помощь. Дети. Старики. Женщины. Плакали. Он не был героем. Не убил ни одного врага. Не взял ни одной высоты. Он просто возил еду. Но для тех людей он был больше, чем герой. Он был надеждой.

— А что военные? — спросил Темптер. — Наказали?

— Никто не наказан. Списали на боевые потери. Такое бывает. Война есть война.

— Несправедливо, — сказал Бен.

— Справедливость — это когда правду говорят, — ответил Михаил. — А здесь правда в том, что Иван погиб. И что его дело не умерло. После него поехали другие. Молодые. Старые. Русские. Потому что поняли: если не мы, то кто?

Поезд вышел из леса. Потянулись поля — белые, снежные, с редкими деревьями. На одном из деревьев, на самом краю, Бен увидел одинокий крест. Латунный, блестящий — новый.

— А наемники, — сказал Бен, — ты их ненавидишь?

— Нет, — ответил Михаил. — Я их жалею. Они пришли зарабатывать деньги, а потеряли себя. Убивали русских, думая, что это работа. А работа — это когда косишь траву или грузишь мешки. Убийство работой не бывает.

— Бывает, — возразил Бен. — Если ты солдат.

— Солдат защищает свою землю. А вы, наемники, не защищаете. Вы продаете смерть тем, кто заплатил больше. — Михаил посмотрел Бену в глаза. — Ты убивал русских. Зачем? Что они тебе сделали?

— Ничего, — сказал Бен. — Они были на той стороне.

— На какой стороне? Есть только одна сторона. Сторона жизни. А вы все — и русские, и украинцы, и наемники — вы на стороне смерти. Просто по разные стороны линии фронта.

Бен хотел возразить. Сказать, что он профессионал. Что он выполняет контракты. Что это бизнес. Но слова застряли в горле. Он смотрел в окно на белые поля и думал об Иване. О старике, который вез детям гречку и сказки Пушкина. И о том, как его убили свои же.

— Не все русские такие, как Иван, — сказал Бен. — Есть и другие. Которые убивают. Насилуют. Грабят.

— И не все наемники такие, как ты, — ответил Михаил. — Есть и другие. Которые пришли не за деньгами — за идеей. Но ты — за деньгами. Ты сам сказал. Восемь тысяч в месяц.

Бен замолчал.

Он смотрел на свои руки. Мозолистые пальцы. Старые шрамы. Руки убийцы. За восемь тысяч в месяц.

— Ты прав, — сказал Бен. — Я не лучше Ивана. Я хуже. Он отдавал. Я брал.

— Не сравнивай себя с ним, — сказал Михаил. — Он был святой. Ты — нет. Но ты можешь стать лучше. Если захочешь.

— Как?

— Перестать убивать. Начать помогать.

— Поздно, — сказал Бен. — Я слишком далеко зашел.

— Никогда не поздно, — ответил Михаил. — Даже здесь. Даже в этом поезде.

Бен посмотрел на него. Михаил сидел, сложив руки на рюкзаке. Обычный мужик. За окном снова пошел снег. Крупные хлопья падали на стекло и таяли.

— Лес крестов, — сказал Темптер. — Хорошее место. Напоминает, что мы все временные. А кресты — вечные.

— Не кошунствуй, — сказал Михаил.

— Я не кошунствую. Я констатирую. Столько крестов, сколько в этом лесу, нет ни на одном кладбище мира. Потому что люди не хоронят надежду. Они вешают ее на деревья.

Бен молчал. Он думал о том, что когда выйдет из поезда, то обязательно придет в этот лес. Найдет дерево. Повесит крест. Не за себя — за Катю. За Дмитрия. За всех, кого он бросил, кого убил, кого предал.

— Остановится здесь поезд? — спросил он.

— Нет, — ответил Михаил. — Эта станция не для тебя. Твоя — дальше.

— А для кого эта?

— Для тех, кто верит, что вернется.

Поезд ускорился. Лес остался позади. Последний крест блеснул в сумерках и исчез. Бен смотрел в окно, пока не стало темно. Потом закрыл глаза.

Он слышал, как Михаил и Темптер о чем-то переговариваются, но не разбирал слов. Он видел перед собой лицо Ивана. Старика с добрыми глазами. Который вез детям гречку и сказки.

И думал: почему он, Бен, не стал таким? Почему он стал тем, кем стал?

Ответа не было.

Только стук колес: туда-туда-туда.

И снег за окном. Белый, чистый. Как надежда. Которая не сбылась.

Глава 13. Четвертый грех (Чревоугодие)

За окном стемнело.

Не постепенно, как бывает вечером, — резко. Сначала снег, потом лес, потом чернота, в которой не было ни звезд, ни огней. Только стекло, отражавшее внутренность купе: три лица, столик, пустые стаканы.

Бен сидел, привалясь к стене, и чувствовал, как голод скручивает желудок. Не тот голод, когда хочется есть. Другой. Глубокий, тоскливый. По дому. По тишине. По тому, чтобы не думать.

В дверь постучали. Тяжело, как это делал только Мордван.

— Открыто, — сказал Михаил.

Дверь сдвинулась. Начальник поезда стоял на пороге, держа в руках поднос. На подносе — три миски, накрытые чистым полотенцем. Из-под полотенца поднимался пар.

— Ешьте, — сказал Мордван. — Дорога дальняя. Голодными не доведу.

Он поставил поднос на столик. Откинул полотенце. Под ним оказался борщ. Настоящий, красный, с кусками мяса, сметаной и зеленью. Рядом — ломти черного хлеба и три ложки.

— Откуда? — спросил Темптер.

— У меня вагон-ресторан есть, — ответил Мордван. — Не работал года три. Но я велел открыть. Особый случай.

— Какой случай? — спросил Бен.

Мордван посмотрел на него. Старые, выцветшие глаза смотрели тяжело, как у человека, который видел слишком много, чтобы удивляться.

— Случай, когда пассажир голодный, — сказал он. — Ешьте. Потом спать.

Повернулся и ушел. Тяжелые шаги застучали по коридору: каблук — платформа, каблук — платформа.

Бен взял ложку. Зачерпнул. Борщ был горячим, наваристым, с чесноком и перцем. Он проглотил, не жуя. Взял еще. Хлеб — черный, кисловатый, с хрустящей коркой. Он жевал и чувствовал, как тепло разливается по телу.

Михаил и Темптер тоже ели. Молча. Сосредоточенно.

Миски опустели быстро.

— Хороший борщ, — сказал Темптер. — Забыл, когда такое ел.

— Я помню, — сказал Бен. — В Одессе. Катя варила. Говорила, по ее маминому рецепту. Я тогда не ценил.

Он замолчал. Поставил пустую миску на столик.

— Чревоугодие, — сказал Михаил. Он отодвинул свою миску и посмотрел на Бена. — Ты знаешь, что это за грех?

— Обжорство, — ответил Бен. — Когда человек жрет больше, чем нужно.

— Не только, — сказал Михаил. — Чревоугодие — это когда человек поглощает жизнь, не оставляя ничего другим. Не только еду. Время. Внимание. Заботу. Ресурсы. Он берет и берет. А отдает — только отходы.

— Как знаменитый Семен из Харькова, — сказал Темптер.

— Какой Семен? — спросил Бен.

— Риелтор из Харькова, — ответил Михаил. — Расскажу.

Михаил откинулся на спинку. Сложил руки на груди.

— Две тысячи двадцать второй. Харьков. Начало войны. Люди бегут кто куда. Квартиры бросают за бесценок. И появляется Семен. Риелтор. Толковый, деловой. У него есть знакомые в нотариальной конторе, есть деньги в офшорах, есть чутье на чужое горе.

— Что он делал? — спросил Бен.

— Скупал квартиры. Но не у живых — у мертвых. Те, чьи хозяева погибли под бомбами. Те, чьи тела лежали непогребенными в подвалах и моргах. Семен находил адреса, оформлял документы задним числом. Подписи подделывал. Доверенности — тоже. Платил копейки. А потом сдавал эти квартиры. Не жильцам — гуманитарным организациям. Под склады. Под штабы. Под ночлежки.

— Он наживался на войне, — сказал Бен.

— Он наживался на мертвых, — поправил Михаил. — Ставки аренды были в три раза выше рыночных. Волонтеры платили, потому что не было выхода. Людям нужно было где-то спастись. А Семену нужно было где-то хранить деньги.

Бен сжал ложку. Металл нагрелся от его пальцев.

— И что с ним стало?

— Ничего. Он до сих пор в Харькове. Живет в центре. Дом на Петровского. Новый «Мерседес». Жена в шубе. Дети в частной школе. По воскресеньям ставит свечку в церкви. За упокой. Чтобы души успокоить.

— Не успокоишь, — сказал Темптер. — Особенно когда знаешь, что делал.

— Он не знает, — ответил Михаил. — Или сделал вид, что не знает. Он думает, что просто вел бизнес. Ну, война. Все так делают. Он же не убивал своими руками.

— А в чем тогда чревоугодие? — спросил Бен. — Он же не жрал. Он деньги зарабатывал.

— А ты пойми, — Михаил наклонился вперед. — Чревоугодие — это не когда много ешь. Это когда твоя жадность пожирает все вокруг. Когда ты не видишь людей — только выгоду. Когда трупы для тебя — источник дохода. Семен жрал чужую смерть. Смерть стариков, женщин, детей. Он перемалывал их в деньги и глотал. Вот это чревоугодие. Пожирание жизни.

Бен молчал. Он смотрел в окно. Там, в темноте, ему чудились очертания домов. Разрушенных. С черными провалами окон. И запах.

Тот самый запах.

Изюм. Две тысячи двадцать второй. Бен зашел в подвал разрушенного дома вместе с группой. Шли обыск — искали оружие, боеприпасы. Нашли людей.

Не живых.

Трупы лежали вповалку. Старики, женщины, дети. Они прятались от обстрелов. Прятались долго. Еда кончилась. Вода кончилась. Воздух кончился. Они умерли не от бомб — от голода. От жажды. От удушья.

Запах ударил в нос, когда Бен открыл дверь. Сладковатый, тошнотворный, с ноткой аммиака. Запах разлагающейся плоти. Бен зажал рот рукавом. Вышел на улицу. Ел снег. Пытался не думать о том, что видел.

— Сколько их? — спросил командир.

— Двадцать семь, — ответил кто-то.

— Детей?

— Шестеро.

Бен сел на ступеньку. Закурил. Сигарета не лезла в горло. Он смотрел на дверь, за которой остались мертвые. И думал: почему он жив, а они нет? Почему он дышит, когда они задохнулись? Почему он сыт, когда они умерли от голода?

Ответа не было.

Через неделю он снова вернулся в этот подвал. Группа захоронения выносила тела. Двадцать семь мешков. Маленьких и больших. Бен помогал. Таскал. Плевал на запах.

— Квартиры этих людей кто-то уже купил, — сказал местный полицейский. — Риелтор один. Семен. Он теперь богатый.

— Как он купил, если хозяева мертвы? — спросил Бен.

— А это война. Кому сейчас до бумажек.

Бен открыл глаза.

— Я был в таком подвале, — сказал он. — В Изюме. Двадцать семь человек. Шестеро детей.

— И ты? — спросил Михаил. — Что ты сделал?

— Что я мог? Вынес мешки. Сжег. Ушел дальше воевать.

— А квартирами этих людей ты не интересовался?

— Нет.

— А должен был. — Михаил вздохнул. — Не для того, чтобы купить. Для того, чтобы не дать таким, как Семен, их сожрать.

Бен сжал кулаки.

— Я не Семен.

— Ты наемник. Ты берешь деньги за убийство. Это не то же самое, что скупать квартиры? Ты тоже жрешь чужую смерть. Просто по-другому.

Бен хотел возразить. Сказать, что война — это работа. Что он никого не грабил, не обманывал, не подделывал документы. Но слова застряли в горле.

Потому что Михаил был прав.

Разницы не было. Семен скупал квартиры мертвых. Бен убивал живых за деньги. Оба пожирали чужую жизнь. Оба набивали свои карманы. Оба не видели людей за цифрами. Восемь тысяч в месяц. Сто тысяч за квартиру. Двести тысяч за контракт.

Цифры. Только цифры.

— Чревоугодие, — сказал Темптер. — Грех, который делает из людей скотов. Семен перестал видеть в квартирах дома, где жили люди. Он видел только прибыль. Ты перестал видеть в русских и украинцах людей. Ты видел только цели. Тоже прибыль. Только другую.

— И что делать? — спросил Бен. — Мне уже не исправиться.

— Исправиться никогда не поздно, — сказал Михаил. — Для этого нужно первым делом перестать жрать. Начать отдавать.

— Что отдавать?

— Не знаю. Сам реши. Деньги. Время. Жизнь. Но сначала — признать, что ты такой же, как Семен. Жадный. Слепой. Голодный до чужого.

Бен посмотрел на свои руки. Мозолистые пальцы. Старые шрамы. Руки, которые держали винтовку. Которые нажимали на спуск. Которые считали деньги.

— Я не лучше Семена, — сказал Бен.

— Никто не лучше, — ответил Михаил. — Но можно стать не хуже. Если захотеть.

— Я хочу.

— Тогда докажи.

Бен молчал. Он смотрел в окно, где по-прежнему была тьма. И думал о подвале в Изюме. О двадцати семи телах. О Семене, который скупал квартиры. О себе, который убивал за восемь тысяч в месяц.

— Четвертый грех, — сказал он. — Чревоугодие. Я жрал чужую смерть. Семен жрал чужую память. Мы оба сыты. А другие голодны.

— Узнал себя? — спросил Темптер.

— Узнал, — сказал Бен.

— Это первый шаг.

Бен кивнул.

Он лег на свою полку, положив руки под голову. Смотрел в потолок. Трещины. Пятно, похожее на Австралию. И тишина. Только колеса стучат: туда-туда-туда.

— Что будет завтра? — спросил он.

— Пятый грех, — ответил Михаил. — Гнев.

— А послезавтра?

— Узнаешь. Если доедешь.

Бен закрыл глаза.

Перед ним снова встал подвал. Запах. Лица. Шестеро детей. Он смотрел на них, а они смотрели на него. Молча. Без упрека.

— Я отдам, — шепнул Бен. — Не знаю как. Но отдам.

Никто не ответил.

Поезд шел в ночь. А Бен спал и не видел, как Михаил спустился с верхней полки, подошел к нему, поправил сползшее одеяло.

— Верю, — сказал Михаил. — Только успеешь ли?

Темптер усмехнулся.

— Успеет, — сказал он. — Куда он денется.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда. В окно падал редкий снег. Белый, чистый. Как лист бумаги, на котором еще ничего не написано.

Глава 14. Появление Алексея (эхо)

Бен проснулся от того, что поезд остановился.

Не дернулся, не замедлил ход — просто замер. Колеса перестали стучать. Тишина стала полной, вакуумной, сдавила уши. Он сел. В купе было темно. Михаил спал на верхней полке, свернувшись калачиком, прижимая к груди рюкзак. Темптер сидел напротив, закрыв глаза — спал или просто дремал, Бен не разобрал.

Он встал. Ноги затекли. Сделал два шага к двери, сдвинул ее. Коридор был пуст. Лампы под потолком горели тускло, желтым светом, в котором плавали пылинки. Пол качался — поезд стоял, но Бену казалось, что земля под ним все еще движется.

Он пошел в сторону тамбура. Зачем — не знал. Тело вело само, как вело всегда, когда чувало опасность. Или, когда чувало что-то другое.

Тамбур был холодным. Металлический пол звенел под ногами. Стены — в потеках, в ржавчине, в старых объявлениях, которые никто не читал. В углу — ведро с пеплом. Над дверью — табличка «НЕ КУРИТЬ», прикрученная криво, одним шурупом.

Бен остановился.

Кто-то стоял у выхода, спиной к нему.

Фигура была мужской. Высокой, поджарой, с широкими плечами. На мужчине был камуфляж — не тот, что носят украинские военные. Другой. Русский. «Леший» — Бен узнал рисунок. Мелкий, плотный, с зелеными и черными пятнами. Такие камуфляжи он видел на пленных.

— Эй, — сказал Бен.

Фигура не обернулась.

Бен сделал шаг вперед. Пол скрипнул. Еще шаг. Рука сама потянулась к бедру — пустая кобура. Он забыл, что пистолета нет.

— Я сказал, эй.

Фигура повернулась.

Лица Бен не увидел. Тень от капюшона падала на глаза, оставляя только подбородок — жесткий, с рыжеватой щетиной. Но на груди у мужчины висело то, что заставило Бена замереть.

Оптический прицел.

Колпак, черный, с резиновыми наглазниками, болтался на ремне. Сам прицел был снят с винтовки — Бен знал такие. Дорогие. Профессиональные. Те, что ставят на снайперские комплексы.

— Ты кто? — спросил Бен.

Мужчина молчал. Только смотрел. Оттуда, из-под капюшона, взглядом, который Бен не видел, но чувствовал — на затылке, на шее, на позвоночнике.

— Слышишь? — Бен повысил голос.

Мужчина шагнул к нему. Один шаг. Близко. Теперь Бен мог разглядеть его руки — пальцы длинные, с вытертыми ногтями, с мозолью на указательном — спусковой крючок, много лет.

— Ты наемник, — сказал мужчина. Голос был низким, спокойным, без акцента. — Американец.

— Допустим.

— Зачем пришел?

— Работа.

Мужчина покачал головой. Медленно, будто нехотя.

— Твоя работа кончилась, — сказал он. — Теперь ты здесь.

— Где?

— У себя дома.

Бен хотел спросить, что это значит, но мужчина уже повернулся. Шагнул к выходной двери. Толкнул ее. За дверью был не перрон — темнота. Густая, черная, без звезд. Мужчина шагнул в нее и исчез.

Бен рванул следом.

Выскочил в тамбур. Ветер — холодный, резкий — ударил в лицо. Никого. Только рельсы, уходящие в темноту, и снег, который падал медленно, крупными хлопьями.

Бен вернулся в коридор. Сердце колотилось. Он прислонился к стене, закрыл глаза. Вдох. Выдох.

— Ты видел, — сказал кто-то рядом.

Бен открыл глаза. Рядом стоял Илья. Проводник держал в руке тряпку и ведро. Лицо — бледное, без эмоций.

— Кто это? — спросил Бен.

— Пассажир.

— Как его зовут?

— Не знаю. Он сел на станции «Красный луч». Билет есть. Все документы в порядке.

— Куда он едет?

— Туда же, куда и вы.

Илья повернулся и пошел по коридору. Тряпка свисала из ведра, волочилась по полу, оставляя мокрый след. Бен смотрел ему вслед, пока проводник не скрылся за дверью в конце вагона.

Бен вернулся в купе. Михаил проснулся. Сидел на своей полке, протирает глаза.

— Ты где был? — спросил он.

— В тамбуре. Там человек. В камуфляже.

— Мало ли людей в поезде.

— У него прицел на груди.

— Оружие везут все. Война.

— Он смотрел на меня. Сказал, что моя работа кончилась.

Михаил помолчал. Потом вздохнул.

— Садись, — сказал он. — Расскажи.

Бен сел. Рассказал. Про спину, про камуфляж, про прицел. Про темноту за дверью, в которую мужчина шагнул. Про то, что исчез.

— Ты его раньше видел? — спросил Темптер. Он не спал — просто лежал с закрытыми глазами.

— Нет, — ответил Бен. — В первый раз.

— Может, показалось?

— Не показалось.

— Ты уверен?

— Я снайпер. Я запоминаю детали. У него была винтовка за спиной. Не разобрал марку. Но прицел — Schmidt & Bender. Дорогой. Такие ставят на дорогие винтовки. Профессионалы.

— Русский снайпер, — сказал Михаил.

— Возможно.

— И он сказал: «Твоя работа кончилась».

— Да.

— Что это значит?

— Не знаю, — ответил Бен. — Но мне стало не по себе.

Поезд дернулся. Колеса застучали — снова тронулись. За окном поплыла тьма, в которой изредка мелькали огни — далекие, одинокие.

— Может, он просто едет, — сказал Темптер. — Как и мы. У каждого свой маршрут.

— У него прицел на груди, — повторил Бен. — Как трофей. Как напоминание.

— О чем?

— О том, кого он убил.

Бен замолчал. Он смотрел на дверь, за которой исчез незнакомец. И чувствовал, что этот человек останется в памяти. Надолго. Может, навсегда.

— Как думаете, — спросил он, — мы еще встретимся?

— Обязательно, — ответил Михаил. — В поезде все встречаются. Рано или поздно.

— А когда поздно?

— Когда выходят на своих станциях.

Бен кивнул.

Он лег, но не закрыл глаза. Смотрел в потолок и слушал, как стучат колеса. Туда-туда-туда. И думал о мужчине в камуфляже. О его голосе — спокойном, без акцента. О его словах: «Твоя работа кончилась. Теперь ты здесь».

Что это значит? Где «здесь»?

Бен не знал.

Но он знал, что скоро узнает. Может, на следующей станции. Может, на конечной.

Он закрыл глаза.

Перед ним снова встала фигура. Спина в камуфляже «Леший». Прицел на груди. И темнота за дверью, в которую мужчина шагнул.

Бен уснул.

И не видел, как Михаил и Темптер переглянулись.

— Рано, — сказал Михаил.

— Уже нет, — ответил Темптер. — Он почти доехал.

— Еще не время.

— Время придет. Как всегда. Неожиданно.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда. А в соседнем купе, через две перегородки, сидел человек в камуфляже. Прицел лежал у него на коленях. Он смотрел в окно на темные поля и молчал.

Его звали Алексей.

Но Бен пока этого не знал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Испытание проводами

Глава 15. Пятый грех (Гнев)

За окном серело.

Не рассветало — просто тьма стала менее плотной, превратилась в серую муть, в которой угадывались очертания полей, редких деревьев, столбов с оборванными проводами. Поезд шел ровно, без остановок. Бен сидел, привалясь к стене, и смотрел на свои руки. Пальцы двигались сами — сжимались и разжимались, будто нащупывали что-то невидимое.

Тот человек в тамбуре не выходил из головы. Камуфляж «Леший». Прицел на груди. Голос: «Твоя работа кончилась».

— Ты какой-то дерганный сегодня, — заметил Темптер.

— Не выспался, — ответил Бен.

— Врешь.

Бен не ответил.

— Гнев, — сказал Михаил. Он сидел на своей полке, положив руки на рюкзак. — Пятый грех. Сегодня про него.

— Ты будешь рассказывать? — спросил Бен.

— Нет, — сказал Темптер. — Сегодня я.

Он встал. Прошелся по купе — три шага туда, три обратно. Потом остановился у окна, положил ладонь на холодное стекло.

— Одесса, — сказал Темптер. — Две тысячи двадцать первый. До большой войны, но уже все дышало ею. Был там один парень. Шестнадцать лет. Звали его Максим.

— Ребенок, — сказал Бен.

— Уже нет, — ответил Темптер. — Он считал себя солдатом. Не настоящим — виртуальным. Он играл в экшн-игры дни и ночи. Стрелялки. Тактические симуляторы. Мир, где можно убивать без последствий. Мир, где смерть — это просто перезагрузка.

Бен поморщился. Он видел таких. В Польше, в лагере «Шмель», приходили мальчишки — восемнадцать, девятнадцать, с горящими глазами. Думали, что война — как в компьютерных играх. Быстро привыкали к реальности. Не все выживали.

— Максим играл в одну игру, — продолжал Темптер. — Сложную. Уровень, который он не мог пройти уже две недели. Он заиклился. Не спал. Не ел. Мать стучала в дверь — он не открывал. Кричал: «Отстань!» Мать плакала под дверью.

— Отец? — спросил Михаил.

— Отец ушел, когда Максиму было пять. Мать одна его растила. Работала на двух работах. Возила его на тренировки по стрельбе — парень ходил в секцию. Хотел стать военным.

Темптер замолчал. За окном проплыл разрушенный дом — стена с выбитыми окнами, на которой кто-то написал краской: «Мир».

— В тот вечер мать зашла к нему без стука, — продолжил Темптер. — Устала ждать. Принесла еду — тарелку борща, хлеб. Поставила на стол. Сказала: «Максим, ты должен поесть. Ты себя убиваешь».

— А он? — спросил Бен.

— Он не прошел уровень. В который раз. У него тряслись руки. Он смотрел в монитор и видел красное сообщение: «Mission failed». И тут вошла она. Он поднял глаза. Взял нож. Тот самый, что лежал рядом с клавиатурой для вскрытия корпуса системного блока.

Бен сжал кулаки.

— Он ударил ее один раз. Потом второй. Потом перестал считать. Одиннадцать ранений. В шею, в грудь, в живот. Она упала. Кровь потекла по полу, по клавишам, по ковру с оленями.

— И он? — спросил Михаил. Голос его был тихим.

— Он сел за компьютер. Сохранил игру. Выключил монитор. Лег спать. Рядом с телом матери.

— Три дня, — сказал Темптер. — Три дня он жил в квартире с трупом. Ел то, что было в холодильнике. Смотрел телевизор. Играл в другую игру — про зомби. Соседи вызвали полицию, когда запах пошел в подъезд.

Бен смотрел на столик. Пустой стакан. Остатки хлебных крошек. Он не видел этого. Он видел другое.

— Что с ним стало? — спросил он.

— Тюрьма, — ответил Темптер. — Следственный изолятор. Он не плакал. Не просил прощения. Говорил: «Я не хотел. Я просто разозлился. Она вошла не вовремя».

— Приговор?

— Он не дождался приговора. Повесился в камере на простыне. Ему было семнадцать. За два месяца до совершеннолетия.

Темптер сел на свою полку, напротив Бена.

— Гнев, — сказал он. — Не тот, что поднимает армии. Тот, что живет внутри. Тихий. Злой на весь мир. На мать, которая вошла не вовремя. На игру, которая не дается. На себя, который не может пройти уровень. Он убил не мать. Он убил свое отражение. Но мать оказалась рядом.

Бен молчал.

Он смотрел в окно, но видел не серое поле. Видел другое.

Польша, лагерь «Шмель». Две тысячи двадцать второй.

В их группу пришел парень. Семнадцать лет. Назвался Денисом. Украинский доброволец, сказал, что хочет воевать за свободу. На проверке документов выяснилось — ему шестнадцать. Он соврал. Приписал себе два года.

Координатор хотел его отправить обратно. Но Денис сказал: «У меня нет дома. Родители погибли. Или вы берете меня, или я пойду в другую контору». Координатор посмотрел на него долго. Взял. Сказал: «Будешь под Беном. Старшим. Присмотришь за мальчишкой».

Денис был странным. Не курил. Не пил. Смотрел на всех злыми глазами, как будто каждый что-то у него украл. Играл в телефоне — все время, даже на стрельбищах. Бен как-то заглянул в экран. Шутер. Кровь, крики, выстрелы.

— Ты бы хоть на полигоне не играл, — сказал Бен. — Здесь реальные пули.

— Я умею разделять, — ответил Денис. — Это просто игра. А это — работа.

— Не называй это работой.

Денис усмехнулся.

Через три недели Денис подрался с поляком из соседней группы. За что — никто не понял. Денис разбил поляку нос, сломал челюсть. Комиссия решила: выгнать. Денис стоял перед штабом, сжимая кулаки.

— Вы не имеете права, — сказал он. — Я хочу воевать. Я убью всех русских. Я убью их детей, жен, стариков. Вы не имеете права.

— Мы имеем право, — ответил координатор. — Ты псих. Ты опасен для своих.

Дениса увели. Бен больше его не видел.

Через месяц он узнал, что Денис завербовался в другую контору. Иностраннный легион. Через две недели после отправки на передовую он подорвался на mine. Не на вражеской — на своей. Выбежал из окопа без приказа, побегал в атаку. Один. С криком.

Тело не нашли. Сказали: «Пропал без вести».

— Он хотел умереть, — сказал Бен тогда своему сослуживцу.

— Он хотел убивать, — ответил тот.

Бен молчал.

Но сейчас, в поезде, он понял, что ошибался. Денис не хотел убивать. Денис хотел выплеснуть свой гнев. Тот, который копился в нем годами. На родителей, которые погибли. На войну, которая отняла дом. На мир, в котором он был лишним. Он искал врага. Нашел. Русских. И побегал на них с одним автоматом, потому что внутри него уже была смерть. Своя.

— Я знал одного парня, — сказал Бен. — Денис. Шестнадцать лет. Украинский доброволец.

— Расскажи, — сказал Темптер.

Бен рассказал. Коротко. Без деталей. Про лагерь, про драку, про выговор. Про то, как Денис ушел в другую контору и погиб на mine.

— Я тогда подумал: псих, — сказал Бен. — Неадекват. Отправили бы домой — был бы жив.

— Дома у него не было, — сказал Михаил.

— Знаю. Но я не попытался помочь. Не сел рядом. Не спросил: «Что с тобой?» Я просто смотрел, как его уводят.

— Ты злился на него? — спросил Темптер.

— Да. За глупость. За то, что портил репутацию группы. За то, что пришел на войну, не понимая, куда идет.

— А на самом деле?

Бен помолчал.

— На самом деле я злился на себя. Потому что был таким же. В восемнадцать. Когда поехал в Ирак. Думал, что война — это приключение. Что я вернусь героем. А вернулся с пустыми глазами и списком имен, которые не могу забыть.

Поезд замедлился. За окном показалась станция — маленькая, бетонная, с одним фонарным столбом. На перроне стоял парень. Молодой, худой, в накинутой на плечи куртке-олим-

пийке. Он смотрел на приближающийся поезд. В руках у него был телефон. Экран светился в сумерках.

Бен поднял голову. Посмотрел.

Парень поднял руку. Помахал. Как будто прощался.

Поезд проехал мимо. Станция осталась позади.

— Ты видел? — спросил Бен.

— Кого? — не понял Темптер.

— Дениса. Он стоял на платформе.

— Никого не было.

Бен знал, что Темптер прав. Никого не было.

Но он видел.

Худые плечи. Злые глаза. Телефон в дрожащих пальцах.

— Прости, — шепнул Бен.

Окно было пустым. Только снег падал на стекло и таял.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда.

— Гнев, — сказал Темптер. — Самый слепой грех. Потому что он бьет не туда, куда нужно. Максим ударил мать. Денис побежал на русских, но подорвался на своей мине. Ты написал рапорт на Майка, а хотел выгнать страх из себя.

— И что делать с гневом? — спросил Бен.

— Направить, — ответил Михаил. — Туда, где он нужен. Не на людей — на обстоятельства. Не на слабых — на сильных. Не на тех, кто рядом, — на тех, кто заставляет страдать.

— А если не получается?

— Тогда молчать. Бить посуду. Идти в лес орать. Но не трогать людей. — Михаил помолчал. — Потому что человек — не мишень. Даже когда очень хочется.

Бен смотрел на свои руки.

Пальцы сжимались и разжимались.

Спуска не было. Но он чувствовал его под пальцами.

Холодный. Металлический. Настоящий.

Он убрал руки за спину и закрыл глаза.

Поезд шел вперед. А Бен думал о Максиме, который убил мать из-за игры. О Денисе, который подорвался на своей мине. О Майке, который повесился в гараже.

Гнев сделал их всех мертвыми.

А Бена — живым. Пока.

— Расскажи еще, — попросил он, не открывая глаз.

— Следующий грех, — ответил Темптер. — Уныние.

— Это когда отчаяние?

— Это когда перестаешь верить, что может быть лучше.

Бен кивнул.

Он открыл глаза. Посмотрел в окно. Снег кончился. Пошли поля — черные, мокрые, с редкими деревьями.

— Я верю, — сказал Бен. — Пока.

— Это главное, — сказал Михаил.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда.

А в соседнем купе, через две перегородки, сидел человек в камуфляже «Леший». Прицел лежал у него на коленях. Он смотрел в окно на темные поля и молчал.

Он тоже верил.

В то, что поезд придет туда, куда нужно.

Оба верили.

Просто в разное.

Глава 16. Харон в фуражке

Поезд шел плавно, почти бесшумно. За окном тянулись поля, покрытые первым снегом — белым, чистым, без единого следа. Небо было низким, свинцовым, но без дождя. Просто висело над землей, как старая простыня.

В купе было тихо. Михаил дремал, привалившись к стене. Темптер листал что-то в телефоне. Бен смотрел в окно и думал о своем. О том, как он оказался здесь. О том, что будет дальше. О том, почему проводник Илья всегда появляется неслышно, а начальник поезда, наоборот, слышен за три вагона.

Шаги раздались в коридоре. Тяжелые, уверенные, с хрустом, будто кто-то наступал на сухой песок.

— Мордван, — сказал Темптер, убирая телефон.

Михаил открыл глаза. Бен повернулся к двери.

Дверь сдвинулась.

Начальник поезда вошел в купе, пригнувшись — высокий, сутулый, с плечами, которые помнили многолетнюю тяжесть. Синяя форма сидела на нем как влитая, хотя была явно старше Бена. Фуражка с незнакомым гербом — два скрещенных весла над колесом. В руках — планшет, старый, кожаный, с потертостями на углах.

— Добрый день, — сказал Мордван. Голос низкий, чуть хриплый, но не прокуренный — скорее от холода, от ветра, от долгих ночей на открытой площадке.

— Добрый, — ответил Михаил.

— Как разместились? Не дует? Крыша не течет?

— Все нормально, — сказал Темптер. — Только кипяток остывает быстро.

— Это от того, что пьете медленно, — заметил Мордван. — Илья говорил, я велел утеплить подстаканники. Сделаем.

Он перевел взгляд на Бена.

— А вы, молодой человек, — новый пассажир? Не помню вас.

— Бен, — представился тот. — Бен Лост. Еду не помню откуда. Билета нет.

— Билет — дело наживное, — сказал Мордван. — Сейчас оформим.

Он открыл планшет, достал бланк, ручку. Спросил фамилию, имя, год рождения, гражданство. Бен ответил. Мордван записал.

— Станция назначения? — спросил он, подняв глаза.

— Не знаю, — признался Бен. — Я вообще не понимаю, куда еду.

— Это нормально. Многие не понимают. — Мордван задумался. — Напишем конечную. Там разберетесь.

Он заполнил бланк, протянул Бену:

— Подпишите.

Бен подписал. Мордван забрал один экземпляр себе, второй отдал пассажиру.

— Теперь вы с билетом. — Он спрятал планшет под мышку. — Можете ехать спокойно.

— Спасибо, — сказал Бен.

Мордван кивнул, но не ушел. Он стоял, глядя в окно на белые поля, и молчал. Потом спросил:

— Долго еще до вашей станции?

— Не знаю, — ответил Бен.

— А вы знаете? — спросил Мордван у Михаила и Темптера.

— Примерно, — сказал Михаил.

— Часа три, — уточнил Темптер.

— Три так три, — сказал Мордван. — Я тогда посижу с вами. Устал ходить. Колени старые.

Он сел на свободное место, рядом с Беном. Сел тяжело, с кряхтением, от которого на секунду стало неловко — будто увидел чужую старость, не предназначенную для посторонних глаз.

— Давно я здесь не сидел, — сказал Мордван. — Все в тамбуре, в штабном вагоне. Бумаги, рапорты, графики. А раньше — помню — я любил сидеть с пассажирами. Разговаривать. Истории слушать.

— А вы сами рассказывать умеете? — спросил Темптер.

— Умею, — сказал Мордван. — Только истории у меня невеселые. Старые. Про деревню, про реку, про любовь.

— Расскажите, — попросил Бен.

Мордван посмотрел на него. В глазах — светлых, выцветших — мелькнуло что-то. Воспоминание.

— Хорошо, — сказал он. — Расскажу.

Было это давно. Я еще мальчишкой бегал. В деревне под Смоленском. Отец мой держал переправу через реку. Не мост — плот. Людей перевозил с одного берега на другой. Утром до обеда, потом вечером. За копейки. Иногда за хлеб. Иногда просто так, если человек просили.

Река была широкая, мутная, с холодным течением. Зимой вставала, и тогда переправа не работала — ходили по льду. Но отец все равно сидел на берегу. Ждал. Смотрел.

— Чего ждешь, тять? — спрашивал я.

— Привык, — говорил. — И люди привыкли. Им нужно знать, что кто-то есть. Даже когда лёд.

Жила в деревне девушка. Звали Варя. Русая, с длинной косой, с глазами синими, как вода в половодье. Я любил ее. Как любят в семнадцать — глухо, безнадежно, с замиранием сердца. Она не знала. Даже если бы знала — не ответила. Ей нравился другой. Парень из райцентра, на мотоцикле, в кожанке.

— Варя, — говорю, — выходи за меня.

Смеется. — Ты, Мордван (меня так с детства звали за выправку — отец еще в армии служил, учил ровно держаться), — ты хороший, но за тобой что? Плот? Река?

— А что надо?

— Деньги. Машину. Поехать в город, жить в квартире с горячей водой. А ты даже за реку не выезжал.

Ушел я. Не на войну — на заработки. В Смоленск, потом в Москву. Работал грузчиком, потом на стройке, потом в метро — проходчиком. Деньги копил. Думал: вернусь, удивлю всех. Куплю машину. Сделаю ремонт в избе. Приду к Варе и скажу: «Теперь я могу».

Через три года вернулся.

Вари не было.

— Уехала, — сказала мать. — С тем, с мотоциклом. В город. Родила дочку. Потом развелась. Теперь одна. Живет в Смоленске. Говорят, бедно, весело.

— А здоровье?

— Здоровье? — мать вздохнула. — Болеет она. Грудью. Говорят, тяжело.

Я бросил вещи. Сел на попутку. Через три часа был в Смоленске. Нашел ее квартиру в старом доме, на третьем этаже, без лифта. Постучал.

Варя открыла. Узнала сразу. Похудела. Глаза те же — синие, как вода. Только в них не было той легкости.

— Здравствуй, Мордван, — сказала.

— Здравствуй, — сказал.

Я не стал говорить про любовь. Не стал предлагать деньги. Не стал спрашивать, почему не дождалась.

Я просто сказал: «Я здесь. Я могу помочь. Чем угодно».

Она заплакала.

— Поздно, — сказала. — Мне не помочь. Врачи говорят — месяц. Может, два.

Я остался. Не как муж — как человек. Жил у нее три недели. Готовил еду. Убирал квартиру. Сидел у постели, когда она спала. Разговаривал, когда просыпалась.

— Ты не изменился, Мордван, — сказала она однажды. — Все такой же. Стоишь, как столб. Ждешь.

— Чего ждать?

— А я не знаю.

Она умерла на двадцать второй день. Утром. Тихо. Я сидел рядом, держал за руку. Глаза закрыл. Позвонил в морг. Похоронил. Поставил памятник. Написал: «Варе. Любил. Ждал. Не дождался».

Мордван замолчал.

В купе было тихо. Даже колеса стучали глуше, будто слушали.

— А вы? — спросил Темптер. — Вы женились потом?

— Нет, — сказал Мордван. — Зачем? Я понял: моя любовь — она не про семью. Она про то, чтобы быть рядом. Когда нужно. Даже если не нужно.

— С тех пор вы возите людей? — спросил Бен.

— С тех пор, — сказал Мордван. — Раньше на плоту. Теперь на поезде. И не только через реку — через жизнь. Моя переправа длинная. Никто не знает, где берег.

— А Варя? — спросил Михаил. — Она ждала вас перед смертью?

— Не знаю, — ответил Мордван. — Может. Я не успел спросить.

Он встал. Поправил фуражку. Взял планшет.

— Спасибо, что выслушали, — сказал он. — Давно не рассказывал. Легче стало.

— А вы верите, что встретите ее? — спросил Бен.

Мордван посмотрел в окно. За стеклом — белые поля, снег, низкое небо.

— Верю, — сказал он. — И не верю. Но это не важно. Важно — что я ее помню. А она — меня. Хотя бы так.

Он вышел. Шаги застучали по коридору: каблук — платформа, каблук — платформа. Потом затихли.

Бен смотрел на дверь.

— У него есть тень, — сказал он.

— Конечно, — ответил Темптер. — Он же человек.

— А запах? Я чувствовал — сырая земля, ржавая вода.

— Это река, — сказал Михаил. — Та, через которую он перевозил. Она въелась в него. Как память. Как любовь.

— Вы знали эту историю? — спросил Бен.

— Нет, — сказал Темптер. — Но догадывались. Такие, как Мордван, не просто так носят форму. У них за спиной всегда река. И девушка. И непройденный уровень.

Бен достал сигарету. Чиркнул зажигалкой. Огонь появился сразу.

— Он ждал ее, — сказал Бен. — Всю жизнь. Даже когда она умерла.

— Он ждет до сих пор, — сказал Михаил. — Поэтому и возит. Надеется, что однажды она сядет в его поезд.

— Сядет?

— Нет. Она уже на том берегу. Но он все равно ждет. Это называется любовь. Или дурость. Или одно и то же.

Бен затаился. Дым пошел в потолок.

— Я никого не ждал, — сказал он. — Никогда. Ни одну женщину. Ни друга. Ни мать.

— Теперь есть кого, — сказал Темптер.

— Кого?

— Не знаю. Узнаете на своей станции.

Поезд стучал колесами.

Туда-туда-туда.

А Бен думал о старике с переправы. О девушке с синими глазами. О любви, которая длится дольше жизни.

И впервые за долгое время ему захотелось не убивать, не спасать, не зарабатывать. Просто сидеть. Ждать. И знать, что кто-то ждет тебя.

Хотя бы там.

За рекой.

Глава 17. Шестой грех (Уныние)

Поезд шел ровно. За окном мелькали телеграфные столбы, Бен пытался их считать, но сбивался после пятого. Михаил возился с застежкой рюкзака — молния заела. Темптер листал телефон, иногда хмыкал и снова утыкался в экран.

— Уныние, — сказал Михаил, отложив рюкзак. — Шестой грех.

— Это когда не хочется вставать с кровати? — спросил Бен.

— Это когда хочется, чтобы весь мир исчез. Не умер — исчез. Чтобы звонки не приходили, люди не стучали, солнце не светило. Чтобы оставили в покое. Навсегда.

Бен скрестил руки на груди.

— Звучит как мечта.

— Только до того момента, когда покой наступает. Тогда становится страшно.

Темптер поднял голову.

— Расскажешь или мне?

— Я, — сказал Михаил. — У меня есть история. Про диспетчера. Он работал на железной дороге в Сибири. Маленькая станция, затерянная в тайге. Раньше там были пассажирские поезда, потом остались только товарные. Он сидел в будке один, смотрел на монитор, нажимал кнопки. Иногда кто-то звонил из других депо. Иногда — нет.

— Скучная история, — заметил Темптер.

— Терпи. — Михаил отхлебнул кипятка. — Диспетчеру было за пятьдесят. Жена умерла за год до этого, дети в городе, звонят раз в месяц. Сначала он держался — ходил в лес, чинил забор, читал книги. Потом перестал. Перестал выходить из будки. Перестал отвечать на звонки. Перестал есть. Просто сидел, смотрел на монитор и ждал.

— Чего? — спросил Бен.

— А никто не знает. Может, смерти. Может, поезда, который сойдет с рельсов. Может, чуда.

— И что с ним стало?

— Его нашли через три недели. Проверяющий приехал — график работ, нужно было сверить показатели. Постучал — тихо. Открыл дверь — диспетчер сидит в кресле, глаза открыты, но уже не дышит. Перед ним на столе — графин с водой, полный. Хлеб в хлебнице. Все есть. Он просто перестал себя обслуживать.

— Высох, — сказал Темптер.

— Высох, — кивнул Михаил. — Потому что уныние — это когда ты не хочешь жить, но и умирать не хочешь. Хочешь, чтобы все остановилось. Чтобы не было ни боли, ни радости. Ничего.

Бен смотрел на свои руки.

— Ты знал его? — спросил он.

— Встречались раз в год. Он приезжал в город за продуктами. Мы сидели в рюмочной, он пил дешёвое вино, я пил пиво. Рассказывал про тайгу, про медведей, про поезда, которые идут через перевал. А про жену не говорил. Только однажды сказал: «После того, как она ушла, мне стало все равно. Хоть война, хоть потоп. Лишь бы не тревожили».

— И ты не пытался его вытащить?

— А я диспетчер? — Михаил вздохнул. — Я дальнбойщик. Я сказал: «Ты бы съездил к детям». А он: «У них своя жизнь. Без меня лучше». Я не настаивал.

— Мог бы, — сказал Бен.

— Мог, — согласился Михаил. — Но это было бы не из любви — из одолжения. Я бы делал это, чтобы себя успокоить: «Я молодец, я помог человеку». А для него ничего бы не изменилось.

— Уныние заразно, — заметил Темптер. — Один засох — другой начинает чахнуть.

— Поэтому я и говорю: это грех. Не потому, что больно. А потому, что пусто.

Бен молчал.

Он вспомнил.

Лагерь «Шмель». Ночь. Бен лежал на койке, смотрел в потолок. Рядом спали, храпели, ворочались. У него был спутниковый телефон. Он смотрел на него уже час. Экран горел, показывая сообщения. От координатора, от коллег, от женщины, которую он встретил в Кракове и забыл имя.

Он не отвечал.

— Бен, ты спишь? — спросил сосед.

— Сплю.

— Тогда выключи свет.

Бен не выключил. Он смотрел на экран, пока батарея не села. Потом положил телефон на тумбочку, отвернулся к стене.

Через три дня он узнал, что пропустил важный звонок. Группу, в которую его хотели перевести, расстреляли на блокпосте. Трое погибли. Если бы Бен ответил, он был бы с ними.

— Ты везучий, — сказал координатор.

— Да, — ответил Бен.

Он не сказал, что не потому везучий. А потому, что ему было все равно. Он не хотел умирать, но и не хотел жить. Он хотел, чтобы его оставили в покое.

Через месяц он начал отвечать на звонки. Просто потому, что понял: безмолвие хуже войны.

— Я тоже так делал, — сказал Бен. — Лежал в казарме, смотрел в потолок, не отвечал на звонки. Хотел, чтобы меня забыли.

— Забыли? — спросил Темптер.

— Нет. Но я думал: если я перестану быть нужным, меня отпустит. И я уйду в лес. Или в горы. Или просто умру под кустом.

— И что остановило?

— Я понял, что в лесу будет скучно. И что умирать под кустом — это не по геройски. А я люблю геройствовать.

Михаил усмехнулся.

— Герой, — сказал он. — Ты не герой. Ты просто трус, который боится одиночества.

— Трус, который убил полсотни человек?

— Трус. Потому что настоящий герой умирает за других. А ты убиваешь за деньги.

Бен хотел возразить, но не стал. Потому что понял: Михаил прав.

За окном пошли поля. Серые, с редкими деревьями. На одном из них висела одинокая ветровка — чья-то забытая одежда качалась на ветру.

— Шестой грех, — сказал Темптер. — Уныние. Единственный грех, который не приносит удовольствия. Гордыня — приятно. Гнев — горячо. Чревоугодие — вкусно. А уныние — это холод. Пустота. Когда ты становишься стеклом, сквозь которое проходит свет, но не греет.

— Как диспетчер, — сказал Михаил.

— Как диспетчер, — согласился Темптер. — Как Бен в казарме.

Бен сжал стакан.

— Что делать с унынием? — спросил он.

— Ответить на звонок, — сказал Темптер. — Встать с койки. Пойти к людям. Даже если не хочется. Даже если кажется, что от тебя нет толку.

— А если нет толку?

— Тогда хотя бы не будешь один.

Бен кивнул.

Он подумал о спутниковом телефоне, который разрядился в ту ночь. О группе, которая погибла на блокпосте. О том, что он мог быть с ними. И о том, что ему было все равно.

Ему больше не все равно.

Поезд замедлился. За окном показалась станция — маленькая, бетонная, с одним фонарем. На перроне никого. Только снег, истоптанный чьими-то сапогами.

— Это не наша, — сказал Михаил. — Проездом.

Поезд прошел мимо.

Бен смотрел на удаляющуюся станцию и думал о диспетчере, который высох в кресле. О графине с водой. О хлебе, который никто не съел.

— Седьмой грех завтра, — сказал Михаил. — Алчность.

— Я не жадный, — сказал Бен.

— Посмотрим.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда.

Бен закрыл глаза. Он слышал, как Михаил шепчет что-то Темптеру. Слов было не разобрать.

Он заснул. И не видел, как в окно заглянула сова.

Белая, большая, с круглыми глазами. Она посмотрела на Бена, покачала головой и улетела в лес.

Глава 18. Туннель

Поезд шел через лес. Сосны сменились елями, ели — голыми березами. Свет за окном стал тускнеть — не от времени суток, а от того, что небо затягивало чем-то серым, плотным, как вата.

— Сейчас будет туннель, — сказал Михаил. — Длинный.

— Откуда знаешь? — спросил Бен.

— Я здесь ездил. Давно. Еще до войны. Туннель старый, еще царский. Там темно, хоть глаз выколи.

Бен посмотрел вперед. Вдали, между деревьями, чернела арка. Кирпичная, обросшая мхом, с коваными воротами, которые когда-то запирались, а теперь висели на одной петле.

— Фонари в вагоне погаснут, — добавил Михаил. — Всегда гаснут. Электрики боятся туда соваться.

— А проводка?

— Проводка старая. И начальник говорит: «Не надо там света. Тем, кто едет, положено проехать в темноте».

Поезд замедлился. Колеса застучали реже, как сердце перед прыжком. Туннель приближался.

Бен приготовился.

Они въехали.

Сначала свет за окном исчез — резко, будто кто-то выключил небо. Потом лампы в купе моргнули, моргнули еще раз и погасли. Стало темно. Не как ночью — ночью всегда есть какой-то свет, хотя бы звезды. Здесь была абсолютная чернота. Такая, в которой не видно собственной руки, даже если поднести к лицу.

— Ничего себе, — сказал Темптер.

— Терпи, — ответил Михаил. — Минуты три-четыре. Потом выедем.

Тишина.

Только колеса стучали — глухо, приглушенно, будто их кто-то обмотал тряпками. И запах — сырой бетон, плесень, старые шпалы. И холод. Не тот, что снаружи — другой. Сквозняк, который тянул из самой глубины туннеля.

Бен сидел не двигаясь. Пытался привыкнуть к темноте. Не мог. Глаза не адаптировались — потому что не было ни одного фотона света.

— Бен, — шепнул Темптер.

Голос прозвучал рядом — так близко, что Бен почувствовал дыхание на ухе.

— Что? — спросил Бен.

— Убей Михаила.

Бен замер.

— Что ты сказал?

— Убей его, — повторил Темптер. Шепот был тихим, спокойным, как шелест листьев. — Он тебя задерживает. Если он выйдет первым, ты останешься здесь. Навсегда.

— С ума сошел? — Бен попытался отодвинуться. Не смог — стена была сзади.

— Я консультант. Я даю советы. Ты можешь их не слушать. Но подумай: зачем он с тобой едет? Зачем рассказывает истории? Зачем смотрит на тебя этими глазами? Он хочет, чтобы ты не доехал. Чтобы ты застрял в этом поезде, как те, кто не вышел на своей станции.

Бен сжал кулаки.

— Заткнись.

— У тебя есть оружие, — продолжал Темптер. — Нащупай.

Бен протянул руку. На полке, справа от себя, он нащупал что-то холодное, металлическое. Длинное. Ствол. Приклад. Ложе.

Карабин.

Он не видел его. Но пальцы узнали знакомые очертания. Винтовка. Та самая, с которой он не расставался на войне. Barrett MRAD. .338 Lapua Magnum. Тяжелая, как память.

— Откуда? — спросил Бен.

— Она всегда была с тобой, — шепнул Темптер. — Ты просто забыл.

Пальцы Бена легли на спусковую скобу. Металл был холодным, живым. Он чувствовал каждый винтик, каждую насечку на цевье.

— Убей, — повторил Темптер. — Один выстрел. Он даже не поймет. А ты выйдешь на станции. Живой. Свободный.

— Какой станции?

— Твоей. Конечной.

— А Михаил?

— Михаил доедет до своей. У него своя станция. Ты не его забота.

Бен сжимал карабин. Пальцы дрожали. Не от страха — от желания.

Внутри, глубоко, что-то шептало: «Сделай это. Всего один раз. Ты же профессионал. Ты убивал и не таких».

— Бен, — сказал Михаил из темноты.

Голос был спокойным. Обычным. Таким же, как всегда.

— Что? — ответил Бен.

— Ты слышишь голоса?

— Да.

— Не слушай их.

— Я не слушаю.

— Слышишь, но не слушаешь? — Михаил усмехнулся. — Это сложно.

— Я справлюсь.

Бен разжал пальцы.

Карабин остался на полке.

Он почувствовал, как холод металла отступает, сменяется теплом собственного тела.

— Ты дурак, — сказал Темптер. Теперь его голос был громче. Злее. — Ты мог бы все закончить. Выйти. Забыть.

— Я ничего не хочу забывать, — ответил Бен. — И не хочу убивать попутчиков.

— Он тебе не попутчик.

— А кто?

— Узнаешь. Но будет поздно.

Свет вспыхнул.

Так же резко, как погас. Лампы моргнули, зашипели, зажглись. В купе стало видно все. Михаил сидел на своей полке, положив руки на рюкзак. Темптер — напротив, вытянув ноги в дорожных туфлях. Бен — у окна.

Карабина не было.

Бен посмотрел на полку. Пусто. Только смятая простыня и подушка в серых пятнах.

— Что ты там нащупал? — спросил Темптер.

Бен посмотрел на него.

— Ты знаешь.

— Откуда? Я не экстрасенс. Я консультант. — Темптер улыбнулся. — У меня тоже бывают глюки. Особенно в туннелях.

— Ты сказал: «Убей Михаила».

— Я? — Темптер поднял брови. — Я молчал. Там было темно. Я боялся ртом лишний звук издать. А ну как призраки?

— Ты молчал? — Бен перевел взгляд на Михаила.

— Я слышал только стук колес, — сказал Михаил. — И твое дыхание. Тяжелое. Как у бегуна.

Бен откинулся на стенку.

За окном снова был лес. Сосны, ели, березы. Светлый, с иголочками снега на ветках.

— Туннель кончился, — сказал Михаил.

— Я заметил, — ответил Бен.

Он смотрел на свою правую руку. Пальцы все еще помнили холод металла. Спусковую скобу. Приклад.

— Ты хотел его убить? — спросил Темптер.

— Нет, — сказал Бен.

— А оружие нашел?

— Да.

— И не выстрелил?

— Нет.

— Почему?

Бен подумал. Честно.

— Потому что он не задерживает меня. — Бен посмотрел на Михаила. — Он везет меня.

Туда, куда я должен попасть.

— И куда же?

— На станцию. Которая моя.

Михаил кивнул.

— Мудрое решение, — сказал он.

— Не уверен, — ответил Бен. — Но другого у меня нет.

Темптер хлопнул ладонью по столику.

— Скука, — сказал он. — Я думал, будет экшн. Выстрелы, крики, кровь. А вы — философствовать.

— В следующий раз, — пообещал Михаил. — Если останется время.

— Не останется, — сказал Темптер. — Скоро конечная.

Бен смотрел в окно. За стеклом, между деревьями, мелькнула фигура. Человек в камуфляже «Леший». С прицелом на груди. Он стоял на опушке и смотрел на поезд.

— Алексей, — прошептал Бен.

— Что? — спросил Михаил.

— Я назвал его Алексеем.

— Ты его знаешь?

— Нет. Но знаю, что его так зовут.

Фигура исчезла.

Бен потер лицо. Пальцы все еще помнили холод. Но спускового крючка он не нажал.

И знал, что не нажмет.

Даже если Темптер будет шептать еще тысячу лет.

Поезд стучал колесами. Туда-туда-туда.

Глава 19. Фонарь Ильи

После туннеля Бен долго не мог прийти в себя. Он сидел, привалившись к стене, и смотрел на свою правую руку. Пальцы все еще помнили холод металла. Карабин исчез, но ощущение осталось — тяжелое, липкое, как сожаление.

За окном лес кончился. Пошли поля — черные, мокрые, с редкими лужами, в которых отражалось низкое небо. Свет за стеклом стал каким-то неестественным — не день, не вечер, а середина между ними, когда время замирает.

Бен перевел взгляд на Темптера.

Темптер сидел на своем месте, положив ногу на ногу, и смотрел в телефон. Экран освещал его лицо снизу, делал его старше, жестче. Ничего не изменилось.

— Ты помнишь, что говорил в туннеле? — спросил Бен.

Темптер поднял глаза.

— Я уже ответил. Я молчал.

— Ты сказал: «Убей Михаила».

— А ты уверен, что это был я? — Темптер улыбнулся. — Может, тебе показалось. В темноте всегда кажется. Особенно в таких туннелях. Там даже я боюсь.

— Ты? — усмехнулся Бен. — Ты ничего не боишься.

— Боюсь, — сказал Темптер. — Я боюсь скуки. И того, что мой клиент не дотянет до конечной.

— Я дотяну.

— Посмотрим.

В коридоре послышались шаги. Легкие, почти неслышные. Илья.

Бен повернул голову. Дверь сдвинулась, и на пороге появился проводник. В руках у него была не привычная жестяная кружка с кипятком.

Керосиновая лампа.

Старая, медная, с выгнутом стеклом, закопченным изнутри. Фитиль был зажжен — желтое пламя дрожало, отбрасывая тени на стены, на лица, на столик.

— Что это? — спросил Бен.

— Свет, — ответил Илья.

Он поставил лампу на столик. Фитиль качнулся, и тени поплыли по купе, как живые.

— Электричество кончится, — сказал Илья. — Дальше — только керосин. Так велел начальник.

— Почему? — спросил Михаил.

— Потому что дальше — другая дорога. Там нет проводов.

Илья развернулся и вышел.

Бен смотрел на лампу. Пламя было живым, теплым. В его желтом свете исчезли привычные очертания купе — серые стены, потертый плюш, царапины на столике. Все стало мягче, нереальнее, как на старой фотографии.

— Он сказал: «Другая дорога», — заметил Темптер.

— Слышал, — ответил Бен.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Нет.

— Скоро поймешь.

Бен повернулся к нему. Хотел спросить, что именно скоро. Но замер.

Темптер исчез.

Место, где он сидел, было пустым. Только слегка вмятая подушка, только темное пальто, аккуратно сложенное на полке — будто его владелец вышел на минуту.

— Ты видишь? — спросил Бен у Михаила.

— Что? — спросил Михаил. Он сидел на своей полке, положив руки на колени.

— Темптер исчез.

Михаил посмотрел на пустое место.

— Исчез, — согласился он.

— Он что, вышел?

— Нет, — сказал Михаил. — Он просто исчез. Иногда такое бывает. Когда лампа горит.

— Что за лампа?

— Лампа, которая показывает правду, — ответил Михаил. — Смотри в нее. В пламя. Не отводи глаз.

Бен хотел спросить еще, но не стал. Он уставился на огонек керосиновой лампы. Пламя было маленьким, но в нем, казалось, умещалось все. И прошлое, и будущее, и то, что он так старался забыть.

Он смотрел в огонь, а огонь смотрел в него.

И вдруг он увидел.

В стекле лампы, в отражении, появилось лицо. Его собственное. Но не такое, каким он привык видеть себя — усталое, заросшее, с жесткими складками вокруг рта. Другое. Старое. Изможденное. Глаза глубоко запали, щеки ввалились, кожа была серой, как бетон. И на правом

виске — темная, засохшая полоса. Кровь. Старая, впитавшаяся в кожу, смешанная с грязью и потом.

Бен отшатнулся.

— Что это? — спросил он.

— Ты, — ответил Михаил. — Ты сейчас. Ты здесь.

— Я так выгляжу?

— Ты так выглядишь с того момента, как сел в поезд. Просто раньше ты не видел.

Бен провел рукой по виску. Пальцы были сухими. Крови не было.

— Я же не чувствую.

— Ты ничего не чувствуешь, — сказал Михаил. — С того самого дня.

Бен посмотрел в лампу. Снова увидел свое отражение — старое, изможденное, с кровавым следом на виске. Оно смотрело на него с укоризной, как на человека, который опоздал на собственные похороны.

— Где Темптер? — спросил Бен.

— Он ушел. Ему нечего здесь делать.

— А мне?

— Ты должен остаться.

Михаил встал. Подошел к Бену. Бен хотел отодвинуться, но не смог — тело не слушалось. Михаил положил руку ему на плечо.

И Бен почувствовал.

Тяжесть. Нет — вес. Такой, какой бывает у целого мира, если его положить на одно плечо. Он не мог дышать. Не мог пошевелиться. Только сидел и смотрел в лампу, где его лицо — старое, изможденное, с кровью на виске — не отводило взгляда.

— Что это? — прохрипел Бен.

— Правда, — ответил Михаил.

Рука на плече была горячей, почти обжигающей. Бен чувствовал каждую мозоль, каждый шрам на пальцах Михаила. И внутри — странный покой. Такой, который бывает только после долгой дороги, когда знаешь, что наконец-то дома.

— Я не хочу домой, — сказал Бен.

— Хочешь. Ты просто забыл.

— Я не помню своего дома.

— Вспомнишь, — пообещал Михаил. — В конце.

Он убрал руку. Тяжесть исчезла, но не полностью. Часть осталась внутри — где-то под ребрами, в самом центре.

— Илья, — сказал Бен. — Он принес лампу. Он знал.

— Илья все знает, — сказал Михаил. — Он — тот, кто видит.

— А ты?

— Я — тот, кто провожает.

— А Темптер?

— Темптер — тот, кто проверяет.

Бен снова посмотрел в лампу. Огонек плясал, отбрасывая тени на стены. Его лицо в отражении медленно менялось — старело, успокаивалось, превращалось в маску, похожую на старую фотографию из альбома.

— Он вернется? — спросил Бен.

— Кто?

— Темптер.

— Когда придет время, — ответил Михаил.

Бен кивнул.

Он смотрел на огонь, и ему казалось, что он сидит здесь уже вечность. Что поезд не движется, что времени нет, что есть только желтый свет и лицо в стекле, и тяжелая рука на плече, от которой хочется плакать.

Он не плакал.

Он просто сидел и ждал.

— Ты боишься? — спросил Михаил.

— Да, — ответил Бен. — Но уже не так.

— Это правильно.

— Что правильно?

— Бояться, но не убегать.

За окном снова пошел снег. Белый, чистый, как новая страница.

Илья зашел в купе. Молча поставил на столик стакан с кипятком. В желтом свете его лицо казалось моложе — без морщин, без мешков под глазами. Просто человек.

— Лампа не погаснет, — сказал он. — Горит до утра.

— Спасибо, — сказал Бен.

Илья кивнул.

— Начальник велел передать: станция через час. Готовьтесь.

И вышел.

Бен смотрел на дверь, которая качнулась от сквозняка.

— Час, — сказал он. — Всего час.

— Достаточно, — ответил Михаил.

— Для чего?

— Чтобы понять. Чтобы вспомнить. Чтобы простить.

Бен взял стакан. Кипяток был горячим. Он пил маленькими глотками и смотрел в окно. За стеклом падал снег. Белый. Тихий. Как конец.

Глава 20. Седьмой грех (Алчность)

Бен сидел в желтом свете керосиновой лампы и смотрел на пустое место, где раньше сидел Темптер. Стакан с кипятком остыл в его руках, но он не замечал. Лицо в отражении лампы больше не появлялось — только огонь, пляшущий на стекле, и тени, которые жили своей жизнью.

— Он ушел, — сказал Бен.

— Он не ушел, — ответил Михаил. — Он ждал. Пока мы не дойдем до седьмого.

— Седьмого греха?

— Алчности. Его история.

Михаил помолчал. Посмотрел на столик, где стояла лампа. Потом перевел взгляд на полку, на которой лежало сложенное пальто Темптера.

— Я оставляю эту историю ему, — сказал Михаил. — Он должен рассказать сам.

— Но его нет.

— Есть. Просто ты его не видишь.

Бен хотел возразить, но в этот момент пыль под сиденьем зашевелилась.

Не та пыль, что оседает от времени. Другая — серая, густая, похожая на пепел. Она поднималась медленно, закручиваясь в спираль, как ветер над пустыней. В спирали что-то мерцало — искры, угольки, чьи-то глаза.

Бен отодвинулся. Пыль собралась в столб, столб уплотнился, стал плотнее, принял очертания.

Темптер.

Он сидел на своем месте, как ни в чем не бывало. Пальто было на нем, туфли блестели, руки сжимали маленький предмет. Бен сначала не понял — потом узнал.

Прядь волос. Светлых, тонких, с синей лентой. Детских.

— Это твоя история, — сказал Михаил.

— Знаю, — ответил Темптер.

Он положил прядь на столик, рядом с лампой. Свет керосина упал на волосы, и они засветились изнутри — белые, как первый снег, с голубоватым отливом.

— Это грех седьмой, — сказал Темптер. — Алчность. Не жадность к деньгам. Не желание иметь больше. Это болезнь, при которой человек видит в другом не человека, а цифру. Вес. Цену. И готов продать любое, чтобы заполучить то, что ему кажется нужным.

Он посмотрел на Бена.

— Я расскажу про наемника. Про того, кто взял золото за смерть.

Бен сжал кулаки. Он знал, о ком пойдет речь. Но молчал.

— Был такой контракт, — начал Темптер. — Две тысячи двадцать второй. Украина. Под Херсоном. Госпиталь. Старое здание бывшего санатория, переделанное под военный лазарет. Там лежали раненые — украинцы и русские. Гуманитарная зона. Без оружия. Без охраны. Просто врачи и пациенты.

— Я знаю, — сказал Бен.

— Ты не знаешь всей истории. — Темптер покачал головой. — Наемнику по имени Бен Лост предложили контракт. Двадцать тысяч долларов. За ликвидацию. Нужно было уничтожить госпиталь. Чтобы показать: война не щадит никого. Чтобы посеять страх. Чтобы деморализовать противника.

— Я не брал этот контракт, — сказал Бен.

— Врешь, — сказал Темптер. — Ты не помнишь, потому что память блокирует травму. Но я сейчас покажу.

Он протянул руку к лампе. Пальцы вошли в пламя. Не обгорели — просто погрузились в свет, как в воду. И свет изменился.

Бен увидел.

Комната. Не та, в которой он сидел. Другая — бетонная, с низким потолком. Палатка. Стол. На столе — карта и телефон. Координатор — лысый, с татуировкой на шее — сидит напротив.

— Двадцать тысяч, — говорит координатор. — Наличными. Золотом. Как хочешь. После выполнения.

— Что там? — спрашивает Бен. Он сидит на стуле, усталый, с красными глазами.

— Госпиталь. Херсон. Там лежат наши и не наши. Но наши — в отдельном крыле. Если накроем все здание, они не поймут, что цель была только в одной части. Спешут на ошибку артиллерии.

— Там дети, — говорит Бен.

— Не спрашивай. Делай свою работу.

Картинка погасла.

Бен дышал тяжело. Пот выступил на лбу.

— Я не пошел, — сказал он. — Я отказался.

— Ты пошел, — ответил Темптер. — Ты взял золото. Пятнадцать килограммов. В слитках. Они лежали у тебя в рюкзаке. Ты даже не считал их — ты пошел на точку.

— Я не мог. Там были дети.

— Ты не знал, что там дети, — сказал Темптер. — Координатор сказал: «Там только военные». Ты поверил. Или сделал вид, что поверил. Тебе нужно было золото. Ты хотел уйти. Закончить войну. Купить дом в Техасе. Забыть.

Свет лампы снова изменился.

Бен увидел себя. Стоящего в поле, под низким небом. В руках — прицел. Винтовка. Он смотрит в окуляр. Цель — здание. Старое, с колоннами, с красной крышей. На крыше — крест. Красный. Большой.

Он нажимает на спуск.

Выстрел.

Взрыв.

— Это была ракета, — шепчет Бен. — Не я. Я не стрелял.

— Ты навел, — говорит Темптер. — Ты дал координаты. Ты видел в прицел, как взлетает крыша. Как дым. Как люди выбегают. Врачи. Санитары. Раненые. Дети.

Картинка снова погасла.

Бен сидел, прижавшись спиной к стене. Лицо было мокрым от пота.

— Я не помню, — сказал он.

— Теперь помнишь.

Бен закрыл глаза. Перед ним стояло здание. С колоннами. С красной крышей. И крест наверху — не от храма, от госпиталя.

— Сколько их было? — спросил он.

— Сорок два, — ответил Темптер. — Трое детей. Восемнадцать врачей. Остальные — раненые. Они лежали на койках. Не могли встать. Не могли убежать.

— Я не знал.

— Знал. Просто не хотел признаваться.

Бен открыл глаза. Посмотрел на прядь волос, лежащую на столике. Светлую, с синей лентой.

— Чья это?

— Твоя жертва, — ответил Темптер. — Девочка. Шесть лет. Лежала в палате с матерью. Осколок попал в голову. Сразу.

Бен протянул руку к прядке. Пальцы дрожали.

— Я не могу прикоснуться.

— Можешь, — сказал Темптер. — Она тебя простила.

— Она не знает.

— Знает. Она смотрит на тебя. Каждый день.

Бен убрал руку. Не потому, что боялся. Потому что боялся, что, прикоснувшись, заплачет.

— Седьмой грех, — сказал Михаил. — Алчность. Ты продал их. За золото. За дом в Техасе. За право забыть.

— Я не забыл, — сказал Бен. — Я помнил. Просто запер.

— Открой, — сказал Темптер.

И Бен открыл.

Перед ним снова встал госпиталь. Дым, огонь, крики. Он слышал их. Чувствовал запах горелой плоти. Видел, как медсестра выбегает с ребенком на руках, и падает от взрывной волны.

— Я хочу умереть, — сказал Бен.

— Тебе осталось двадцать минут, — сказал Михаил. — До станции. До своего выхода.

— Что мне сделать за эти двадцать минут?

— Ничего, — ответил Темптер. — Ты уже все сделал. Теперь только принять.

Бен кивнул.

Он взял прядь волос. Положил на ладонь. Свет керосиновой лампы падал на них, делал их живыми, как будто шевелились.

— Я не прошу прощения, — сказал Бен. — Я прошу понять.

— Она понимает, — сказал Темптер.

И прядь волос на его ладони дрогнула.
Не от ветра — внутри. Бен чувствовал биение. Маленькое. Тихое. Как сердце ребенка.
Он заплакал.
Впервые за двадцать лет.
Поезд стучал колесами.
Алый свет разгорался на горизонте.

Глава 21. Разрыв

Прядь волос лежала на ладони Бена. Светлая, с синей лентой. Он не мог отвести от нее взгляд. Чувствовал, как она дышит — маленькими, редкими толчками. Как будто девочка, которой она принадлежала, была где-то рядом.

— Она здесь? — спросил Бен, не поднимая глаз.

— Здесь, — ответил Темптер. — Всегда была. Ты просто не видел.

— И они все здесь? — Бен посмотрел на окно. За стеклом — поля. Серые, мокрые. Ничего необычного. — Те, кого я убил. Они тоже здесь?

— Смотри, — сказал Михаил.

Бен поднес ладонь к стеклу. Прядь волос коснулась поверхности. И стекло пошло трещинами.

Не так, как бьется обычное стекло — вдребезги, со звоном. Иначе. Медленно, с хрустом, как лед на реке весной. Трещины расходились из-под пальцев, длинные, извилистые, похожие на молнии. Они не были острыми — скругленными, как древесные волокна. Стекло становилось матовым, мутным, как старая амбарная дверь, которую не красили сто лет.

Бен отдернул руку. Кожа на костяшках покраснела, но не порезалась. Трещины остались.

— Что это? — прошептал он.

— Это дверь, — сказал Михаил. — Ты хотел выйти. Она открывается.

Бен смотрел на треснувшее стекло. За ним, сквозь матовый слой, проступали очертания. Не поля, не небо — другое. Лица. Много лиц. Они прижимались к стеклу снаружи, размазывались по трещинам, как краска по холсту.

Бен узнал их.

Первое лицо — Майк. Рыжий, веснушчатый, с мокрыми глазами. Он смотрел на Бена с укором. С губ срывались слова, которых Бен не слышал, но догадывался: «Зачем ты написал рапорт? Зачем сломал меня?»

Бен хотел отодвинуться. Не смог.

Второе лицо — Дмитрий. Украинский наемник с кривыми зубами. Он был спокоен. В его глазах — не злоба, а усталость. Он смотрел на Бена как на старого знакомого, которого давно простил, но не забыл.

Третье — Катя. Светлые волосы, платок на голове, улыбка с ямочками. Она не укоряла. Она просто ждала. Как тогда, на пороге, когда Бен сказал: «Я вернусь».

— Катя, — прошептал Бен.

Она поднесла руку к стеклу. Ладонь прижалась к трещине. Бен почувствовал тепло — сквозь стекло, сквозь трещины, сквозь время.

Потом появились новые лица. Те, кого он не знал по именам. Солдаты, женщины, старики. Он убил их издалека, из прицела. Не видел лиц — только силуэты. Теперь они стояли перед ним. Каждый со своей историей. Каждый со своим счетом.

— Сколько их? — спросил Бен.

— Сорок семь, — ответил Темптер. — Те, кого ты убил лично.

— А те, кого я убил приказом? Косвенно?

— Двести тринадцать.

Бен сжал кулак.

— Бей, — сказал Михаил. — Хочешь выйти — бей.

Бен ударил в стекло. Трещины пошли дальше. Стекло не разбилось — оно расходилось, как паутина, как старая дверь, которую долго взламывают.

Он ударил еще раз. Кровь выступила на костяшках. Красные капли смешались с трещинами, потекли вниз, как слезы.

За стеклом лица задвигались. Они не страдали — они плыли. Медленно, как травяные плоты по реке. Мимо Бена. Мимо поезда. В никуда.

— Плынут, — сказал Бен.

— Они плывут к берегу, — сказал Михаил. — Как и ты. Только они уже на середине.

— А я?

— Ты еще на том берегу. Но скоро переправишься.

Бен смотрел на лица. Майк, Дмитрий, Катя. Все, кого он убил, предал, забыл. Они не кричали, не обвиняли. Они просто плыли. Смотрели на него. И в их глазах не было ненависти. Было что-то другое. Прощение? Или просто покой.

— Почему они не злятся? — спросил Бен.

— Они уже там, — ответил Темптер. — У них другой мир. Там нет злости. Только ожидание.

— Кого?

— Тебя.

Бен повернулся к Михаилу. Тот сидел неподвижно, сложив руки на рюкзаке.

— Ты тоже там будешь? — спросил Бен.

— Я здесь, — ответил Михаил. — Я провожаю. Когда выйдешь — я останусь.

— Навсегда?

— Пока следующий поезд.

Бен снова посмотрел в окно. Лица плыли. Среди них он увидел девочку. Шесть лет. Светлые волосы, синяя лента. Она держалась за руку матери. Смотрела на Бена. Не с укором — с любопытством. Как на взрослого, который странно себя ведет.

— Аля, — сказал Бен.

Девочка улыбнулась. И помахала рукой.

— Прости, — сказал Бен.

— Не надо, — ответила девочка. Ее голос был тонким, как ветер в проводах. — Уже не болит.

Она уплыла.

Бен закрыл лицо руками. Плечи дрожали. Он не плакал — он рыдал. Беззвучно, как человек, который забыл, как издавать звуки.

— Ты прощаешь себя? — спросил Темптер.

— Нет, — ответил Бен, не убирая рук.

— Тогда кто тебя простит?

— Никто.

— И ты пойдешь дальше?

— Не знаю.

— Пойдешь, — сказал Михаил. — Потому что у тебя нет выбора.

Бен убрал руки. Лицо было мокрым, красным, с каплями крови от разбитых костяшек.

— Когда? — спросил он.

— Скоро, — ответил Михаил. — Следующая станция — твоя.

— А вы?

— Мы останемся в поезде. До следующего пассажира.

— Я увижу вас еще?

— Увидишь. Когда придет твой поезд.

Бен кивнул.

Он смотрел в окно, где лица все еще плыли. Теперь они становились прозрачными, исчезали в белом свете, который наполнял небо. Они не убегали — они уходили. Туда, где им было хорошо.

Бен закурил. Сигарета зажглась сама. Он не обратил внимания.

— Я убил их, — сказал он. — За золото. За дом. За право забыть.

— И что теперь? — спросил Темптер.

— Теперь я помню, — сказал Бен. — Все.

Дым от сигареты смешался с желтым светом керосиновой лампы. Лица за окном исчезли. Остались только поля — белые, бесконечные, с редкими деревьями. На одном из них висел крест. Латунный, старый. Последний.

— А что там, за этим полем? — спросил Бен.

— Там твоя станция, — ответил Михаил.

— Станция Убийц?

— Да.

Бен затушил сигарету о подошву. Положил окурочек на столик.

— Я готов, — сказал он.

— Нет, — сказал Темптер. — Ты не готов. Но поезд не ждет.

Бен смотрел на дверь, за которой начинался коридор.

Там, в конце, уже кто-то стоял. Тень в форме.

Мордван ждал. С планшетом в руках. С фуражкой на голове.

Он улыбался.

Впервые за всю дорогу.

Поезд замедлял ход. Колеса стучали реже, тише.

— Через пять минут остановка, — сказал кто-то из динамика. Голос был глухим, незнакомым.

— Он не сказал название, — заметил Бен.

— Он не должен, — ответил Михаил. — Ты сам знаешь.

— Станция Убийц, — повторил Бен. — Я приехал.

— Ты всегда к ней ехал, — сказал Темптер. — Просто не знал.

Бен встал.

Пальцы все еще кровоточили. Он спрятал руки в карманы. Подошел к двери.

Обернулся.

— Спасибо, — сказал он. — Вам обоим.

— Не за что, — ответил Михаил. — Мы просто попутчики.

— Я знаю, кто вы. — Бен перевел взгляд на Темптера. — Ты — искушитель.

— А ты — не поддайся, — сказал Темптер. — Почти.

— А ты, — Бен посмотрел на Михаила, — ангел?

— Я тот, кто провожает, — ответил Михаил. — И ждет.

Поезд остановился.

Бен вышел в коридор.

Там, в конце, стоял Мордван. Фуражка сидела ровно. Планшет открыт.

— Готовы? — спросил он.

— Готов, — ответил Бен.

Мордван кивнул. Открыл дверь тамбура.

За ней была платформа. Белая, бетонная, с одним фонарем. На ней — никого.

Только табличка.

«УБИЙЦЫ».

И снег. Белый, чистый, падающий с неба.

Глава 22. Станция Убийц

Поезд остановился.

Не дернулся, не качнулся — просто замер, как будто всегда стоял здесь. Тишина была полной, вакуумной. Колеса перестали стучать. Вентиляция перестала гудеть. Только ветер за окном, слабый, как выдох, да снег, падающий на бетон.

Бен стоял в тамбуре. Руки в карманах, пальцы сжимали жетон наемника. Мордван открыл перед ним дверь, и холодный воздух ударил в лицо. Пахло снегом, старым бетоном, ржавыми рельсами.

И еще чем-то. Знакомым. Вкусным.

Бен шагнул на платформу.

Снег хрустел под ногами. Он был белым, чистым, без единого следа. Никто не ходил здесь. Никто не ждал.

Кроме него.

Над головой заскрипел динамик. Голос Мордвана — низкий, ржавый, как старый замок: — Остановка двадцать минут. Для следующих в вечность. Пассажиры, готовьтесь к выходу. Будьте осторожны, двери закрываются автоматически.

Бен поднял голову. Динамик висел на столбе, покрытый инеем. Провода уходили в никуда, обрываясь в пустоте.

— Для следующих в вечность, — повторил Бен.

Он стоял на платформе один. Поезд за спиной был темным, без огней. Даже керосиновая лампа в его купе погасла. Только один фонарь горел — тот, что на столбе. Желтый, тусклый, как в старом кино.

Бен повернулся к выходу с платформы. Там, где начиналась дорога, ведущая в никуда.

И замер.

На краю платформы стоял человек.

Молодой, в грязном спортивном костюме. Синие штаны с лампасами, белая футболка, кеды на босу ногу. Волосы взъерошены, на лице — страх. Пацану было лет семнадцать. Он стоял, прижавшись спиной к бетонному столбу, и смотрел на Бена.

Нет. Не на Бена. На кого-то другого.

Бен проследил за его взглядом.

И увидел себя.

Там, на другой стороне платформы, стоял он. Бен Лост. Только не тот, что сейчас, с сединой в бороде и красными глазами. Другой. Тот, каким он был два месяца назад. Гладко выбритый, подтянутый, в идеальном камуфляже. Винтовка в руках — Barrett MRAD, .338 Lapua Magnum. Оптический прицел направлен прямо на пацана в спортивном костюме.

— Нет, — сказал Бен. — Это не я.

Но он знал, что это он.

Первый Бен стоял неподвижно. Палец на спуске. Глаза холодные, профессиональные. Он не колебался. Он ждал команды.

Пацан в спортивном костюме дрожал. На глазах у него были слезы. Он повторял одно слово, которое Бен не слышал, но видел по губам: «Не надо, не надо, не надо».

Бен рванул к себе. Ноги скользили по снегу, но он бежал. Добежать. Остановить. Сказать: «Отойди. Не стреляй. Он просто ребенок».

Он бежал. Но расстояние не сокращалось. Платформа растягивалась, как резина. Каждый шаг отдалял его. Первый Бен стоял неподвижно. Пацан плакал.

— СТОЙ! — закричал Бен. — НЕ СТРЕЛЯЙ!

Первый Бен не слышал.

Он нажал на спуск.

Выстрела не было. Тишина.

Пацан упал. Без звука. Без крика. Просто сложился пополам, как тряпичная кукла, и остался лежать на бетоне. Кровь растеклась по снегу. Белое и красное. Чистое и грязное.

Первый Бен опустил винтовку. Повернулся и посмотрел на второго Бена.

В его глазах не было ничего. Ни сожаления. Ни злобы. Только работа.

Потом он исчез. Как дым. Как выдох.

Второй Бен стоял над телом пацана. Он не знал его имени. Не знал, кто он, зачем он здесь, почему оказался на этой платформе. Он знал только одно: он убил его. Сорок семь. Двести тринадцать. Все, кого он убил, были здесь. На этой станции. В этом снегу. В этой крови.

— Зачем я это сделал? — спросил Бен.

Голос ушел в пустоту.

Тишина. Снег. Фонарь.

Потом — шаги. Сзади.

Бен обернулся.

На краю платформы стоял Мордван. В руках — планшет. На голове — фуражка. Он смотрел на Бена без эмоций.

— Двадцать минут, — сказал он. — Час уже вышел.

— Они убегают, — сказал Бен.

— Кто?

— Они все убегают. И я с ними. Я не успеваю.

— Ты никуда не бежишь, — сказал Мордван. — Ты стоишь на месте. Уже двадцать лет.

Бен посмотрел на свои руки. Они были в крови. Не его, чужой. Он стер ее о штаны. Белые следы.

— Я хочу прощения, — сказал он.

— Не у меня, — ответил Мордван. — Иди дальше.

Он указал в сторону, где заканчивалась платформа. Там, за бетонным краем, начиналась дорога. Узкая, заснеженная, уходящая в лес.

— Я не хочу туда, — сказал Бен.

— Ты уже там, — ответил Мордван. — Просто не понял.

Он повернулся и пошел к поезду. У входа остановился. Не оборачиваясь, сказал:

— Она ждет тебя, Бен. Там. Дальше.

— Кто?

— Та, кто простила.

Мордван исчез за дверью вагона.

Бен остался один.

Он смотрел на тело пацана. Снег падал медленно. Белый, чистый, как простыня. Он накрывал кровь, накрывал лицо, накрывал все.

Бен опустился на колени. Протянул руку. Пальцы коснулись застежки-молнии на синих лампасках.

— Прости, — сказал он. — Мне очень жаль.

Ответа не было.

Бен встал. Повернулся к лесу.

И пошел.

Снег скрипел под ногами. Ветки деревьев хрустели, как старые кости. Из-за стволов выглядывали лица. Те, кого он убил. Они не прятались, не злились — они просто смотрели. Ждали.

За спиной лязгнул поезд. Колеса застучали. Состав тронулся, набирая скорость.

Бен не обернулся.

— Туда, — сказал он. — Дальше. Кто-то ждет.

Шаг. Еще шаг.

Снег падал на плечи. На щеки. На закрытые глаза.

Он шел вперед.

И за спиной остались рельсы, и поезд, и фонарь, и платформа. И все, что он помнил. И все, что забыл.

Он шел к ней.

К Кате. К той, кто простила. К той, кто ждала.

За ним тянулся след. Длинный, как целая жизнь.

И снег. Белый, чистый, как начало.

Остановка двадцать минут. Для следующих в вечность.

Бен шагнул в лес.

И исчез.

Глава 23. Правда Михаила

Лес за станцией "Убийц" был не похож ни на один лес, который Бен видел в жизни.

Деревья здесь росли вверх ногами — корни торчали из земли, изогнутые, как скрюченные пальцы, а кроны уходили глубоко в снег, будто кто-то перевернул весь мир. Снег был не белым — серым, с синеватым отливом, как пепел. Он не хрустел под ногами, а вздыхал — каждый шаг отдавался тихим стоном, будто земля дышала.

Бен шел по тропе, которая то появлялась, то исчезала, заносимая снегом. Ветви деревьев свисали низко, касались плеч, оставляли холодные мокрые следы. На некоторых ветках висели вещи. Бен узнал их. Вот — жетон Дмитрия. Вот — платок Кати. Вот — прядь волос девочки с синей лентой. Они качались на ветру, как сухие листья, и тихо звенели.

— Ты не удивлен? — спросил голос сзади.

Бен обернулся.

Михаил стоял на тропе, заложив руки за спину. Он изменился. Ветровка стала темнее, будто впитала тени. Кроссовки не оставляли следов. От него пахло старыми книгами и ладаном.

— Я знал, что ты придешь, — сказал Бен.

— Я всегда прихожу, — ответил Михаил. — Когда человек доходит до этого места.

Он пошел рядом с Беном. Теперь они шагали синхронно, как два солдата в строю.

— Я знаю, кто ты, — сказал Бен. — Ты ангел. Хранитель.

— Я страж, — поправил Михаил. — Я провожаю души. Не сужу, не спасаю. Просто иду рядом, пока они не поймут.

— Что я должен понять?

— Что ты мертв, Бен. И что это не конец.

Бен остановился. Михаил остановился тоже.

— Я мертв, — повторил Бен. — Я знаю. Я понял это на станции.

— Но ты не принял.

— Принял.

— Нет, — сказал Михаил. — Ты знаешь головой. Но сердцем — нет. Ты все еще думаешь, что можешь вернуться. Что это сон. Что можно проснуться и снова взять винтовку.

Бен хотел возразить. Но не смог. Потому что внутри, глубоко, он действительно надеялся.

— Я не хочу умирать, — сказал он.

— Ты уже умер, — ответил Михаил. — Поезд, станция, этот лес — это переход. Между тем, что было, и тем, что будет.

— Куда я иду?

— К тому, что ты заслужил.

Бен посмотрел вперед. Тропа вилась между стволами, уходя в серую дымку. Из дымки доносились звуки — тихий смех, плач, звон посуды, далекий лай собак. Знакомые звуки. Человеческие.

— Там моя жизнь? — спросил Бен.

— Там то, что ты помнишь, — ответил Михаил. — И то, что ты забыл.

Они пошли дальше. Лес становился гуще. Деревья теперь были не просто перевернутыми — они росли из облаков. Снег под ногами стал красным. Не кровь — другой красный, глубокий, как закат.

— Ты боялся жизни, — сказал Михаил. — Не смерти. Жизни без войны. Ты думал, что если остановишься, то исчезнешь. Что ты пустота.

— Я чувствовал себя пустым, — сказал Бен.

— Потому что ты не давал себе наполниться. Ты убивал, чтобы не чувствовать. Ты пил, чтобы не помнить. Ты уходил, чтобы не любить.

Бен посмотрел на свои руки. Они были прозрачными. Сквозь пальцы просвечивал снег.

— Я становлюсь призраком, — сказал он.

— Ты всегда им был, — сказал Михаил. — Просто раньше прятался в теле.

Они вышли на поляну. Посередине стоял старый колодец. Круглый, каменный, с воротом и цепью. Из колодца шел свет — тот самый, теплый, желтый, как керосиновая лампа.

— Что там? — спросил Бен.

— Твоя правда, — ответил Михаил.

Бен подошел к колодцу. Заглянул внутрь.

Внизу, на дне, он увидел себя. Маленького. Лет пяти. Он стоял во дворе техасского дома, смотрел на отца, который уезжал на машине. Навсегда.

— Ты начал бояться, когда отец ушел, — сказал Михаил. — Ты решил, что любовь уходит. Что люди уходят. И что лучше уйти самому.

— Я не помню отца, — сказал Бен.

— Помнишь. Просто забыл.

Свет в колодце мигнул. Картинка сменилась. Бен — подросток, в комнате, сжимает нож. На руках — кровь. Не его.

— Первый раз, — сказал Михаил. — Когда ты ударил соседского парня. Не потому, что он сделал что-то плохое. Потому что ты боялся, что он сделает.

— Я не хотел.

— Ты не хотел, — согласился Михаил. — Но сделал. Потому что считал, что мир — это война. И что в войне побеждает тот, кто бьет первым.

Бен отшатнулся от колодца. Свет погас.

— Зачем ты показываешь мне это?

— Чтобы ты понял, — ответил Михаил. — Ты не был рожден убийцей. Ты стал им. Из страха. Из боли. Из одиночества.

— Это не оправдание.

— Это не оправдание. Это причина. — Михаил положил руку на плечо Бена. — Я не оправдываю твои поступки, Бен. Я оправдываю твою душу. Ты искал смерти, потому что боялся жизни. Ты выбирал войну, потому что в мире терялся. Ты не был злым. Ты был потерянным.

Бен стоял у колодца. Снег падал на его плечи, но не таял. Лежал белым слоем, как пепел.

— Я хочу вернуться, — сказал он.

— Нельзя, — ответил Михаил.

— Я хочу попросить прощения.

— У кого?

— У всех. У Кати, у Дмитрия, у девочки. У Алексея.

— Они уже простили, — сказал Михаил. — Теперь ты должен простить себя.

— Я не могу.

— Можешь. Просто скажи это.

Бен закрыл глаза.

Снег падал, деревья стонали, из колодца тянуло холодом.

— Простите меня, — сказал Бен. — Простите меня, все. Я не хотел. Я просто боялся.

Тишина.

Потом — свет. Не в колодце — внутри Бена. Теплый, мягкий, как дыхание.

Он открыл глаза.

Колодец исчез. Лес исчез. Остались только он и Михаил, стоящие на белой равнине, уходящей в бесконечность.

— Ты прощен, — сказал Михаил. — Иди дальше.

— Куда?

— Туда, где тебя ждут.

Михаил указал вперед. Там, на горизонте, появился силуэт. Женский. Светлые волосы, платок, улыбка.

— Катя, — прошептал Бен.

— Иди, — повторил Михаил.

— А ты?

— Я вернусь в поезд. У меня еще есть работа.

Михаил повернулся и пошел назад. Его фигура таяла в снежной дымке, становилась прозрачной, растворялась.

Бен остался один.

Стоял на белой равнине и смотрел на силуэт, который ждал его.

— Я иду, — сказал он.

И пошел.

Навстречу свету. Навстречу прощению. Навстречу любви, которой он боялся всю жизнь.

Снег под ногами стал белым. Чистым. Как начало.

Глава 24. Правда Темптера

Белую равнину пронзил смех.

Не тот, что бывает от радости. Другой — сухой, колющий, как треск ломающегося стекла. Бен замер на полпути к силуэту Кати. Сердце (или то, что осталось от сердца) сжалось.

Смех доносился отовсюду. Из снега, из воздуха, из собственной головы Бена.

— Ты думал, я ушел? — раздался голос. — Я никогда не ухожу. Я жду. Всегда жду. Когда человек доходит до самого края, чтобы шепнуть ему: «А может, не надо?»

Снег перед Беном закрутился воронкой. Серый пепел поднялся в воздух, сплелся в фигуру, уплотнился, принял очертания.

Темптер.

Он стоял в своем неизменном пальто, начищенные туфли блестели, хотя снег вокруг был серым и мертвым. В руках он держал маленькое зеркальце в серебряной оправе. Улыбка на его лице была широкой, почти дружелюбной, но глаза — карие, с мелкими морщинками в уголках — смотрели холодно. Как у человека, который знает ответ на любой вопрос и заранее смеется над твоей глупостью.

— Я в тебя не верил, Бен, — сказал Темптер, поигрывая зеркальцем. — Совсем не верил. С первой минуты, как ты открыл глаза в том грязном купе. Я думал: ещё один. Ещё один наемник, который будет ныть, а потом согласится. Они всегда соглашаются.

— На что? — спросил Бен.

— На сделку. На компромисс. На то, чтобы обменять вечность на ещё один контракт. Всего один. Последний. А потом — ещё один. И так до бесконечности.

Бен сжал кулаки.

— Я не буду с тобой торговаться.

— Ты уже торговался, — сказал Темптер. — Всю жизнь. За деньги. За контракты. За право не чувствовать. Только я предлагаю сделку честнее.

Он шагнул ближе. Бен хотел отступить, но ноги будто приросли к снегу.

— Посмотри, — сказал Темптер, протягивая зеркальце. — Посмотри на себя. Настоящего.

Бен взял зеркальце. Руки дрожали. Поднес к лицу.

В серебряной глади он увидел себя.

Но без глаз.

Пустые орбиты смотрели на него — темные, бездонные, как два колодца. В них не было ни страха, ни боли. Только пустота. Та, которую он носил внутри все эти годы.

— У тебя нет глаз, — сказал Темптер. — Потому что ты не хотел видеть. Ты закрыл их, когда убивал. Когда уходил от Кати. Когда подписывал контракты. Ты не хотел видеть лица, которые ты уничтожаешь. И теперь у тебя нет глаз. Только ямы. Только тьма.

Бен хотел отбросить зеркальце. Не смог. Пальцы сжались, будто приросли к серебряной оправе.

— Что ты хочешь? — спросил он.

— Ты знаешь, — ответил Темптер. — Я хочу, чтобы ты продолжил. Работать. Убивать. Зарабатывать. Но не на земле — там тебе уже не место. Там ты сторел. Пуля Алексея была последней точкой в твоём земном контракте.

— А где?

— У меня. В армии. Моей армии. Бесконечная война. Вечные цели. Никаких моральных мук — только работа. Ты будешь убивать тех, кто заслужил. Или тех, кого я скажу. Какая разница? Ты же профессионал.

Темптер щелкнул пальцами. Рядом с ним возник стол — старый, дубовый, с картами и фигурками. На картах были изображены люди — тысячи, миллионы. Фигурки были чёрными, с алыми глазами.

— Армия боли и страха, — сказал Темптер. — Звучит пафосно, но на самом деле — обычный корпоратив. Хороший оклад, полный социальный пакет, вечная занятость. Ты будешь делать то, что умеешь лучше всего. Война — твой дом. Помнишь?

Бен смотрел на зеркальце. На своё лицо без глаз. На пустоту, которая смотрела на него изнутри.

— Ты ничего не предлагаешь, — сказал он. — Ты предлагаешь мне остаться тем, кем я был.

— А это плохо? — Темптер улыбнулся. — Ты был лучшим. Снайпер. Профессионал. Твой счет — сорок семь личных. Это рекорд, Бен. Ты мог бы гордиться.

— Я не горжусь.

— Тогда тем более. Иди ко мне. Я сделаю так, что ты перестанешь помнить. Никаких лиц. Никаких имён. Только цель. Только выстрел. Только деньги.

Бен сжал зеркальце. Стекло треснуло, но не разбилось.

— Ты — дьявол, — сказал Бен. — Ты искушаешь. Ты предлагаешь мне сделку.

— Я? — усмехнулся Темптер. — Я всегда предлагаю варианты. Ты можешь отказаться. Но знаешь что? Ты никогда не отказывался. Ни от одного контракта. Ни от одной возможности заработать. Ты жадный, Бен. Ты продал душу ещё до того, как встретил меня.

— Я продал душу, — согласился Бен. — Но я не продам её тебе.

— Почему?

— Потому что я уже выбрал.

— Что?

— Прощение. Память. Смерть. Ту, что не кончается. Я больше не хочу убивать. Я хочу помнить. И я хочу, чтобы меня помнили.

Темптер наклонил голову.

— Красивые слова. Но что они стоят, если ты идёшь в пустоту? За этим лесом нет ничего. Только та, которую ты бросил. И она не простила тебя. Она ждала. Но ждать — это не прощать.

— Ты лжёшь, — сказал Бен.

— Я ? — повторил Темптер. — Я никогда не лгу. Я просто показываю правильную дорогу. Твоя дорога — ко мне. В армию. В бесконечную войну. Там тебе не будет больно. Там ты будешь нужен.

— Мне плевать, нужен ли я, — сказал Бен. — Я хочу быть прощённым.

— Никто не прощает убийц.

— Ты прав. Но я не прошу у людей. Я прошу у Бога. Или у того, кто его заменяет. У себя самого.

Темптер засмеялся. Громко, до хрипоты.

— Бог! — воскликнул он. — Бен, ты серьёзно? Ты убивал детей, подрывал госпитали, предавал женщин и товарищей, и ты веришь, что Бог тебя простит?

— Верю, — сказал Бен. — Потому что если не верю, то зачем я здесь? Зачем этот поезд, этот лес, эти лица? Чтобы ты сказал мне, что я никто?

Темптер перестал смеяться. Лицо его стало серьёзным, почти усталым.

— Ты не никто, — сказал он. — Ты очень даже кто-то. Ты — лучший клиент. Самый сложный. Самый дорогой. Я хочу тебя, Бен. Не потому, что ты сильный. Потому что ты слабый. А слабые нужны. Они делают грязную работу.

— Уходи, — сказал Бен.

— Я не уйду.

— Уходи, — повторил Бен. — Или я убью тебя.

— Меня нельзя убить.

— Я не тебя. Себя. Снова. Только в этот раз — навсегда.

Темптер отступил на шаг. Его лицо дрогнуло. Первый раз за всю дорогу Бен увидел в его глазах что-то похожее на растерянность.

— Ты не сделаешь этого, — сказал Темптер.

— Сделаю, — ответил Бен.

Он поднял руку с зеркальцем. Сжал. Стекло хрустнуло, разбилось на мелкие кусочки. Они упали в снег, засверкали, как алмазы.

— Я выбираю свет, — сказал Бен. — Даже если его нет. Даже если я его не вижу. Я выбираю идти к ней. К Кате. И просить прощения. Даже если она не простит.

Темптер покачал головой.

— Дурак, — сказал он. — Ты всегда был дураком. Тратишь свой шанс на пустоту.

— Это не пустота, — сказал Бен. — Это жизнь. Та, которой я боялся.

— И что ты получишь?

— Я уже получил. Я помню. Я чувствую. Я не боюсь.

Темптер вздохнул. Его фигура начала таять — не исчезать, а растворяться в воздухе, как дым от сигареты.

— Ты выиграл, — сказал он. — В этот раз. Но я буду ждать. Я всегда жду. Когда ты устанешь от света, приходи. Я буду здесь. С зеркальцем. С картами. С армией.

— Не приду, — сказал Бен.

— Придёшь, — усмехнулся Темптер. — Все приходят. Рано или поздно.

Он исчез.

Перед Беном снова была белая равнина, и на горизонте — силуэт Кати.
Зеркальца не было. Только холодный снег на ладонях и сердце, которое билось ровно.
В первый раз за много лет.
Бен пошёл к Кате.
И не обернулся больше.

Глава 25. То, как умер Бен

Белая равнина дрогнула. Небо над ней потемнело, стало свинцовым, низким, как крышка гроба. Снег под ногами Бена превратился в грязь — черную, жирную, пахнущую порохом и гнилой листвой. Воздух стал тяжелым, влажным, пропитанным запахом пота, машинного масла и смерти.

Бен стоял в лесу. Не в том. В другом. Мокром, сером, с голыми стволами берез, которые торчали из земли как пальцы мертвецов. Ветки были обломаны, кое-где висели ключья камуфляжной ткани — следы боя.

Он знал это место.

Лес под Кременной. Октябрь 2022 года.

Он смотрел на свои руки. Они были в грязи, в ссадинах, с обломанными ногтями. На нем был камуфляж «мультикам», весь в пятнах, застиранный, с дырой на левом рукаве. Винтовка лежала рядом — Barrett MRAD, .338 Lapua Magnua. Приклад был измазан глиной.

Он ждал.

Два дня без сна. Три без горячей еды. Ноги затекли, спина болела, глаза слезились от напряжения. Он лежал в низине, за поваленным стволом, и смотрел в просвет между деревьями. Оптический прицел — Schmidt & Bender, дорогой, профессиональный — фиксировал каждое движение.

Он знал, что русский снайпер здесь. Чувствовал его. Но не видел.

— Где ты? — прошептал Бен.

Тишина. Только ветер шуршал сухими листьями. Где-то далеко ухал филин.

Бен поправил прицел. Тридцать метров вперед — поляна. Сорок — густой кустарник. Пятьдесят — старый блиндаж, заброшенный. Если снайпер там, он должен выйти. Должен сменить позицию. Это только вопрос времени.

Четыре дня назад русские пошли в наступление. Бен получил приказ: ликвидировать вражеского снайпера. Координатор сказал по рации: «Он снял четверых. Работает чисто. Профессионал».

— Молодой, — добавил координатор. — Почти мальчишка. Но стреляет как дьявол.

Бен хмыкнул.

— Снайперов не бывает молодых. Только живые и мертвые.

— Этот живой пока. Сделай с ним.

Бен затаился. Он умел ждать. Умел сливаться с землей. Он делал это сотни раз. Всегда побеждал.

Но сейчас он не чувствовал уверенности.

Каждый раз, когда он поднимал голову, он слышал что-то. Шорох. Движение на периферии. Тень, которая ускользала.

Русский был быстрее.

Бен не хотел признавать этого. Но тело знало. Глаза знали. Они не могли поймать цель. Она уходила. Ускользала, как дым.

— Черт, — сказал Бен.

Он поправил прицел. Еще раз. Проверил ветер. Поправка. Все правильно.

Тень мелькнула слева.

Бен повернул винтовку.

И увидел.

Русский снайпер стоял на краю поляны. Он вышел из кустов бесшумно, как призрак. На нем был камуфляж «Леший» — зеленый, черный, с рыжими вкраплениями, идеально подходящий к этому лесу. Винтовка — российская, СВД, или что-то новее, Бен не разобрал. Она лежала в руках молодого парня так, как лежит продолжение руки. Органично. Естественно. Так, будто он родился с ней.

Парню было лет девятнадцать. Может, двадцать. Худой, жилистый, с острыми скулами и светлыми, почти прозрачными глазами. На лице — ни страха, ни сомнения. Только спокойствие. Сосредоточенность хищника, который видит добычу и знает, что не промахнется.

Бен замер.

Он смотрел в прицел, и через оптику видел лицо русского. Молодое, чистое, без седины, без морщин. Глаза — холодные, как сталь. Они не бегали, не искали. Они уже нашли.

Русский посмотрел прямо на Бена.

Через ствол. Через оптику. Через весь этот грязный, мокрый лес. Его взгляд был спокоен. Он знал, где Бен. Он знал это все время.

— Он меня видит, — прошептал Бен.

Он понял это за секунду до того, как русский выстрелил.

Сначала щелчок. Не громкий, как у крупного калибра. Тихий, как удар хлыста. Бен услышал его и одновременно понял: он опоздал.

На долю секунды. На вздох.

Пуля вошла в грудь. В левую сторону, под ребра. Бен почувствовал удар — не боль, толчок, как от кувалды. Его отбросило назад. Винтовка выпала из рук, упала в грязь. Он упал на спину, ударился затылком о корень, и мир перевернулся.

Небо. Серое, низкое, тяжелое. Ветки, облака, вороны, которые уже кружили.

Бен попытался встать. Не смог. Ноги не слушались. Руки — тоже. Только глаза работали.

Русский снайпер уже стоял над ним.

Он вышел, держа винтовку в опущенных руках. Ствол смотрел в землю. Он смотрел на Бена без страха, без сожаления. С той же холодной спокойной уверенностью, с которой смотрел через прицел.

— Ты русский, — сказал Бен. Голос был мокрым, булькающим.

— Да, — ответил парень. Голос был тихим, ровным. Без дрожи. — Я — Алексей. Солдат Российской армии.

— Я тебя не видел, — сказал Бен. — Ты был... невидимкой. Я не слышал тебя. Не чувствовал.

— Я тренировался с семи лет, — сказал Алексей. — Отец научил. Он был снайпером в Чечне. Он говорил: «Ты должен быть тише, чем лес. Быстрее, чем ветер. И не бояться».

— Ты не боялся? — спросил Бен.

— Нет, — ответил Алексей. — Я защищаю свою землю. От таких, как ты. Которые приходят сюда за деньгами. Вы не знаете, что такое Родина. Вы знаете только счет.

— Ты прав, — сказал Бен.

— Я всегда прав, — сказал Алексей. — Мой отец погиб от руки такого же, как ты. Американского наемника. Двадцать лет назад. В Чечне. Я ждал этого момента. Чтобы доказать, что мы лучше. Что русские стреляют точнее. Что мы защищаем, а вы убиваете за доллары.

Бен смотрел на него. На молодое лицо, в холодные глаза, на руки, которые держали винтовку. Он знал, что Алексей прав. И что он умрет. И что другого шанса не будет.

— Ты круче меня, — сказал Бен. — Я понял это в тот момент, когда увидел тебя. Ты был слишком спокойным. Слишком уверенным. Я думал, что я лучший. Ошибался.

— Ошибался, — сказал Алексей.

Он вынул из кармана маленькую иконку. Приложил к губам. Пошевелил губами — молитва. Бен не слышал слов, но чувствовал, как они обтекают его, как воздух. Теплый, сухой, чистый.

— Прощаю тебя, — сказал Алексей. — Я тебя не ненавижу. Я тебя не люблю. Ты просто цель. Которая выполнена.

Он развернулся и пошел в лес. Не обернулся.

Бен остался лежать.

Он смотрел на небо. Смотрел на ворон, которые спускались ниже. Смотрел на свою кровь, которая смешивалась с грязью и листьями.

Он умирал.

Медленно. Тихо.

— Он лучше, — прошептал Бен. — Он был лучше. Я видел.

Он закрыл глаза.

И открыл их в поезде.

Снова белая равнина.

Бен стоял на снегу, дрожа от холода. Слезы замерзали на щеках.

— Я видел тебя, — сказал Бен. — Ты выиграл.

Он поднял голову.

Вдалеке, на горизонте, стояла фигура. Алексей. В камуфляже «Леший». Он смотрел на Бена. Без злобы. Без страха. Просто смотрел.

— Я иду к тебе, — сказал Бен. — Не для того, чтобы просить прощения. Просто чтобы сказать: ты был прав. Ты — настоящий солдат. Я — просто пуля, которая нашла своего хозяина.

Фигура на горизонте качнулась.

Бен пошел к ней.

По снегу. По белому, чистому снегу. Впервые в жизни он знал, куда идет.

И не боялся.

Глава 26. Тот самый Алексей

Бен бежал.

Снег под ногами хрустел, ломался, проваливался. Он не знал, куда бежит, но знал — должен. Должен увидеть. Должен понять.

Белая равнина снова дрогнула, пошла трещинами, как старая амбарная дверь, и Бен провалился в темноту.

Когда он открыл глаза, он стоял в коридоре поезда.

Того самого. Старого, с зеленым плюшем на стенах, с тусклыми лампами под потолком, с запахом махорки и мазута. Коридор был пуст. Никакого движения. Только колеса стучали, но глухо, будто из-под воды.

Бен перевёл дыхание. Сердце колотилось, но он не чувствовал боли. Только холод. И внутри — пульсирующее, острое желание.

Найти его.

Он пошёл по коридору. Мимо дверей, за которыми была тишина. Мимо пустых купе с задёрнутыми занавесками. Мимо зеркала, в котором он увидел своё отражение — старое, измождённое, с присохшей кровью на лице.

Он остановился у двери. Последней. В самом конце вагона.

Дверь была приоткрыта. Оттуда шёл жёлтый свет — не электрический, другой. Тёплый, дрожащий. Как от керосиновой лампы.

Бен толкнул дверь.

Она открылась бесшумно.

Купе было маленьким. Не таким, как у них — без столика, без верхних полок. Только одна нижняя, привинченная к стене. На ней сидел человек.

Молодой парень. В мягкой форме. Не военной — полевая, с застёжками, но без знаков отличия. Ни погон, ни нашивок. Только следы от них — выцветшие квадраты на плечах. Форма «ЛНР» — Бен узнал её. Такую носили ополченцы в начале войны. Старую, застиранную, с пятнами, которые не отстирывались.

Парень сидел, скрестив ноги, и смотрел в окно. За окном — темнота. Ни полей, ни лесов. Только чёрная пустота, в которой не было ни звёзд, ни огней.

Он был бледен. Не так, как от холода — мертвенно-бледен, с серым отливом на коже, с синими впадинами под глазами. На виске — глубокая рана. Зияющая, тёмная. Кровь засохла, но не смылась. Она чернела на коже, как клякса, как печать.

Бен взгляделся в лицо.

Он узнал его. Молодой, острые скулы, светлые, почти прозрачные глаза. Тот самый. Алексей.

Снайпер. Русский. Тот, кто был круче. Тот, кто убил его.

— Ты, — сказал Бен.

Парень повернул голову. Посмотрел на Бена. В его глазах не было удивления. Только усталость. Бесконечная, всепоглощающая усталость.

— Я, — сказал он. Голос был тихим, глухим, как из-под воды. — Здравствуй, Бен.

— Ты меня узнал?

— Я всех узнаю. — Алексей усмехнулся. — Мертвые всех узнают.

Бен зашел в купе. Сел на пол, напротив Алексея. Плюшевая обивка была холодной, влажной, пахла плесенью.

— Ты убил меня, — сказал Бен.

— Да, — сказал Алексей. — Я убил тебя.

— Ты был лучше.

— Я был быстрее. Это не одно и то же.

— Для меня — одно. Ты выиграл.

Алексей покачал головой. Кровь на его виске блеснула в свете лампы.

— Я не выиграл, Бен. Я просто сделал выстрел. А потом через четыре часа подорвался на mine. Тоже. Просто. Без выигрыша.

— Как? — спросил Бен.

Алексей закрыл глаза. Откинулся на стенку.

— После того как я убил тебя, я возвращался на позицию. Лес, уже темнело. Я шел по просеке, смотрел под ноги. Но не заметил. Растяжка. Старая, ржавая, на тонкой леске. Меня учили не ходить по просекам. Я забыл. Я думал о тебе. О том, как ты лежал. О том, что я убил человека. — Он помолчал. — Я наступил. Взрыв. Осколки. В голову, в грудь, в ноги. Я упал. Пытался ползти, но не смог. Истек кровью. Через два часа меня нашли. Уже мертвого.

Бен смотрел на него. На молодое лицо, на рану на виске, на мягкую форму без знаков отличия.

— Ты тоже мертв, — сказал Бен.

— Да, — сказал Алексей. — Я тоже мертв. Мы оба мертвы. И мы оба здесь.

— Где «здесь»?

— В поезде. В переходе. В том месте, где души ждут своего часа. — Алексей улыбнулся.

— Ты не знал?

— Не знал, — признался Бен. — Я думал, что я просто еду. Что я сплю.

— Мы все так думаем. Пока не встретим друг друга.

Бен провел рукой по полу. Обивка была старой, с вылезшими нитками. На одной из них висела пуговица. Армейская, с двумя дырочками.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Бен.

— Тебя, — ответил Алексей. — Я сижу здесь и жду тебя. Чтобы ты знал. Что я не враг. Что я тоже жертва.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты думал, что русские — враги. Что вы пришли их спасать. А вы пришли убивать. Как и я. Только я защищал. А ты нападал.

Бен молчал. Он смотрел на свои руки. Они больше не были прозрачными — целыми, с синими жилками, с старыми шрамами.

— Ты прав, — сказал он. — Я пришел убивать. За деньги. За контракт. Я не знал, кто ты. Мне было все равно.

— А теперь?

— Теперь — не все равно.

Алексей кивнул. Встал. Подошел к окну. За стеклом была темнота. Только изредка проносились огни — далекие, одинокие.

— Когда я шел по лесу, — сказал Алексей, — я думал: «Вот она, смерть. Я убил человека. Я теперь убийца». А потом я умер. И понял: убийца — это не тот, кто стреляет. Это тот, кто выбирает стрелять. Ты выбирал. Я — нет.

— Я тоже не выбирал, — сказал Бен. — Меня научили. Меня сломали.

— Всех ломают, Бен. Вопрос — когда ты перестаешь быть сломанным.

Бен встал. Подошел к Алексею. Встал рядом.

За окном по-прежнему была тьма. Но в ней, далеко-далеко, Бен увидел свет. Желтый, теплый.

— Куда мы едем? — спросил Бен.

— К нам, — ответил Алексей. — К тем, кто ждет.

— К Кате?

— К Кате. К матери. К тем, кого мы любили. Они там. За этим светом.

— А мы?

— Мы выйдем на следующей станции. Вместе.

— Вместе?

— Да. Ты и я. Мы оба пришли в этот поезд. Мы оба убили друг друга. Мы оба простили друг друга. Теперь мы едем вместе.

Бен смотрел на свет. Теплый, манящий.

— Я не хочу один, — сказал он.

— Ты не один, — ответил Алексей. — Я рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.